

ПАМЯТЬ И «ПАМЯТЬ»

В СССР — написал недавно американский историк — есть три вида истории: разрешенная, запрещенная и неудобная. Разрешенная — это та, которую видно и слышно; запрещенная — не существует; неудобная опущена и нужно ее разыскивать, чтобы познакомиться. Броская эта формула свидетельствует о том, что американец советской истории, сути ее, роли в государстве не понимает.

В СССР — есть только один вид истории: национализированная, принадлежащая государству. Советские люди, в отличие от всех народов в прошлом и настоящем, не живут со своей историей: им ее выдают, как сахар по карточкам, ею награждают, как медалью — разрешая, по государственным соображениям либо от щедрот, публикацию запрещенного ранее или неудобного имени либо факта. То, что вчера было запрещено, завтра будет, возможно, разрешено, а то, что вчера было разрешено, будет сегодня отовсюду вычеркнуто.

Через 30 лет после Октябрьской революции Джордж Орвелл, один из горстки западных людей, понявших смысл советской системы, написал ее формулу: тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. В эту формулу следует добавить подразумеваемое: кто контролирует прошлое, контролирует и сегодняшний день. За полтора десятка лет до появления формулы Орвелла полное согласие с ней выразил Максим Горький. «Нам необходимо, — писал великий пролетарский писатель, — знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина» (том 27, стр. 333).

Максим Горький, не знавший Орвелла, хорошо знал первого русского историка-марксиста М. Н. Покровского. Руководящее указание Покровского изложил пролетарский писатель, добавив от себя имена основоположников. После Октябрьской революции руководство исторической наукой было передано в руки М. Н. Покровского. Он дал направление: «История — опрокинутая в прошлое политика; историк — публицист, оперирующий фактами прошедшего».

Покровский и его ученики — рождается «школа Покровского» — приступают к «оперированию фактами прошлого», к

оперированию прошлого. С точки зрения Маркса пишется мировая история. Разрывается русская история. 25 октября (7 ноября по новому стилю) — объявляется Первым днем Нового мира. Прецедент был. Революционный календарь, введенный во Франции 6 октября 1793 г., объявлял 22 сентября 1792 г. 1 днем I года нового времени. Французская революция тоже разрывала историю, но объявляла, что она — достигла цели. Октябрьская революция разрывала историю, чтобы идти к Цели. Знаток революций М. Покровский отмечал, что «диктатуре прошлых революций почти не приходилось иметь своего идейного аппарата», но пролетарская революция должна иметь «свой особый орган идейной диктатуры». Покровский и его ученики играют важную роль в этом «органе идейной диктатуры», зачеркивая всю русскую историю.

В 1931 г. в историческую науку входит лично товарищ Сталин. В статье «О некоторых вопросах истории большевизма» он заявляет о необходимости по-новому, по-сталински писать историю. Пройдет несколько лет и Покровский, счастливо успевший умереть в 1932 г., и его школа объявляются «антимарксистскими», вражескими и т. д. и т. п. Марксистская концепция Покровского давала большие возможности; Троцкий в своей книге «Сталинская школа фальсификаций» (1932) писал: «При каждом большом историческом зигзаге приходится переделывать историю заново. Таких больших переделок было три». Троцкий имеет в виду период с 1923 до 1929 г. За 6 лет трижды переделывается история революции и большевистской партии. История — марксистская история! — переделывается в ходе борьбы за власть между эпигонами Ленина. Опыт этой трехкратной переделки истории на протяжении 6 лет интересен: переделывалась вчерашняя история, при живых еще свидетелях, и переделки эти безоговорочно принимаются — членами партии, теми, кто делал революцию. Тем не менее марксистская схема истории не дает Сталину той свободы движений, в которой он нуждается. Схема эта покоится на неких «законах истории», открытых Марксом. Сталину мешают все законы: исторические, юридические, естественные. Он требует отказа от «отвлеченных социологических схем» и замены их «изложением фактов и событий». Одновременно Вождь предупреждает, что только «архивные крысы» и «безнадежные бюрократы» могут придавать серьезное значение каким-то документам или фактам.

В 1934-36 гг. происходит очередной большой поворот: вместо разрушенной истории пишется новая. Тщательно отобранные фак-

ты из русского прошлого должны свидетельствовать, что Сталин не сын разрушительной революции, а прямой потомок собирателей государства. Новая, сталинская история должна заменить память о прошлом.

Прошлое меняется ежедневно, ежечасно — по одному слову Сталина. В 1937 г. Сталин заявляет о восстании Спартака: варвары и рабы с грохотом повалили Римскую империю. Историк, сказавший студентам, что после восстания Спартака Рим просуществовал еще 550 лет, арестовывается, как враг народа. Бывшие герои — народовольцы — исчезают из истории, бывшие злодеи — Петр I, Иван Грозный, Малюта — становятся героями. Только еще в одной стране — в гитлеровской Германии — практикуется подобное отношение к прошлому. Гитлеровский кинорежиссер Вейт Харлан рассказывает, что при съемках фильма о Фридрихе II Геббельс лично требует от него переделать сцену, в которой русский генерал Чернышев, отказываясь помочь австрийцам, позволяет прусскому королю выиграть битву. Во всех учебниках по истории, — пробует вразумить режиссер министра пропаганды, — сказано, что если бы Чернышев не остался в стороне от боя, Фридрих потерпел бы поражение. С сегодняшнего дня, — отвечает министр, — каждый школьник будет знать, что Чернышев был подлец, а победа Фридриха Великого объясняется его гениальной стратегией.

Публикация двух монументальных исторических трудов — «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» Л. П. Берии (1935), «История Всесоюзной Коммунистической партии/большевиков/. Краткий курс» И. В. Сталина (1938) — была важнейшим этапом в процессе огосударствления истории. В процессе обезчеловечения человека, который идет, нарастая, в Советском Союзе в эти годы, роль истории была огромной. Советский человек лишается памяти.

История меняется ежедневно, ежечасно. Но каждое изменение объявляется неизменным, вечным. Советские историки не говорят: Троцкий, руководивший Октябрьским восстанием, потом стал контрреволюционером, агентом гестапо. Советские историки говорят: Троцкий был контрреволюционером и агентом гестапо, когда делал революцию. Так есть, значит так всегда было. И всегда будет — до очередного изменения. Но помнить, что было вчера — вредно, опасно. Отсутствие памяти становится добродетелью и — в какой-то степени — гарантией безопасности. Становится легче предвидеть будущее, чем прошлое.

Смерть Сталина и последовавшие за ней события, в том числе решение ЦК о том, что Берия был всегда «муссаватистом» и английским шпионом, вызвали острое ощущение амнезии у советских граждан. Альпинисты на большой высоте ощущают кислородное голодание, они задыхаются от нехватки кислорода. После смерти Сталина в Советском Союзе болезненно ощущается острая «нехватка памяти».

Идеологический аппарат мобилизует историков, писателей, очевидцев для удовлетворения запроса, для ответа на вопрос о мучавших народ тайнах: тайне 1937 г., тайне лагерей, тайне военных поражений 1941 г., тайне «культ личности». Молекулы правды разбавляются в гектолитрах лжи, история вновь используется как оружие в борьбе за власть, за мундир Сталина. Историки, писатели, очевидцы, выполняющие партийное задание, не возвращают память: одновременно с появлением на страницах разрешенных изданий некоторых вычеркнутых ранее имен и фактов, другие имена и факты со страниц разрешенных изданий исчезают.

Особенно зловещую роль в новом Большом обмане играют так называемые очевидцы, последние, иногда с десятилетиями лагерей за спиной, свидетели ушедшей эпохи: Елизавета Драбкина и Эрнст Генри, Валентин Катаев и Мариетта Шагинян и т. д. Своими показаниями они должны подтвердить подлинность официальной истории. Принцип, который используют эти последние лжесвидетели, четко сформулировала старейшина цеха лжесвидетелей Мариетта Шагинян, написавшая в возрасте «90 лет и 4 месяца»: «Две тысячи лет назад некий римский вельможа спросил у стоявшего перед ним вожака из простого народа, рыбацкого исповедника: что есть истина? Тот, кто стоял перед ним, не смог ответить. Он молчал... В наше время пришел человек, по-новому организующий общество... Он ответил на вопрос, что есть истина: истина — конкретна» («Новый мир», № 11, 1978).

Истина — конкретна. Следовательно — все дозволено.

Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» показала, что не все — дозволено. Разрешая к печати повесть А. Солженицына, Хрущев намеревался использовать ее в ожесточенной политической борьбе, шедшей в верхах, он полагал, можно думать, что правда, напечатанная с разрешения Политбюро и расхваленная «Правдой», превратится в привычную «конкретную истину». Опыт этот никогда больше не повторялся, ибо стало очевидно, что «конкретная истина» и правда сосуществовать не могут. Сопоставление правды и лжи — первый признак пробуждающейся памяти.

Отличие послесталинской эпохи от сталинской в появлении людей «больных историей», нарушающих важнейшую партийную монополию — монополию на память. Книги Александра Солженицына, воспоминания Надежды Мандельштам, романы Владимира Максимова были государственным преступлением и целебным средством, восстанавливающим память.

Народ может считать себя народом, только опираясь на память, — писал Гегель. Но что такое память? Советский литературный критик Н. Шамота утверждает: «Замечено, что у людей, добрых душой и ответственных в своих суждениях и действиях, память устроена так, что в ней сохраняется самое значительное, самое светлое и радостное...» («Вопросы литературы». № 10, 1977). Очевидно у людей недобрых и безответственных «в своих суждениях и действиях» в памяти сохраняются события печальные, безрадостные, ужасные. Следовательно «добрый душой и ответственный» советский человек должен жить с одной половиной памяти, разрешенной ему властями.

Совершенно иное представление о памяти у редакторов «исторического сборника» «Память», выпустивших первый том в 1976 году, а второй — в 1979 г.* Они пишут: «Чтобы понять историю, надо держаться непреложного правила: нет и быть не может таких событий, таких явлений и процессов, таких человеческих судеб, которым не дано стать предметом внимания и изучения; нет таких фактов, которые кто-то вправе закрыть, утаить от «непосвященных» (т. 1, с. V).

Около 120 лет назад Герцен начал выпускать в «Вольной русской типографии» в Лондоне «Исторический сборник». Редакция «Памяти» взяла в подзаголовок своей публикации название герценовского издания. Это — хорошо. Один из элементов памяти — сохранение традиций. Но герценовский «Исторический сборник» и «Память» разделены не только 120 годами. Герцен искал неопубликованные документы, скрываемые факты. «Память» ищет — память. В мозаичной картине истории России в эпоху Герцена не хватало камешков-фактов. Камни-факты, которые должны составить картину советского государства, свалены в кучу в темном углу подвала, вход в который строго запрещен и охраняется вооруженными часовыми, многие из фактов-камней разбиты в пыль.

* «Память». Исторический сборник. Выпуск первый. Москва - 1976. Нью-Йорк - 1978.

«Память». Исторический сборник. Выпуск второй. Москва - 1977. Париж - 1979.

Редакторы «Памяти» в предисловии к первому сборнику отмечают трудность восстановления исторической правды в условиях недоступности архивов, часть которых возможно уничтожена, в условиях, когда справочники перекраиваются «ежегодно по последнему слову идеологической моды, в стране, где даже топонимика — самый устойчивый, как известно, элемент прошлого — меняется дважды и трижды на протяжении жизни одного поколения» (т. 1, с. VII). Они совершенно справедливо указывают, однако, что «главные наши исторические тайны — особого рода. В эти тайны посвящены миллионы людей. Можно тайно подготовить 1937 год, но осуществить его тайно представляется затруднительным. Миллионы свидетелей, и многие из них еще живы» (с. VIII).

Джордж Орвелл писал, что среди западных «интеллигентных коммунистов» была в хождении легенда о том, что советское правительство, «вынужденное лгать в своей пропаганде, организовывать фальсифицированные процессы и т. д. и т. п., тайно ведет тщательную запись подлинных фактов и в свое время их публикует». Казалось невероятным, даже «интеллигентным коммунистам», что партия и руководимое ею государство убивают память — навсегда.

Наивно-глупая легенда западных коммунистов подтверждается, хотя вовсе не так, как они это представляли. Запись подлинных фактов сохраняет память очевидцев, обладающих мужеством, необходимым для того, чтобы помнить правду.

Редакция «Памяти» поставила своей целью сбор исторических свидетельств и их публикацию. «Память» хочет быть восстановленной летописью прошлого.

Два опубликованных тома свидетельствует прежде всего «об огромных резервах исторической памяти». Хронологически представлены события от 1917 г. до конца 60-х годов. Географически — от Кремля до Колымы. Свидетельствуют — генералы, ученые, студенты, крестьяне, рабочие, писатели. На свидетельской скамье — вся страна, советский период истории.

Как и следовало ожидать, наибольшее количество свидетельств связаны с лагерями, тюрьмами, процессами. 24 июня 1919 года В. Г. Короленко записывает в своем дневнике: «В чрезвычайке творятся необыкновенные мерзости» (т. 2, с. 390). А к этому времени «чрезвычайка» существовала уже полтора года. И развертывается скорбный свиток: воспоминания о ссылке в 1926 г., ленинградский ДПЗ в 1929, Соловки во второй половине 20-х, лагерь

смерти на острове Назино в 1933 г., Колыма в 1937 г., Норильск 1940 г., куда привезены красноармейцы, побывавшие в плену у финнов, лагерь смерти для литовских ссыльных на необитаемом острове на севере Якутии в 1942 г., а потом — процессы и лагеря хрущевские и брежневские. После «Архипелага ГУЛаг» трудно добавить что-либо о зверствах палачей, о бесчеловечности системы, питающейся живыми людьми. Тем не менее, каждое свидетельство, прибавляющее хотя бы одну черточку к картине жизни и смерти за проволокой и решеткой — ценно. Гитлеровцы убивали и мучали в своих концлагерях миллионы людей — 12 лет. Мир не может — и не хочет — простить этого Германии даже через 35 лет после уничтожения III рейха. Советские концлагеря благополучно существуют более 60 лет и продолжают мучать и убивать людей. Нельзя перестать о них писать, нельзя перестать о них помнить.

Американский телевизионный фильм «Холокоуст», потряс десятки миллионов телезрителей Запада в 1978-79 гг., прежде всего не демонстрацией ужасов гитлеровского террора, геноцида, но отношением к преступлениям и убийствам немцев: принятием ими преступления против человечества как чего-то естественного, обыкновенного, привычного. Обыкновенными людьми показаны были и палачи: они верили, что убивают евреев на благо своего народа, они были убеждены, что делают добро.

Никто пока еще не сделал фильма «Холокоуст» об истреблении десятков миллионов человек в Советском Союзе. Но можно заранее сказать, что и он показал бы обыкновенность убийств, привычность злодеяний. 29 марта 1919 г. В. Короленко записывает в дневник свой разговор с «товарищем председателя всех чрезвычайек на Украине»: писатель говорит, что он может сравнить Ч.К. «только с прежними жандармскими управлениями, если бы им было предоставлено право казни» и слышит в ответ: «Товарищ Короленко. Но ведь это на благо народа!..» (т. 2, с. 386). Председатель полтавского Ч.К. 10 июля 1919 г. убеждает Короленко: «Теперь приходится делать много жестокостей... Но когда мы победим...» (с. 392). И вот «мы победили». Михаил Шульман, который «еще почти мальчиком работал в провинциальном ЧК», в конце 20-х гг. стал одним из организаторов ансамбля песни и пляски Красной армии, а в 1937 г. был, как полагается, арестован. Воспоминания М. Шульмана, отсидевшего 10 лет на Колыме, 5 — на Воркуте, реабилитированного и уехавшего в 1973 г. в Израиль, можно бы назвать повестью о настоящем советском коммунисте. Еще на Колыме он организует «подпольную органи-

зацию заключенных», уже после Воркуты он пишет о «природе советского гуманизма, его гуманности».

Воспоминания М. Шульмана, помимо воли автора, раскрывают важную черту тоталитарной системы. Суворов говорил: каждый солдат должен знать свой маневр. Тоталитарная система требует не только от солдат, но и от генералов, чтобы они слепо подчинялись приказу. Не только Шульман, но и всесторонне образованные коммунисты-интеллектуалы не понимали, что советская идеология не терпит преданности даже советской идеологии. Что советская идеология — это то, что сегодня приказано считать идеологией. И бывшие чекисты, бывшие герои революции и гражданской войны, ставшие музыкантами, писателями или генералами, не могли понять, почему они оказались жертвами, пробыв долгое время в палачах. Но это и была та система, которую они строили.

Периоду революции, кроме дневников и писем В. Г. Короленко, посвящены мемуары Иоакима Иоахимовича Вацетиса, бывшего полковника царской службы, ставшего Главнокомандующим Вооруженными силами Республики. Опубликованный отрывок из воспоминаний Вацетиса посвящен одному из самых залганных эпизодов революции — событиям 6-7 июля 1918 г. в Москве, т. н. лево-эсеровскому мятежу. Командир единственной боеспособной части, оказавшейся в Москве — латышской дивизии — И. Вацетис с необыкновенной легкостью разогнал мятеж, которого в действительности не было. Вацетис не понял, что левые эсеры выступили не против советской власти, активными защитниками которой они были с первого дня ее существования (без их поддержки вряд ли Ленин смог бы удержаться у власти в первые дни после Октябрьского переворота), а против Ленина, которого они отнюдь не отождествляли с советской властью. Неприязнь к Троцкому, возникшая у Вацетиса еще до указания ненавидеть Троцкого, но очень поощряемая в 1927-33, когда бывший главком писал свои мемуары, искажает точку зрения автора, но не мешает ему помнить о многих приметах времени, старательно забываемых сегодня. В январе 1919 г. И. Вацетис пишет Ленину о положении в армии, отмечая в частности: «Дисциплина в Красной армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах... Наша дисциплина в Красной армии может быть названа, в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной» (т. 2, с. 72). Бывший полковник с неодобрением отмечает: «Некоторые партийные люди, одержимые чувством честолюбия, стремятся стать на высокие командные должности, не имея никакой боевой

подготовки для этого и будучи совершенно неспособными действовать с успехом в роли командующих» (с. 69).

В обстоятельной заметке к мемуарам И. И. Вацетиса допущена ошибка, которую можно было сегодня уже и не делать. Автор заметки, С. Далинский, пишет: «И. И. Вацетис сделал свой выбор в числе немногих и оставался верен однажды избранной позиции». Это говорится о решении полковника Вацетиса перейти на советскую службу. Выбор свой И. Вацетис сделал в числе **очень многих**. Десятки лет советские историки внушали представление об «офицерской Белой армии», о рабоче-крестьянской Красной армии, обходившейся «партийными людьми», по выражению Вацетиса. Факты опровергают это фальшивое представление. Значительная часть генералитета и офицерского корпуса царской армии служила в Красной армии. По некоторым сведениям к концу гражданской войны «из 130 тысяч командиров Красной Армии более половины были офицерами старой армии» (С. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972, с. 123). И дело было не только в принудительных мобилизациях. Генерал-лейтенант Софронов вспоминает в своих мемуарах, что в 1918 г. генерал Андогский, начальник эвакуированной на Урал дореволюционной Академии Генерального штаба, лично посылал слушателей старшего курса в Красную армию, утверждая, что будущим командирам «необходим стаж работы в крупных штабах. Все равно — у белых или у красных» (Г. П. Софронов. Неподвластное время. М., 1976, с. 149).

Среди многочисленных документов, опубликованных в двух томах «Памяти», особый интерес представляют мемуары толстовца Василия Васильевича Янова. И не столько потому, что, как говорит автор биографической заметки, В. Янов — крестьянин, всю жизнь трудившийся на земле, а «крестьянских мемуаров в России единицы». Исключительность, я бы сказал, удивительность мемуаров В. Янова заключается в характере их автора. Василий Васильевич Янов — еще в детстве решивший жить по Евангелию, до конца своей жизни прожил так, как хотел. Несмотря на все муки, которые пришлось ему перенести. Исключительность В. Янова заключается в том, что уверовав в необходимость изменить жизнь, он начал с изменения своей жизни. «Краткие воспоминания о пережитом» В. Янова свидетельствуют одновременно о могуществе человеческого духа, убежденного в необходимости противостоять злу. Автор биографической заметки ассоциирует воспоминания В. Янова с Житием протопопа Аввакума. Несомненное сходство есть даже в стиле. Вернувшись в родные места после

одного лагерного срока и перед другим, Василий Янов пишет: «И так посмотрел я на родину свою — муравейник, как медведь разрытый, по которому бродят измученные, страдавшие, перепуганные, голодные, в разных одеждах люди, боясь ступить шаг в сторону от зарытых мин» (т. 2, с. 134).

Советское прошлое может быть представлено, как история сопротивления и сдачи. Сопротивления одних, сдачи других. История сопротивления еще не написана. Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» наметил абрис этой истории. В «Памяти» собраны некоторые дополнительные материалы. Рассказ о двух молодежных «организациях», сфабрикованных НКВД в 1944-45 годах («Молодежная террористическая организация», т. 1, с. 219-231) и в 1946 г. («Судьба «нищих сибаритов», т. 1, с. 232-268), дополняет любопытными штрихами картину жизни в последнее десятилетие сталинской эры. Совершенно иной характер носили две подлинные организации. Об одной, существовавшей в 1956-1957 гг., рассказывает в «Воспоминаниях» (т. 2, с. 160-262) ее участник Р. Пименов, о другой — группа «Колокол», зародившаяся в 1962 г., осужденная на первом крупном политическом процессе брежневской эпохи в 1965, — рассказывает Н. Песков (т. 1, с. 269-284).

Обе группы возникают в Ленинграде, обе создаются бывшими комсомольцами, понявшими, что их обманывают, и отправившимися на поиски правды. «Воспоминания» Револьта Пименова — красноречивое свидетельство представителя поколения, юность которого совпала со смертью Сталина. «К 1956 г. я пришел человеком, давно переставшим верить и газетам, и тому, что преподавалось под названием марксизма, и советским историческим книгам и журналам...» Он добавляет: «А жажда исторической правды в моей душе была неистребима». Валерий Ронкин и Сергей Хахаев пишут историко-политический труд «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» и вокруг этой книги возникает группа «Колокол».

В 1939 г. Джордж Орвелл писал, имея в виду сталинский и гитлеровский тоталитаризм, что это феномен в истории беспрецедентный. В прошлом тирании рано или поздно свержались, во всяком случае им сопротивлялись, ибо «человеческая природа» не терпит рабства. Но, предупреждал английский писатель, мы не можем быть уверены в постоянстве «человеческой природы». Возможно, что удастся вывести породу людей, которым свобода не нужна, как вывели породу безрогих коров.

Мрачное пророчество Орвелла пока не оправдалось. В частности потому, что необычайно трудно истребимой оказалась память, «жажда исторической правды».

В каждом из двух сборников значительное место занимает рубрика: «Из истории культуры». Разнообразные материалы — от дневников В. Г. Короленко за 1917-1921 гг. до анализа фальсификаций, внесенных в сборники произведений Анны Ахматовой, изданные в 1974 и 1975 гг. — свидетельствуют об одном: все стало кесаревым. Государство присвоило себе право жизни и смерти не только над телом граждан, но и над их душами. Максимилиан Волошин просит в 1924 г. покровителя искусств Л. Б. Каменева защитить от посягательств властей жилище, в котором поэт прожил 30 лет (т. 1, с. 298-301). Надежда Мандельштам просит другого любителя изящной литературы — «уважаемого тов. Молотова» — позволить жить ее мужу, поэту Осипу Мандельштаму (т. 1, с. 302-304). Одним мановением руки Корифей всех наук и культур — «дорогой товарищ Сталин» — превращает Маяковского в «обязательное чтение» для всех советских граждан. Красным карандашом пишет он на письме Л. Брик знаменитую резолюцию «тов. Ежову», в которой выносится приговор окончательный, обжалованию не подлежащий: «Маяковский был и остается... Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление» (т. 1, с. 310).

Власть над литературой не всегда осуществляют непосредственно кремлевские боги. Нередко они передоверяют это дело своим слугам. И в 1934 г. президиум Ленинградского Оргкомитета ССП пишет письмо, «резко осуждающее» О. Мандельштама (т. 2, с. 432-434), а в 1946 г. настоящие советские писатели еще более резко осуждают Анну Ахматову и Михаила Зощенко, прослушав директивный доклад «секретаря ЦК по идеологическим вопросам А. А. Жданова» (т. 2, с. 448-453).

Редакция «Памяти» размещает материалы о советской науке в разных рубриках по жанровому признаку. Все их можно бы собрать вместе под тем же заголовком: «Из истории культуры». Сегодня, в последнюю четверть XX в., в той или иной степени все государства интересуются наукой. Советское государство не ограничивается руководством наукой, оно руководит учеными. Руководство носит многообразный характер: полицейского надзора (о нем рассказывает бывший сотрудник Института языкознания АН СССР И. А. Мельчук в «Моих встречах с КГБ», т. 2, с. 568-578), включения или исключения из истории науки (как рассказывает в блестящей статье И. Вознесенский, подвергший

критическому анализу юбилейный список Академии наук, т. 1, с. 353-410). Как и в литературе (как и во всех других областях культуры и техники), в науке руководство осуществляется не только непосредственно или руками органов. Р. Пименов рассказывает, что жесточайшим гонителем даже намек на инакомыслие был крупный математик ректор ЛГУ А. Д. Александров.

К числу наиболее интересных материалов, опубликованных «Памятью», принадлежат главы из книги М. А. Поповского «Дело Вавилова» и интервью с автором. Судьба великого ученого Николая Вавилова, погибшего мучительной смертью — от голода — в саратовской тюрьме, может быть символом отношений между советским государством и наукой. Николай Вавилов был великим ученым. Он погиб страшной смертью. Но он сделал все, что было в его силах, дабы крепла и цвела советская власть. Он соглашался выполнять задания «некоторых органов» и во время своих путешествий за злаками, фотографировать в далеких странах военные объекты. Он не только соглашался с политикой «сплошной коллективизации и ликвидации кулака как класса», но и, будучи за границей, убеждал иностранцев в мудрости этой политики. Мы возмущаемся сегодня, читая впечатления Бернарда Шоу, посетившего СССР в 1931 г., во время великого голода, и утверждавшего, что никакого голода нет, а он сам никогда так хорошо не ел, как во время этой поездки. Что спрашивать с западного писателя, глядевшего на страну из вагонного окна, задернутого батистовой занавесочкой, если сам Вавилов... А в завершение всего — именно Вавилов дал ход Трофиму Денисовичу Лысенко. Он пригласил его на своей груди, рекомендовал в одну академию, в другую. И если бы можно было взвесить на каких-нибудь весах ту пользу, которую принес науке Н. Вавилов, и тот вред, который принес ей его протеже Т. Лысенко, то еще неизвестно, какая чаша весов бы перевесила. И все же, мне думается, главный вред, который принес Николай Вавилов, в другом: он принял активное участие в отравлении душ. Даже если он этого не хотел. Если великий Вавилов соглашается выполнять задания органов, потому что интересы науки требуют его выезда за границу, на который требуется согласие органов, то что должен сделать младший научный сотрудник, которому органы предлагают сотрудничать? Если великий Вавилов по каким-то высшим соображениям способствовал карьере Лысенко, то как должны себя вести рядовые ученые? И не случайно объявлен сегодня Н. И. Вавилов героем советской науки, лучшим ее представителем.

Стоит лишь вычеркнуть из его биографии арест и смерть — и остается настоящий советский ученый!

Ценность материалов, собранных в двух — будем надеяться, что пока лишь в двух — сборниках «Памяти», в том, что они показывают, что не только Ленин и Сталин строили чудовищное государство: каждый, кто соглашался ему служить — от Вацетиса до Вавилова — внес свой кирпичик.

Во время процесса Бухарин, пытаясь что-то объяснить суду, убеждал: «Необходимо это сказать для исторической точности». Вышинский немедленно оборвал его: «Не беспокойтесь за историю, посудимый Бухарин. История сама регистрирует все то, что интересно для истории».

Прокурор Вышинский был твердо убежден, что он может распоряжаться историей, как хочет, и что она регистрирует все то, что позволит ей НКВД.

Прошло 40 лет после процессов, на которых чувствовал себя хозяином жизни и смерти и даже загробной жизни — истории — Вышинский. Оказалось, что обуздать историю — не так-то легко. С помощью тех, кто помнит, кто отказывается забыть, воздаст она — каждому по делам его.

Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

«ИСТОРИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ» Виктора ЛЕОНТОВИЧА*

В предисловии к своему труду автор рассказывает о том, что побудило его заняться именно этой темой: читая известное произведение итальянского историка Де Руджеро «История европейского либерализма», он столкнулся с тем, что в книге этой вообще нет упоминания о России в связи с европейским либерализмом. Это — привычный подход многих западных историков, которые постоянно ставят Россию как бы вне хода развития европейской истории. В наши дни, после того как советский строй приложил все усилия к тому, чтобы окончательно исказить русскую историю, вычеркивая из нее целые главы, а всё остальное толкуя согласно партийным надобностям и интересам, — тенденция эта ещё усилилась. Знаменитая формула «клеветите, клеветите, что-нибудь да останется» применима, очевидно, и к истории, судя по тому, что (особенно в наши дни) проделывают с историей России, на горе не только ей, а и всему свободному миру. Увы, в наши дни к этой многоголосой клевете на российское прошлое и на исторический облик России присоединились и некоторые выходцы из СССР; поверхностное и одностороннее, а нередко предвзято-враждебное толкование русской истории этими людьми, благодаря их ореолу «недавно оттуда» приехавших, ещё укрепляет эту склонность к её искажению, вводя в заблуждение несведущих или мало сведущих иностранцев.

Виктор Леонтович в свое время столкнулся с несведущими иностранцами, не только читателями и студентами, а и с историком, крупным и серьезным и тем не менее несведущим в вопросах, касающихся России. В подобном положении оказался не один русский историк, попавший на запад во время и после революции. Надо сказать, что в то время выходцы оттуда приложили все усилия для восстановления исторической правды, с честностью и чувством национального достоинства. Леонтович, ознакомившись с произведением Де Руджеро, приступил к научно-объективному и серьезному рассмотрению данного аспекта русской истории, результатом которого и является его книга. Он не искал сенсационных новых формул и определений, а доискивался только историчес-

* Victor Leontowitsch, Geschichte des Liberalismus in Russland, Vittorio Klostermann Verlag, Frankfurt am Main, 1957.

кой правды. Книга его об истории русского либерализма написана была по-немецки и опубликована в Западной Германии в 1957 году. Она должна вскоре появиться в русском переводе, но пока существует только по-немецки, а содержание и смысл её интересны как раз современному русскому читателю больше, чем кому бы то ни было. Произведение Леонтовича пользуется известностью и глубоким уважением в серьёзных научных кругах Запада.

Первая глава «Истории либерализма в России» — Введение, в котором автор даёт историческое, историко-философское, юридическое и политическое определение самого понятия либерализм, с обширной документацией и ссылками на многочисленные западные и российские источники. Такое точное и подробно обоснованное определение чрезвычайно важно в наш век смещения всех терминов и понятий и произвольного их толкования и использования. Понятие либерализм, говорит Леонтович, как будто совершенно ясно: социально-политическое течение, в основе которого лежит стремление к осуществлению и обеспечению свободы человеческой личности. Тем не менее, продолжает автор, недоразумения возникали и возникают и дальше, часто вследствие непонимания самими либералами сути движения и его программы. В результате непонимания либерализм нередко воспринимается как некое введение к социализму, как предварительная, промежуточная ступень, за которой должен последовать социализм в качестве решения окончательного и совершенного. Леонтович с самого начала хочет исключить всякую возможность подобного недоразумения, и возвращается к этой теме вновь и вновь во всех главах книги, с новыми сравнениями, примерами и доказательствами. На самом деле, говорит он нам, либерализм и социализм — это диаметрально противоположные миропонимания и системы, и когда либералы начинают склоняться к социализму, как случилось у нас в России в последние десятилетия перед революцией (и как часто наблюдаем мы, например, в современной Америке, где слово «либерал» утратило своё первоначальное и правильное значение), то они просто перестают быть либералами. И происходит это по двум — вкратце — причинам: потому что для осуществления свободы личности, как мыслит её либерализм, необходима частная инициатива, частное предпринимательство, частная собственность, неприкосновенность частной сферы и как можно более строгое ограничение вмешательства государства в жизнь и работу не только отдельных людей, а и общества как такового — а всё это совершенно неприемлемо

для социализма; и потому что социализм по самой сути своей есть не свобода в области гражданской жизни и общественного устройства. Леонтович напоминает, что к коренным понятиям либерализма принадлежат точно выработанные ещё со времён древней Греции и древнего Рима понятия юридического субъекта и субъективного права, главным образом права частной собственности. С точки зрения социалистического порядка эти понятия и принципы — сплошная ересь.

Западноевропейские государства от феодального порядка, в котором налицо был некоторый принцип разделения власти, а следовательно зародыш свободы, пришли к состоянию «абсолютистского полицейского государства 17 и 18 века», говорит Леонтович, указывая при этом, что в абсолютистском строе понятия государственной администрации и полиции сливаются, так что при широких полномочиях административного аппарата государство естественно и неизбежно становилось полицейским. Возврат к древним принципам либерализма, с добавлением новых установок и институтов, приспособленных к данной эпохе, был для Западной Европы путём к освобождению от абсолютистско-полицейского режима. Естественным стремлением либерализма в абсолютистской Западной Европе должно было быть постепенное ослабление и устранение административно-полицейского аппарата, а одновременно развитие и расширение частной сферы. Постепенность и осторожность либерализма, то обстоятельство, что он, в основном, медленно изменяет и отменяет существующее, а не предлагает радикально-новых, псевдо-чудотворных структур — это и есть, по мнению автора, главная причина непопулярности либерализма среди тех, кого принято называть «активистами». По сути своей, говорит Леонтович, либерализм мудро консервативен, а этого достаточно, чтобы его отвергали те, кто верит, что административными постановлениями и экономическим насилием можно переродить человека и переустроить мировой порядок. Для тех, кто хочет всего и сразу, либерализм неудовлетворителен: слишком медлителен, слишком осторожен, слишком построен на уважении к данному, к действительности человека и общества, слишком далёк от утопии с её слепой жестокостью и выдаванием желанного за реальное. Поэтому очень легко, не поняв его, проскользнуть по нему или мимо него в **радикализм**.

Автор не проводит подробного сравнения России и Запада: он говорит лишь о том, что первоначальные основы свободы, в общественном и государственном порядке, существовавшие и здесь и там, у нас были иными: принцип свободы в государственном

и общественном устройстве и ограничение центральной власти в древней России носили иной характер, чем на Западе; затем постепенно (и тут уже аналогично Западу, хотя, разумеется, обстоятельства, темпы и сама хронология были иными) они уступили место абсолютистско-полицейскому строю, в котором довольно скоро проявились ростки либерализма: стремление либеральным путем децентрализовать власть, ограничить её вмешательство в жизнь человека и жизнь общества, создать и укрепить гражданский строй.

Либерализм построен на двух принципах, говорит автор: первый из них — это обеспечение гражданской свободы, главные элементы которой — право частной собственности, неприкосновенность личности, право и возможность сопротивления несправедливости и репрессии. Эти права либерализм считает естественными правами человека, а следовательно одинаково причитающимися каждому. Второе главное задание либерализма — это укрепление свободы политической. Она глубоко отличается от свободы гражданской; с точки зрения либерализма она вторична, т.е. она истекает из гражданской свободы, зато в свою очередь служит ей гарантией. Политическая свобода — это право гражданина участвовать в управлении государством, в частности в законодательной области. Согласно либеральной концепции государства, государственный аппарат существует для того, чтобы гарантировать существование гражданского строя: того строя, при котором все граждане одинаково пользуются выше упомянутыми гражданскими свободами. Но государственному аппарату свойственно перерастать и вырождаться в административную систему, которая постепенно становится сама себе целью и начинает вытеснять частную инициативу и частное предпринимательство под предлогом создания государства всеобщего благополучия. Для того, чтобы поставить предел такому развитию, существует конституция. Однако сама по себе конституция, подчеркивает автор, при всём своем значении в качестве инструмента разделения власти в государстве и пробного камня для правильности законодательства, может превратиться в пустые слова, если государство не зиждется на принципе индивидуальных прав и свобод, если не существует в нем того, что Леонтович определяет как **сверхзаконность**, духу и смыслу которой подчинена и конституция.

В различных конституционных державах вопрос о том, как обеспечить верность конституции и применения её, в частности в законодательстве, решается по разному; по мнению Леонтови-

ча, более всего разработана конкретная система в этом направлении в Соединенных Штатах Америки, где судебному ведомству надлежит не только защищать права отдельных граждан от неконституционных действий правительства, но и охранять гражданский строй и легшие в основу его правовые начала от нарушений со стороны законодательной власти: американские суды имеют право отказываться применять новые законы, если по их мнению законы эти противоречат духу конституции, основным принципам гражданского строя; если новый закон несовместим с Декларацией Прав, которая признана основой конституции государства и естественным правом — одним словом, сверхзаконностью. В других государствах практическая система предохранения конституции от нарушений менее определена и поэтому, в частности, легче может случиться, что административная власть разрастается и на известном этапе роста начинает давить на гражданские свободы и урезать их. А следующий этап — это урезывание свободы политической для того, чтобы предупредить сопротивление, возможность противодействия. Таким образом, говорит автор, разрастание административной системы неизбежно ведёт к несвободе и в конечном итоге к деспотии и к диктатуре. А социализм — это ведь и есть максимальное расширение и гегемония административной системы. Однако конституция сама по себе и вообще внешние институты гражданского строя далеко не достаточны для обеспечения прав человека, того, что либерализм рассматривает как естественное право: если центральный и фундаментальный принцип, заложенный в создание государства в данной его форме, не созвучен с конституцией, то может существовать деспотическое государство, у которого тем не менее есть конституция, на первый взгляд либеральная. Пример этого мы имеем в коммунистических государствах. Т. е. основное и самое главное — это, по Леонтовичу, мировоззрение, вложенное в фундамент государства.

Леонтович после этого переходит к рассмотрению того варианта, при котором основным принципом является свобода не гражданская, не гражданский строй, а свобода политическая, как самодовлеющая цель и абсолютная ценность. При таком варианте отпадает связанность законодательной власти высшими принципами гражданских прав, человеческой свободы и благополучия человека в обществе. Обогащение политической свободы ведет к убеждению, что законодательная власть, свободно избранная народом, т. е. народное представительство, по существу своему непогрешимо и всякий издаваемый им закон есть **настоящее**

право потому, что он выражает народную волю. Такая концепция, говорит Леонтович, ярко выражена в мышлении и произведениях Руссо. По ней гражданину и не нужна никакая защита от нарушения его прав государством: раз законы государства истекают прямо из народной воли, а народная воля «всегда права», и к тому же сам он, гражданин, есть часть этого народа и следовательно законы и государственная власть — выражение и его воли, то зачем ему защита от самого себя? Следующий шаг на этом пути, логически неизбежный, говорит Леонтович, это заключение, что разделение власти вовсе не нужно, ибо ведь если народное представительство есть тот орган, который выражает непогрешимую общую волю народа, то ему нельзя противопоставлять, как равные, другие органы власти, исполнительную и судебную; наоборот, они могут существовать лишь в подчинении народному представительству и на основании данных им полномочий. В результате получается всемогущество законодательного органа, или вернее данного в нём большинства: т. е. фактически диктатура этого большинства. Поскольку за политической свободой, как за самоцелью, нет ни социальной программы, ни правовых принципов, то тут открыты все пути — в том числе и путь к коллективизму и к крайним формам государственного вмешательства в жизнь общества и в жизнь человека; автор придает этому пункту очень большое значение.

Это мировоззрение, говорит Леонтович, ничего общего не имеет с либерализмом: это — радикализм чистейшей воды. Тут меняется и сам смысл и само назначение конституции, которая превращается в инструмент, при помощи которого данное парламентское большинство или данная стоящая у власти группа беспрепятственно будет осуществлять свою программу. Переход же от индивидуалистического правопорядка, построенного на уважении определенных правовых начал и понятий, к коллективизму — это, по мнению автора, не политическое изменение, а крушение цивилизации и разрыв цельной культурной традиции — что и произошло в России в 1917 году. Леонтович ссылается на Столыпина, в 1907 году говорившего в Думе, что если существующий порядок в России разрушен будет во имя социализма, впоследствии на развалинах этого правопорядка будет строиться нечто совершенно новое и никому неведомое.

В общем, по мнению Леонтовича (мысль эта красной нитью проходит через всю книгу) обоготворение свободы ради самой себя приводит к замене реальных ценностей — словесными формулами, содержания — одной лишь формой, а прекращение раз-

деления власти и объединение в одних руках власти политической и экономической, одновременно с разрастанием бюрократического аппарата, рано или поздно приводит к деспотии и к диктатуре. Источники, которые автор использовал в частности в этой главе, так же как и во всём дальнейшем анализе идеи либерализма и истории её развития, чрезвычайно многочисленны и богаты; как уже упоминалось, он ссылается как на русских, так и на западноевропейских ученых, специалистов по историческому праву и философии истории, как например Haurioux, Savigny, Montesquieu, Benjamin Constant, Cucumus, De Ruggero и др.

Анализ сути и смысла либерализма и его соотношения с радикализмом проходит через всю книгу, поскольку автор считает, что именно в истории России и российского либерального движения особенно ясно и ярко выявился глубокий контраст между либерализмом и радикализмом, их коренная чуждость и полная несовместимость, а так же тот факт, что соблазн радикализма ведёт к самоуничтожению, к самоубийству либерализма. Таким образом мы находим в произведении Леонтовича как бы три главных темы, три переплетающихся и чрезвычайно интересных аспекта: историко-философское толкование либерализма вообще, историю зарождения и развития этого движения в России в частности, и попутно и вдобавок ко всему этому — широкую и полную картину исторического развития российского государства со времён Екатерины II до начала Первой мировой войны. Картина эта представляет особый интерес своим богатством и тем многообразием — плюрализмом в полном смысле этого слова — политических и философских течений, учений, интересов и настроений в обществе и в правительственных кругах, которые характерны для сложной и многогранной российской истории не меньше (а может быть и больше) чем для любой высоко развитой европейской страны. Удаётся это Леонтовичу потому, что он не исходит из предвзятой идеи или теории, а как истинный историк изучает реальность и старается её перед читателями восстановить. В наше время, когда историю России принято представлять, как прямую развития деспотизма или как некую таинственную спираль с повторением, через одно, всё тех же двух положений — большая умственная радость познакомиться с серьёзным, трезвым и глубоким произведением, содержание которого спокойно опровергает так много распространяемой о России наукообразной кляквы.

Книга Леонтовича разделена на три части. Первая часть озаглавлена «История либерализма от 1762 до 1855 года»; вторая

— «Развитие гражданской свободы от 1856 до 1914 года» и третья — «Развитие политической свободы от 1856 до 1914 года». Таким образом мы видим, что автор различает как бы два основных периода русской истории после окончательного становления и укрепления единого российского государства как европейской державы: первый период, начиная с царствования Екатерины II и до конца царствования Николая I, во время которого начинает расти и крепнуть в государственном строе и в обществе тенденция к либеральному миропониманию и к либеральному устройству; второй период, с царствования Александра II и до начала Первой мировой войны, во время которого либерализм в России развивается в своих двух основных аспектах — гражданском и политическом.

Во время первого периода, говорит автор, к либерализму стремится прежде всего верховная власть; во всяком случае от неё исходит инициатива либеральных реформ и мероприятий. К ним Леонтович относит пожалование Екатериной гражданского статуса и права частной собственности дворянству; кодификацию законов; первые попытки приготовления освобождения крестьян при Александре I и Николае I. Уже в этот начальный период автор прослеживает контраст между либерализмом и радикализмом и отрицательное влияние радикальных проявлений на развитие либерализма. К числу радикальных явлений он относит, во-первых, французскую революцию и останавливается на том, что Екатерина видела в ней нарушение естественного права и гражданского строя, а следовательно зародыш несвободы и репрессии, и именно с этой точки зрения её отвергала и осуждала. В русской же интеллигенции, говорит Леонтович, скоро стало возникать преклонение перед французской революцией, достигшее таких размеров, что в 19 веке мировоззрение и политическую деятельность государственных и общественных деятелей расценивали — наклеивая на них либо ярлык реакционности, либо похвальный эпитет прогрессивности — в зависимости именно от их отношения к революции. Леонтович рассматривает во всём развитии русской истории расширение и укрепление того мировоззрения, согласно которому высшая добродетель — это так называемая прогрессивность, а наихудший порок — то, что принято считать «реакционным». Как писал впоследствии об этом Бердяев (Леонтович приводит его слова из статьи 1905 года) «...развивается... какое-то лакейство перед такими звуками, как пролетариат, народ, революция, восстание.» Никто не задумывается над подлинным содержанием и значением их — а все у них в

плени, и не только на словах, а на деле не находят мужества им сопротивляться. По мнению автора, силой этого предрассудка и повиновением голосу тех, кто громче кричит, Россию и унесло с пути либеральных реформ всё дальше на путь радикальной нетерпимости и революционного насилия.

В этом контексте Леонтович упоминает и о восстании декабристов, которое, по его мнению, было одним из событий, нанесших самый великий и непоправимый вред либеральному развитию России. Он цитирует фразу декабриста А. А. Бестужева о том, что на словах он всегда был значительно левее, чем ему хотелось, потому что это нужно было, чтобы пользоваться доверием товарищей. Умеренно-либеральные элементы кружка, по мнению автора, постепенно полностью вошли в подчинение элементам радикально и революционно настроенным, и этот факт и повёл к восстанию, которое с одной стороны предопределило реакционное направление царствования Николая I, а с другой стороны было источником в России дальнейшей революционной традиции, принимающей насилие как принцип и основание. Но и относительно реакционного характера эпохи Николая I Леонтович делает интересное замечание. Действительно, революционные взрывы или акты террористического насилия почти неизбежно вызывают отклонение власти в сторону строгости и попыток контроля; однако, говорит Леонтович, каждое либеральное царствование, каждая либеральная реформа оставляли свой неизгладимый след в структуре государства и в мышлении людей, и полного возврата к старому поэтому просто не могло быть. Как писал уже Карамзин, Павел I может быть и мечтал о том, чтобы стать вторым Иваном Грозным, но в России была уже екатерининская эпоха и поэтому на деле это было неосуществимо. Пока шло нормальное, единое, органическое развитие русской истории, этого действительно не могло быть. Итак, в реакционную эпоху Николая I идёт (хотя и замедленно и с колебаниями) либеральное развитие и в частности подготовка освобождения крестьян, в необходимости которого как раз Николай I был совершенно убежден, но к которому не решался приступить потому, что для этого потребовалось бы нарушение закона: отчуждение дворянских земель, т. е. нарушение права собственности дворян. А Николай I, пишет Леонтович, считал нарушение закона «несовместимым с достоинством монарха».

Начиная с 1856 года, т. е. с царствования Александра II, Леонтович рассматривает отдельно два основных аспекта либерального развития в России: развитие свободы гражданской и

развитие свободы политической. Он считает, что гражданская свобода в России в начале этой эпохи уже осуществлена была в значительной мере для всех сословий, кроме самого многочисленного, на котором Россия стояла: крестьянства. И поэтому вопрос развития гражданской свободы с этого момента и до начала Первой мировой войны он отождествляет с крестьянским вопросом: с правовым статусом крестьян до и после освобождения и с подходом к ним власти и общества. По его мнению, беда России (причина того, что почва её оказалась такой плодотворной для радикально-революционных идей и лозунгов) состояла в том, что освобождение крестьян, само по себе крупнейшая либеральная реформа, недостаточно мужественно и решительно приравнило права и положение крестьян ко всем другим сословиям в стране. Крестьяне продолжали оставаться как бы государством в государстве, до такой степени, что к ним не применялись даже гражданские законы, действовавшие для всего остального населения; на них смотрели, как на особых людей, нуждающихся в опеке и надзоре, — точно дети среди взрослых — и именно по сословному принципу, потому, что они — крестьяне. Главное, они лишены были основного права, на котором стоит либеральный гражданский строй: права собственности.

Таким образом, пишет Леонтович, Россия с одной стороны постепенно, но вполне успешно развивалась в либеральное государство, построенное на частной инициативе и свободном предпринимательстве, а с другой — завязала в патриархальном устройстве и своего рода государстве всеобщего благополучия. В высших бюрократических кругах, без которых верховная власть ничего не решала и решать не могла, сильны были патриархально-патерналистические тенденции, и сильно было сопротивление настоящему раскрепощению, т. е. установлению крестьянского равноправия. Что же касается прогрессивной общественности, то она, по мнению автора, замороженная «долгом прогрессивности во что бы то ни стало», уходила всё дальше и дальше налево и тем самым всё дальше и дальше от настоящих нужд и интересов крестьянства и самой России, уходила в абстракции и в утопию, в преследование политической свободы, как цели первичной и самодовлеющей, и одновременно в проповедь коллективизма. Тем не менее верховная власть, при поддержке многочисленных либеральных высоких чиновников, продолжала, хотя и с задержками и с колебаниями, путь приравнивания крестьянства ко всему остальному населению. Происходило это в значительной мере, объясняет Леонтович, благодаря постоянному давлению снизу и

ясно проявлявшемуся стремлению самого крестьянства к изменению в этом смысле.

Настоящим, самым последовательным, ярко мыслящим и деятельным представителем либерального государственного мышления в России Леонтович считает Столыпина, который понимал и в чём ключ к развитию и процветанию страны, и каким путём (эволюционным, реформаторским, с учётом существующего и с уважением к нему) надо эти цели осуществлять. Столыпин упорно, целенаправленно и настойчиво добивался крестьянского равноправия, полноты права собственности для крестьян — и сталкивался не только с равнодушием и непониманием, а и с открытой враждебностью все более радикальных левых кругов, всё более радикальной, оторванной от действительности общественности. Изменение основных законов при Столыпине Леонтович называет государственным переворотом, однако считает, что переворот этот был необходим как раз для либерального развития страны и укрепления в ней гражданского строя. Но к тому времени, когда стали входить в действие столыпинские реформы и воплощаться в жизнь столыпинские концепции, Столыпин уже пал жертвой террористов-революционеров и разразилась Первая мировая война, которая «в большой мере изнурила Россию: страна не могла выдержать двойного бремени глубокого и быстрого социального преобразования и крайнего военного напряжения.» А затем последовала революция, которая мгновенно уничтожила и смела «всё то, что достигнуто было в течение 150 лет на пути развития России в либеральное государство». Конечно, говорит Леонтович, при этом максимально использованы были старые крепостнические традиции и крепостнический дух; на это почве, однако, Ленин приступил к построению совершенно нового для России и чуждого ей социалистического рабства.

Во втором отделе книги Леонтовича главное действующее лицо, или вернее предмет, на котором сосредоточено внимание (роль его изначально скорее пассивна) — крестьянство. В третьем отделе главную роль (и вполне активную) играет земство, которому Леонтович придает очень большое значение, видя в нём зародыш того разделения власти в государстве, которое лежит в основе политической свободы. Развитие земства, по мнению автора, могло и должно было стать самобытным путем России к либеральному правопорядку: путём, исходящим из исторического прошлого страны и плавно ведущим к установлению того гражданского строя, к которому Россия стремилась и к которому она вполне эффективно шла. Развитие это, говорит Леонтович, пре-

сечено было не справа, а слева. Особенно в начале двадцатого века Россия вступила в полосу небывалого экономического и духовного, умственного и культурного расцвета и вполне реальным и осуществимым было и разумное решение её социальных проблем. Косность и фанатизм были слева, но поскольку они были слева, им считалось неприличным сопротивляться и порицать их. Они и привели измученную войной страну к крушению и к тоталитаризму.

Третий отдел книги можно было бы назвать историей земского движения в России, историей его (трагического и для него самого, и для всей страны) перехода от либерально-консервативных позиций (а ведь подлинный либерализм, всё время доказывает нам автор, только и может быть консервативным) к полному порабощению революционным радикализмом. Леонтович рассказывает, как постепенно бразды правления в земских кругах, а главное все те места, с которых можно эффективно обращаться к общественному мнению и на него влиять, переходят в руки политических сил, которые не заинтересованы ни в каком разделении власти, а наоборот в полном сосредоточении её в одних руках: их собственных, революционеров-радикалов. Этим силам свойственны экстремизм, нетерпимость, классовый подход, гораздо более жестокий и фанатический, чем старый патриархальный подход сановных кругов, не принимавших крестьянского равноправия по сословному признаку и тем самым столько вреда нанесших России. Леонтович цитирует кадетского представителя в Первой Думе (Герценштейна), который говорит о сжигании помещичьих домов как об иллюминации; цитирует и другого (Де Роберти), который заявляет, что «не было ни одного случая насилия, избивали только землевладельцев и их управляющих...» и т. д. Представители этих групп просто игнорируют крестьянский вопрос, говорит Леонтович, они не хотят видеть срочную необходимость его решения именно для тех целей, которые они якобы преследуют, т. е. свободы и общего благополучия. Если у некоторых из них и есть действительно стремление к свободе, то она понимается исключительно как свобода политическая, которую принято считать альфой и омегой всего; а это, подчёркивает Леонтович, на протяжении всего своего труда, — заблуждение, неизбежно ведущее к несвободе.

К концу описываемого периода, говорит автор, борьба шла как будто за и против введения конституционного строя в России. Но в наиболее политизированной части общества, т. е. в той, которая диктовала стране свои настроения, всё более преобладали

элементы, использовавшие конституцию как предлог и орудие для радикального переворота. В этом и состояла, по мнению Леонтовича, трагедия зарождения конституционного строя в России. Автор решительно оспаривает тезис, согласно которому конституция 1906 года была «лже-конституцией»: он считает, что это была полноценная либеральная конституция, на основании которой действительно мог и должен был прочно укрепиться гражданский строй, если бы своевременно проведены были в жизнь реформы, предложенные Столыпиным и предоставлявшие крестьянам общегражданский правовой статус. Леонтович считает, что этого не произошло вовремя потому, что Столыпин погиб, а большинство политических сил устремилось в радикализм, не интересовалось нисколько установлением гражданского строя в России и вообще отказывалось рассматривать связанные с этим вопросом проблемы. Земство, подпав под влияние радикализма, который так несвойствен был ему по его природе, фактически утратило силу и значение. Направлявшие общественность группы добивались только ничем не ограниченной и никакими высшими критериями не связанной власти народного представительства, причём одной только нижней палаты — верхнюю они хотели просто устранить, чтобы ничто не мешало абсолютной власти раз избранного большинства. (Они были уверены, конечно, что большинство это по некому высшему и неизбежному праву должно принадлежать им). А за ними, вполне естественно — говорит Леонтович — шёл Ленин, который и такую форму свободы, как и всякую свободу вообще, считал буржуазным предрассудком. Не либеральная и не древне-русская традиция привели Россию к тоталитаризму и к большевизму, показывает и доказывает нам автор. Привело к нему смертоносное якобинское наследие, которое в самом провозглашении своей свободы несет зародыш несвободы, репрессии и бесчеловечности.

Судьбы России

* ПУТИ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Константин КРИПТОН

ЗАЩИТА КАНОНОВ ПРАВОСЛАВИЯ. 1922—1925.

По личным наблюдениям, документам и литературным данным.

I

Во время гражданской войны на территории России Православная церковь подвергается многим преследованиям: стесняется деятельность органов церковной власти, закрываются богословские учебные заведения, закрывается много храмов, арестовываются, порой расстреливаются епископы, рядовые священники, а также наиболее самоотверженные и энергичные прихожане. И тем не менее, религиозная жизнь как религиозная жизнь сильно укрепляется. Пришедшие испытания и в то же время очищение от всего «наносного», что было при дореволюционном положении, неизбежный фильтр верующих, а также самого духовенства — сообщают большие духовные силы. Миллионы людей, наполнявших церкви с горячей молитвой, хоть это стало для многих небезопасно, а для иных и просто опасно,¹ являлись тому доказательством.

Богослужения даже в самых маленьких церквях приняли особенно приподнятый, торжественный характер. В больших соборах лучшие артисты поют в хорах, читают апостол, псалтырь. А как происходила исповедь, особенно в Великий пост? Сразу же после причастия где только можно было среди большой толпы, отдельные люди падают на колени, благодаря за приобщение к Великому таинству. Во всех городах среди них можно было видеть крупнейших представителей интеллигенции. Церковная проповедь становится много сильнее, вдохновеннее. А по ее окончании раздается сердечное, дружное: «Спасибо, батюшка». В эти два слова вкладываются благодарность священнику, перед лицом которого, б. м.

¹ Для студентов — исключение из высшей школы, для служащих — всяческие ущемления по работе, вплоть до ее потери.

только вчера, следовательно ЧК грозно размахивал толстой книгой (если не револьвером), обвиняя в «тенденциозности» его проповедей, и заверение: не изменим, не изменим вере своих отцов — с ней уйдем в могилу.

В книге Регельсона мы встречаем очень верную характеристику того времени — «Настало несколько лет, о которых все, пережившие их в ограде Церкви, могут вспомнить лишь с чувством великой духовной радости и горячего благодарения Богу...»² Только почему несколько лет? Много больше.

С первых же дней происходит, силой различных обстоятельств, образование тайных очагов Православия. Вернувшись весной 1924 г. в Петроград (с 1924 г. Ленинград), я смог, благодаря старым связям, посещать богослужения в церкви одной из общин тайного женского монастыря. Он был создан еще при жизни митрополита Вениамина (расстрелян в 1922 г.).³

Гражданская война, приведшая к уничтожению всех политических партий в стране — противников Советского правительства, оставила, как мы видим, несокрушенной Православную церковь. Основная масса городских и сельских церквей, также монастырей — существует, продолжая окормлять православное население. Вся страна попрежнему разделена на епархии, возглавляемые Патриархом Тихоном, избранным в 1917 г. в Москве, на Всероссийском Церковно-Поместном Соборе.

Едва покончив с крестьянскими восстаниями (Тамбовское, Поволжское и др.), сохраняя еще военное положение, как сообщают опубликованные советские документы, в 36 губерниях, областях и автономных республиках страны,⁴ Советское правительство спешит взяться и за кардинальное «решение» вопроса церкви. В жизни всякого государства известны такие термины: административные методы, администрирование. В СССР они получили еще особое значение: правительство ими пользуется, когда нужно отметить в решении того или иного вопроса, той или иной инстанцией, — нарушение самых элементарных закономерностей, пользование грубыми приказами, мало считающимися или совсем не считающимися с действительным положением вещей. По окончании гражданской войны само Советское правительство решает

² Л. Регельсон. «Трагедия русской церкви, 1917-1945». 1977, стр. 120.

³ Об этой общине я писал в своей статье «Secret Religious Organizations». «The Russian Review» (USA), April 1955, pp. 125-127.

⁴ И. Я. Трифионов. «Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921-1923)». 1964, стр. 5.

стать в вопросе церкви на путь таких административных мер. Данная формула принадлежит не мне, а высшим органам власти коммунистической партии.⁵ Закон об «Отделении церкви...», принятый в 1918 г., — недостаточен. Он «не удовлетворял» еще во время гражданской войны.⁶

Новыми мероприятиями в нанесении решительного удара по Православию явились: изъятие церковных ценностей в связи с голодом и одновременное «выдвижение» т. наз. обновленцев, объявивших необходимость церковных реформ. В составе многочисленного духовенства нашлись, конечно, «разные» люди. Наиболее видным лицом среди них был петроградский священник Александр Введенский, поддавшийся на «приманку» — стать русским Лютером.⁷ Видную роль играл петроградский священник Николай Платонов. Своеобразной фигурой в Москве, возможно, искренней в своих побуждениях, явился бывший уже на покое епископ Антонин. О честности первых двух, как и других ведущих лидеров Обновленчества, говорить уже лучше не будем. В этом отношении превзошел всех их петроградский священник Красницкий, конкурировавший первое время и с Введенским, и с еп. Антонином, и с Платоновым. Его отличительной чертой была ловкость, соединенная с исключительной подлостью. Что же касается прочего... Оратор — весьма средненький, да еще с манерами и голосом ханжи, способными только оттолкнуть. Особой эрудицией не отличался. Даже в годы «раскола» подготовкой себя к публичным выступлениям не утруждал. В Казанском соборе два раза в течение одного лета (или 1924, или 1925) я слушал одну и ту же «жвачку» на тему, взятую, кстати, из антирелигиозной литературы, о «вышке», соединяющей здания бывшего сената и синода. Поддерживаемые аппаратом полицейской власти, обновленцы объявляются «законными руководителями» Православной церкви. Им прелоставляется многое... вплоть до ареста по их указанию сопро-

тивлявшихся епископов, священников, членов церковных двадцаток и просто прихожан. Они «благословили» и изъятие ценностей.

В вопросе ценностей Патриарх Тихон, соглашаясь на отдачу того, что не имело богослужебного употребления, воспротивился изъятию священных сосудов и прочих богослужебных предметов. Последнее он определил как «святотатство».⁸ У г. Левитина мы находим упрек за это Патриарху Тихону. А в описании голода Поволжья, «который начался осенью 1921 г.», читаем: «людоедство стало... массовым явлением — на людей... расставлялись силки; под самым Саратовом в 2-3 километрах от города зверски убивали людей.»⁹

Во второй половине тамбовского восстания по разным обстоятельствам мне пришлось довольно часто бывать в Саратове и прилегающих к нему районах.¹⁰ А с осени 1921 г. я становлюсь его жителем и студентом университета. Ничего сказанного г. Левитиным о Саратове и **в помине** не было. Он голодал в 1921/22 г. очень сильно, но так же, как и другие города страны: Тамбов, Рязань, сама Москва. И, конечно, каких-либо сравнений с голодной зимой 1941-1942 гг. в осажденном Ленинграде, которую я тоже пережил, быть не может.¹¹

Но где хоть отдаленные основания для слухов, исказивших так «ужасы Саратова» (только без людоедства), жертвой которых стал автор «Очерков...» Сейчас к этому вопросу начали издали приближаться советские историки. Из их работ, содержащих документальные данные, можно узнать: в 1921 г. по Поволжью «прогулялся» не только неурожай, но и «Двадцать седьмая Омская дивизия, уничтожившая его банды».¹² Какие? Полагаю, объяснять не нужно. Количество «уничтоженных банд», сообщенное правительству в докладе штаба дивизии, пока не опу-

⁵ Проф. М. И. Андреев. «Краткий обзор истории Русской церкви от революции до наших дней». 1952, стр. 26-27. См. также указ. книгу Регельсона, стр. 278-279.

⁶ «Очерки по истории русской церковной смуты». 1978, часть I. стр. 58.

⁷ Недавно Курдюм Пресс (Kordume Press) начало продавать мою книгу по вопросам советского образования и его изучения в США. Название «Курдюм» принадлежит мне. Это село, расположенное к северу от Саратова. Мне помогли там в большой беде (но не по причине голода). Захотелось хоть так вспомнить добрых поволжских крестьян.

⁸ Мне очень грустно это писать. Г. Левитин — человек большого честного порыва, сообщивший в своих работах много важных характеристик из истории Православной церкви.

¹² Указ. работа Трифонова, стр. 24.

⁵ Об этом ниже.

⁶ См. Программу VIII съезда партии (март 1919) «В области религиозных отношений», пункт 13. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.» Часть 1, 1954, стр. 420.

⁷ До отпадения от Православной церкви его исключительно ценил расстрелянный позже митрополит Вениамин. Это известно в литературе. Мне все же хочется передать рассказ общественного обвинителя на процессе митрополита — Драницына. В связи с ранением Введенского ему пришлось «снимать с него допрос» на его квартире в постели. — «Когда я кончил и поднялся, чтобы уходить, то с удивлением увидел на стене в головах большого портрет митр. Вениамина. На нем прочел: «Моему большому другу...» Ничего не сказав, посмотрел на Введенского: он был смущен». К Драницыну мы еще вернемся.

бликовано. Боюсь, после такой публикации проблему последствий неурожая, действительно бывшего в Поволжье, придется несколько пересмотреть. Что за «звери» оказались в этой дивизии? — не знаю. Но ранней весной 1921 г. некоторое количество селений Поволжья (главным образом Заволжья) было полностью разрушено. Часть уцелевших жителей, лишенных всего, ринулась в Саратов, располагаясь на берегу Волги, начиная от так наз. «Бабушкиного взвоза». Надеялись как-то прожить, хотя бы милостыней. Но какая в те дни могла быть милостыня? Разве что случайная картошка. Пришлось им молчаливо умирать от голода и появившейся холеры. Последняя перебросилась в город и погубила там еще больше людей. Все это произошло, повторяю, не после осени, а ранней весной и летом 1921 г. Холеру, правда, остановили или сама она остановилась только к осени. «Урок» Заволжья достиг сразу же Москвы. При подавлении Тамбовского восстания «брали» его участников, но разрушать селения не смели. Сам Антонов-Овсеенко наблюдал.

Православная паства исключительно горячо реагировала на изъятие церковных ценностей. В Митрофаньевском соборе Саратова, где я пережил начало новой церковной политики, вопрос об отдаче ценностей поставили, после воскресной литургии, перед прихожанами — на их решение. Последнее явилось единодушно отрицательным. Аргументация была такова: «Если правительству нужны средства для закупки хлеба, то напряжем все силы и сами соберем. Церковных же ценностей брать не надо — это наша святыня». Не обошлось без криков, особенно при выходе из церкви, на паперти: «Дай-ка ценности! Не на голодающих пойдут, а на «Рычи, Китай».¹³ Аналогичное характеризует прихожан других городов и селений.

Применив вооруженную силу, правительство, тем не менее, приступило к данной «операции». Снимали даже позолоченные переплеты с евангелий, представлявших историческую ценность. По всей стране полилась кровь духовенства и верующих, защищавших свои святыни. Этому можно найти достаточные подтверждения в центральных и местных газетах. Но ценности были изъяты.

Иной характер приняли попытки «преобразования» церкви. Для десятков миллионов верующих людей было чересчур ясно:

¹³ В то время производились как раз особенно усиленно сборы денег («добровольные взносы») на организацию, получившую у саратовцев название «Рычи, Китай». М. б. она так и официально называлась — сейчас не помню.

пришли обновленцы не с реформами,¹⁴ а «женатыми митрополитами и епископами», готовыми сокрушить самые основы Православия. Ведь и правительство не жалело средств (при отсутствии достаточного количества бумаги) на литературу, говорящую о его настоящих целях в данном вопросе. Но здесь «нашла коса на камень». Можно было отправлять в тюрьмы, лагеря, ссылку, даже расстреливать сопротивлявшихся епископов, священников, самих прихожан, начиная с членов церковных «двадцаток».¹⁵ Но с массой верующих людей ничего нельзя было сделать. В Саратове, например, было назначено в центральном соборе собрание всех священников по вопросу о присоединении к Обновленцам. Их сопровождали туда по собственной инициативе группы прихожан, просивших: «Не поддаваться, Патриарху Тихону не изменять». В собор «посторонних людей» не пустили, они остались ждать результатов собрания на площади перед ним. Вскоре к ним подошли другие люди — образовалась большая толпа. Многие горячились по поводу насилия, совершаемого над церковью. Это, видимо, устрало инциаторов собрания — двух священников обновленцев. Перед собором появились агенты ГПУ (не в форме), старавшиеся, но неудачно, разогнать собравшихся. Подобное имело место и в других городах. Из ряда церквей, захваченных обновленцами, прихожане пытались их выгнать, как правило, перед началом богослужения. Подобные попытки пресекались с помощью стоявшей «наготове» милиции. «Если монархия не сумела искоренить искони присущее русскому народу «давать рукам волю», так мы добьемся этого», сказал мне в те дни, с глазу на глаз, один интеллигентный господин (по происхождению), сумевший войти в партию, чтобы стать неплохим советским бюрократом.

Церкви обновленцев становятся пусты.¹⁶ Толпы верующих устремляются в необновленческие храмы. В это же время во многих местах создаются специальные денежные фонды для поддержки

¹⁴ Ряд реформ был уже разработан, а также намечался к разработке (не дали закончить) на Всероссийском Церковно-Поместном Соборе 1917-1918 гг.

¹⁵ Участие в последних с тех лет становится все большей и большей жертвой. Бывая по служебным обязанностям в маленьких городках Сибири, а также Европейского Севера, я видел там многих из них, находившихся в ссылке. Достаточное количество людей пошло и в лагеря.

¹⁶ Исключением были соборы, когда там служили обновленческие епископы. Значительная часть публики приходила, однако, из любопытства: что это за новая церковь?

семейств арестованных священников и отправления посылок ба-
тюшке, если это возможно.

Происходит оживление и тайных церковных организаций,
стремящихся поддержать верующих в их борьбе за право сво-
бодного вероисповедания. К этому вопросу осторожно прибли-
жаются даже советские историки. Интересна работа М. М. Пер-
сица, изданная Академией наук СССР в 1958 г.¹⁷ Ее автору хочет-
ся сказать что-то новое, что-то свежее об истории церкви. Рабо-
тает в нескольких архивах, в том числе в ЦГАОР.¹⁸ Там он нахо-
дит обращение «ревнителей Святой Веры», призывающее уже в
июле 1917 г. создавать при всех монастырях «братства право-
славных паломников в защиту Св. Веры». После перечисления
их задач автор заключает: «Указанные братства, как и **другие
организации**, созданные реакционным духовенством, сыграли не-
маловажную роль в борьбе контрреволюционных элементов про-
тив восставшего пролетариата и его партии».¹⁹ «Другие органи-
зации», сведения о которых содержит тот же ЦГАОР, уже не
уточняются. Даже общее заключение автора написано так, что
можно думать: борьба шла только до получения коммунистичес-
кой партией власти, но не позже. Действительность говорит не-
сколько другое.

В своих «Очерках» г. Левитин дает полностью содержание
большого типографски напечатанного «Братского предостереже-
ния чадам Истинной Церкви Христовой», подписанного «Брат-
ством ревнителей Православия».²⁰ Листовки с данным Предосте-
режением распространялась в Москве «под носом», как пишет
г. Левитин, «совершенно ошеломленного Тучкова».²¹ Подобные ли-
стовки распространялись и в других городах. В Саратове они
наделали много шума. Стал известен такой случай. На одной из
центральных улиц, рано утром, был найден молодой человек,
совершенно избитый, в состоянии беспомощности, с большим коли-
чеством нелегальных церковных, типографски напечатанных ли-
стовок. Если не ошибаюсь, об этом сообщила и местная газета.
Лично мне о «молодом человеке с церковными листовками» при-

(затемнение)

¹⁷ «Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР».

¹⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции и
социалистического строительства.

¹⁹ Указ. книга, стр. 132-133. Подчеркнуто мной.

²⁰ «Очерки...». Часть 1, стр. 122-124.

²¹ Ведущий «специалист» ГПУ по делам Православной церкви. Пер-
вые годы, кажется, был известен как старший следователь.

шло слышать от одного из секретарей Саратовского губкома
партии, также и студента (занятия шли в вечернее время) в
семинаре профессора Ф. Вопрос шел о нормах обычного права
в жизни советского государства. Секретарь губкома (Глазков)
поспешил использовать данный случай, как пример отношения
трудящихся к «церковникам». «...Первый же встречный избил до
полусмерти за раздачу подобных прокламаций. Торопясь же на
работу, возиться с ним больше не стал».²²

Начала циркулировать в ограниченных кругах верующих ру-
кописная религиозная литература, издаваемая нелегально. Она
была предметом большого внимания органов власти. При более
крупных тюрьмах сосредотачивались ее собрания. Такое собрание
в Ярославской тюрьме смог случайно увидеть в 1925 г. крупней-
ший иерарх тех лет, бывший ближайший сотрудник Патриарха
Тихона — архиепископ Илларион.²³

Наряду с организациями, выпускавшими религиозную лите-
ратуру, были попытки выступлений и более активных. В бытность
мою в Саратове там произошел такой случай. Отправлялся в лагерь
епископ Петр (уже третий — после епископа Иова и пред-
шествовавшего ему епископа Досифея). Неожиданно у вокзала
появилось большое число людей, пытавшихся его отнять. Сopro-
вождавшим солдатам с подоспевшей к ним охраной вокзала при-
шло стрелять. Происшествие было значительным. Местная га-
зета почувствовала себя обязанной сообщить: жалкие кликуши
пытались освободить своего «идола», постыдно нарушив общест-
венный порядок. Скажем, все это так, — общественный порядок
был явно нарушен. Оставалось только неясным: кто же просле-
дил момент переезда епископа Петра из тюрьмы на вокзал и
собрал так быстро столь самоотверженных людей?

Правительство в своем стремлении «обновления» Правосла-
вия остается, однако, непреклонным. В помощь обновленцам со-
здается система таких мероприятий:

1. Утверждение в сознании населения *de facto* «единствен-
ности» и законности Обновленческой церкви. Православие, «до-
живающее свои последние дни», получает в печати презритель-

²² Мне было мучительно смотреть на проф. Ф., глубоко религиоз-
ного человека. Не посчитавшись все же с «сильным мира сего», не об-
ладая к тому же красноречием, он все-таки сумел «снять» его выступ-
ление, направив обсуждение в другом направлении.

²³ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики российские». Пер-
вое собрание материалов. 1949, стр. 130.

ное название «Тихоновщины».²⁴ В печати же мы находим сообщения от лица правительства о начавшейся ликвидации «последних остатков «Тихоновщины». Одним из первых городов в подобном «достижении» явился, например, Харьков.²⁵

2. Утверждение в сознании населения того, что должна представить собой политически «обновленная» церковь. «...Церковниками, — сообщается из Москвы, — уже ведется работа по очистке рядов духовенства».²⁶ «Томский архиепископ Сергей от имени ВЦУ (Высшего церковного управления — Автор) обращается к духовенству Томской епархии с предупреждением... всякий замешанный в политике клирик, помимо кары правительства, будет подвергаться взысканию за свою деятельность и со стороны церковного управления».²⁷ А в Пермской епархии «в целях выявления политических взглядов духовенства епархиальным управлением разосланы всем духовным лицам анкетные листы с рядом вопросов об отношении духовенства к обновленческому церковному движению, о справедливости российской социальной революции и законности созданной ею Советской власти, об отношении к Патриарху Тихону и т. д.».²⁸

3. Уточняется новый вид преступления: нежелание идти под власть «женатых митрополитов и епископов». Это делается не от лица Томской или Пермской епархии, а самого правительства. «...С церковного амвона и сейчас ведут антисоветскую агитацию».²⁹ Большое число мужественных епископов и священников боролось, конечно, за каноны церкви. Это было «антисоветской» агитацией. И первым вопросом, при непрерывных вызовах в ГПУ, было: «Почему Вы не присоединились к ним (обновленцам)? Вы против Советской власти?»

4. Одновременно предупреждаются тайные церковные организации, стремящиеся вести борьбу за сохранение церквей в руках Патриарха Тихона. «...Не только в провинциальных городах, но и в Киеве, и даже в Харькове, где пролетарское око особенно зорко наблюдает за ними (тихоновцами — Автор), они продолжают

²⁴ Это название подхватывается, разумеется, и обновленцами.

²⁵ «Тихоновцы на Украине». «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» 18 апр. 1923 г. № 84 (1821), стр. 5.

²⁶ «Против Тихоновщины». Ibid., 4 апреля 1923 г. № 74 (1811), стр. 3.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

выступать как **подпольно**, так и открыто».³⁰ Предупреждаются, как мы видим, все большие города — от Москвы и Ленинграда.

Одновременно идут расстрелы, а также отправление большого числа лиц в лагеря и особенно в ссылку.³¹ По городам проводятся показательные судебные процессы — все для того же «поучения и убеждения» миллионных масс верующих. Обвинение, предъявляемое на них, — только «сопротивление изъятию ценностей, вызвавшее пролитие крови». Вопрос: «почему не присоединитесь?» из кабинетов следователей ГПУ не выходит.

Завершением церковно-судебных процессов должен был явиться суд над самим Патриархом Тихоном, арестованным в мае 1922 г. Было уже официально сообщено: «11 апреля (1923 г. — Автор) судебная коллегия Верховного суда начинает слушать дело бывшего Патриарха Тихона». После характеристики его «непрерывной контрреволюционной деятельности», мы читаем: «Судебным следствием по делам о сопротивлении изъятию ценностей было установлено, что единственной причиной кровавых эксцессов, имевших место в целом ряде городов, было послание Тихона».³²

После расстрела Патриарха Тихона Православная церковь на страницах советской печати была бы, видимо, преданной забвению, вспоминаясь разве что в отдельных случаях. Обновленцы придумали бы и новое название церкви. Но неожиданно правительственная политика коренным образом меняется. Не прошло трех месяцев после сообщения о суде над Патриархом Тихоном, как мил-

³⁰ Указ. «Тихоновцы на Украине». Подчеркнуто мной.

³¹ Последняя принесла не только те результаты, что нужны были власти. Благодаря ссылке, Православная церковь вызвала уважение людей другой религии, тоже преследуемых в своем вероисповедании, в самых отдаленных районах страны. Отдельные селения Казахстана стали наполнены, например, большим числом православного духовенства. Оно было обязано носить обычную одежду. Публичная молитва была запрещена. За это переводили в лагерь. Мой большой друг, ездивший туда на похороны отца (не священника), рассказывал: «Собралось около гроба много людей, постояли молча, опустив головы. Потом отнесли на кладбище и опустили в могилу, также постояли в полном молчании». Одновременно у него, бывшего правоведа, сохранившего способность, несмотря на все испытания, воспринимать жизнь, прежде всего, с юмористической стороны, не отличавшегося религиозностью, сорвалось серьезное: «Духовно-мистическая обстановка там такова, что невольно задумаешься. И все это пользуется большим уважением казахского населения. За советами идут обязательно к русским священникам. Общие тайные моления, конечно, происходят, при помощи тех же казахов, сочувствующих чужому горю».

³² «Процесс князей церкви». «Известия Всероссийского...» 6 апреля 1923 г., № 76 (1813), стр. 4.

лионы голодающих, спасению которых он «противился», забываются. Сам же Патриарх после «покаянного» (вымученного) письма в газеты освобождается из тюремного заключения.³³ Все это выглядело более чем странно. Патриарх Тихон освобождается, а десятки священнослужителей, и не только священнослужителей, следовавших его воззванию, уже расстреляны. Число же пошедших в лагеря и ссылку исчислению не поддается.

Но самое главное даже не это. Патриарх Тихон, или как некоторое время газеты пишут: бывший Патриарх Тихон, незамедлительно приступает к укреплению церкви в том самом виде, какой она была, когда Ленин, находясь еще в Смольном, слушал молитвенное пение людей, идущих на площадь перед Александровской лаврой с протестом против попытки красногвардейцев ворваться в нее и взять ценности (начало 1918 г.)³⁴ На духовенство, побывавшее у обновленцев и в большинстве возвращающееся назад, накладываются пост и покаяние. Церкви же, побывавшие в руках обновленцев, освящаются.

И уже окончательное изумление вызывает: не только не препятствовали, а даже информировали обо всем этом население через печать. Приведем описание первой службы Патриарха Тихона в Донском монастыре. «...Храм, коридоры и паперть его были усеяны народом. Так как в церковь попала только незначительная часть верующих, то по окончании обедни Тихон отслужил молебствие на монастырском дворе, после чего в течение нескольких часов благословлял верующих».³⁵ Не скрывают и освящения церквей. ляют их святой водою и только потом уже служат в них...»³⁶ «Вражда Тихона и тихоновцев к церковным обновленцам доходит до того, что они считают оскверненными те храмы, в которых служили обновленцы, и потому, будучи приглашенными для службы в этих храмах, Тихон и его сослуживцы предварительно окропляют. Следует даже признание: надежды, что «покаянное письмо» Патриарха Тихона хоть как-то скажется на его духовном авторитете, не сбылись. От имени «непримиримых» сообщается: «Ожидания...

³³ Постановление Верховного Суда об освобождении Василия Белавина (быв. Патриарха Тихона). Ibid., 27 июня 1923 г. № 141 (1878), стр. 1.

³⁴ Об этом Крестном ходе мной напечатана статья «Петроградский Крестный ход в защиту церкви». Из записок участника. «Новое Русское Слово». 13 янв. 1978 г.

³⁵ «Бывший Патриарх Тихон». «Известия Всероссийского...» 3 июля 1923 г. № 146 (1883), стр. 7.

³⁶ Ив. Трегубов. «Среди церковников». Ibid., 13 июля 1923 г. № 155 (1892), стр. 4.

что народ после «повинной» Тихона... отшатнется от него, не оправдались».³⁷ «Народ», уже умудренный опытом советской жизни, понимал: такое письмо могло быть написано только ради спасения церкви.³⁸

II

Оглядываясь назад, на пережитое, хочется остановиться отдельно на годах так наз. «раскола» в нашей бывшей столице, Петербурге, противопоставлявшемся порой всей остальной стране. В религиозных испытаниях он оказался вместе с русским народом. Старые споры: «Россия для Петербурга или Петербург для России» нашли свое разрешение.

Всенародный характер религиозного подъема в городе, названном в 1914 г. Петроградом, а еще через 10 лет Ленинградом, побуждает остановиться на характеристике его двух больших социальных групп населения: рабочих и интеллигенции. Известный процент индустриальных рабочих начал отходить от церкви еще перед революцией. После нее этот процент увеличился. Большая же часть рабочих от церкви не ушла. Это можно было видеть по лицам молящихся. Это можно было заключить, следя за антирелигиозной литературой, требующей особых методов (иных, чем для крестьян) преодоления веры в Бога у рабочих. Другая литература, свидетельствующая о тяге к духовным ценностям, начала привлекать их. В середине 20-х гг., когда еще не было такой давящей руки Сталина, в городе провели изучение: кто что читает? Его результаты опубликовали. Это вызвало большой обмен мнений всех мыслящих людей. А результаты изучения были таковы: советских писателей читали студенты вузов, западных — старая интеллигенция, русских классиков — рабочие. А ведь русские классики — религиозны.³⁹ Следует также отметить: город был наполнен значительную часть года так наз. сезонными рабочими, т. е. фактически теми же крестьянами. В своем большинстве они усердно посещали церковь.

³⁷ Указ. «Бывший Патриарх Тихон». Подчеркнуто мной.

³⁸ Досадную ошибку делает г. Регельсон, говоря о «массовом возвращении верующих из обновленчества в «тихоновскую церковь» (Указ. «Трагедия...», стр. 339). Верующие в своей массе от Патриарха Тихона никуда не уходили.

³⁹ В религиозном возрождении наших дней, как доносится с той стороны, русская классическая литература начала играть ту же роль.

Много большее участие в церковной жизни начинает принимать интеллигенция. Значительное число людей, ранее «безразличных» или просто атеистов, обратилось к церкви. В статье по этому поводу, напечатанной, если не ошибаюсь, в «Известиях», у Луначарского горько срывается в таком роде: «Куда у Вас совесть делась? Ну до революции разве могли бы...» Когда Введенского ранили камнем, то в интервью с представителями прессы он не нашел ничего лучшего, как сказать: в городе, наполненном «бывшими людьми», всего следует ожидать. Камушек бросался явно в чей «огород». После 5 лет революции в Петрограде от коммерсантов и фабрикантов, князей и земельной аристократии много не осталось. А кто и остался, так был «тише воды, ниже травы». В категорию «бывших людей» приходилось идти интеллигенции, переполнявшей церковь, ведшей в их большом числе многострадальные «двадцатки».

Следует отметить особо роль академической части интеллигенции в религиозной жизни тех лет, — не только в церкви, но и за ее пределами. Не в одном и не в двух случаях, даже в служебной обстановке — «партийцы» присутствовали тогда далеко не везде, а сильно разветвленная сеть сексотов только создавалась — находили возможность и уделяли внимание богословским вопросам. Не будем тревожить имен... Не все документы пропадают, а честные историки всегда приходят. Но обратимся к общеизвестным данным. До 1921 г. функционировало Петербургское философское общество. Кто же его председатель? Александр Иванович Введенский — глубоко религиозный человек, философ, старый профессор логики и психологии. Если 1922 год ознаменовался началом решительного наступления на еще несокрушенную церковь, то в Петрограде и другим событием: выходом в свет, несмотря на все трудности, его книги «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом». Она доказывает: религия вечна и не может быть сокрушена. Какую же роль она сыграла в те тяжелые дни!

Вместе со всей страной поднялись верующие Петрограда против задуманного разрушения церкви. Давление здесь было очень сильным, методы принуждения духовенства продуманы и разнообразны. Отдельные, запуганные ГПУ священники невольно обращались к правящим епископам с вопросом: что делать? Один из викариев митрополита Вениамина, епископ Венедикт, неизменно отвечал: «Будьте ближе к пастве и будете знать, что делать».⁴⁰

⁴⁰ Во избежание недоразумений необходимо предупредить: в недавние книги Краснова-Левитина и Регельсона вкралась ошибка отно-

Это было большое «оружие». ГПУ не замедлило включить еп. Венедикта в число обвиняемых предстоящего судебного процесса. Обновленцы, стремившиеся вести за собой массы верующих, не могли забыть ему это несколько лет. Из уст известного Платонова, священника Андреевского собора, я слышал об этом дважды. Первый раз в июне или июле 1924 г., поехав на его доклад о «Положении церкви в советском государстве». Тогда я увидел его впервые после 6-7 лет.⁴¹ Внешне он как будто изменился мало, только в голосе звучали часто жесткие, порой очень жесткие, ноты.

Доклад происходил в самом соборе, настоятелем которого он стал.⁴² Платонов говорил с кафедры, возвышающейся у левой стены (от входа). Я, не желая попадаться ему на глаза (связи Платонова с ГПУ были очевидны), стал ближе к заднему правому углу. Собор наполнило большое количество людей. Первая часть доклада была даже академична. Положение изменилось, как только дошло до освящения церковей после обновленцев и известных нам слов епископа Венедикта. Здесь последовал прямой политический «разнос». В конце его речи раздали все-таки отдельные, но сильно протестующие голоса. Прикрикнув, Платонов довольно быстро остановил их.

Второй раз это пришлось слышать осенью следующего года, в день хиротонии Платонова во епископы. Происходила она в

сительно наименования епископа Венедикта. В своих ранних работах, а также «Лихих годах» (1977, стр. 77, 87) г. Левитин говорит: епископ Венедикт Ладожский. Это создало противоречие у Регельсона — «Трагедия Русской Церкви» (1977). Цитируя Левитина, он говорит также «Ладожский» (стр. 297). В списке же епископов, основанном на данных митрополита Мануила, дает правильное: епископ Венедикт (Плотников) Кронштадтский (стр. 528, 536). В своей наиболее поздней работе «Очерки по истории русской церковной смуты» (1978) г. Левитин не исправил указанной ошибки (Ч. 1., стр. 112, 193, том III, стр. 127).

⁴¹ Еще мальчиком я встречал у знакомых его сестру — преподавательницу Петровской женской гимназии на Петербургской стороне (также и писательницу), а после революции и его самого. Г. Левитин делает ошибку, называя гимназию, оконченную Платоновым, «духовной» («Лихие годы», стр. 123). Он окончил с золотой медалью одну из 12 министерских мужских классических гимназий старого Петербурга, известную не под номером, как большинство их, а названием Введенская. Как и Ларинская гимназия, она имела при себе церковь. Самым первым «сюрпризом» для родных, ожидавших от него блестящей гражданской карьеры, было неожиданное решение — идти на службу церкви.

⁴² В 1922-23 гг. старые прихожане пытались силой его выгнать из собора. Позже Платонов смог — не в пример другим своим «коллегам» — собрать порядочное число людей, поверивших в него и посещавших собор. Среди них оказались даже две мои знакомые семьи с дореволюционных времен.

другой церкви, где я не был. Но поехал вечером этого же дня в Андреевский собор. Он служил там уже как епископ. Из-за чего-то задержавшись, я попал прямо на проповедь. Платонов был не только в восторге, но просто неприличном экстазе ликования, повторяя на все лады о своей радости утром при виде «массы» людей, пришедших на его хиротонию. Почувствовав, наконец, что пора кончать столь неумеренные «изъявления» чувств, он вспомнил епископа Венедикта. «Вот доказательство, — с кем паства. Где наставления епископа Венедикта?» Действительному положению вещей подобное заключение как раз не отвечало. Это была осень 1925 г. Едва «дышащие» обновленческие церкви, за отдельными исключениями, оставались пустыми. Епископ же Венедикт, после своих «наставлений» 1922 г., приговора к смерти, отбытия тюрьмы, находился как раз в зените владения массами православных людей Петрограда.

В числе «административных мер», направленных на сокрушение Православной церкви (также и других церквей) находилось, как мы знаем, проведение судебных процессов. В Петрограде посадили на скамью подсудимых 86 человек духовных и гражданских лиц во главе с митрополитом Вениамином (лето 1922 г.). 10 человек приговорили к расстрелу. Других обвиняемых — к различным срокам заключения. Часть обвиняемых оправдали. Позже по постановлению Президиума ВЦИК число приговоренных к смерти сократили до четырех: Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей, Ю. П. Новицкий и И. М. Ковшаров. Среди лиц, приговоренных к смерти, замененной долгосрочным заключением, был епископ Венедикт.

Данный процесс более или менее известен в литературе. Мне только хочется остановиться на некоторых моментах его «отражения» в жизни Петрограда. Одной из задач организаторов процесса было сообщение ему популярности, доказательности и убедительности. Вход на процесс желающих был в общем доступным. Блестящая речь адвоката Гуровича была, например, записана довольно подробно настоятельницей известной мне тайной общины (там я ее и прочитал позже). Что касается «доказательности и убедительности», то в качестве общественного обвинителя⁴³ решили найти ученого историка, сумевшего бы использовать против судимого духовенства церковные каноны.

⁴³ В те годы наряду с государственным прокурором существовала и такая должность. Упразднена в середине 20-х гг.

Люди, захватившие еще академическую жизнь Петрограда 20-х гг., помнят трех человек, призванных перестроить теоретические основы исторических, экономических и правовых наук Петроградского университета: М. В. Серебрякова,⁴⁴ И. А. Давыдова-Борисова⁴⁵ и С. Н. Драницына. Между собой они находились в личной дружбе, сохранившейся до конца их дней. Характеризовались они и некоторыми общими чертами. Прежде всего, было неясно, как таких типичных представителей старой интеллигенции «занесло» в партию. Второе, все трое к концу 20-х гг. потеряли весь свой «теоретический престиж» и устарели для поступательного хода советской жизни. Наиболее стойким в защите своих взглядов — печатно и устно — оказался Давыдов-Борисов, обвиненный в кантианстве. Но здоровье его не выдержало травли, в начале 30-х гг. он становится полным инвалидом.⁴⁶ А Серебряков и Драницын тогда же — только рядовыми профессорами диалектического материализма, но уже не в университете. В 20-х годах им принадлежало многое. Серебряков был ректором Петроградского университета. Кроме того, они направляли работу созданного при нем Научного общества марксистов, выпускавшего до конца 20-х гг. даже собственный журнал («Записки...»). И вот отсюда-то по «партийной линии» потребовали направить специалиста — историка в качестве общественного обвинителя на процессе митрополита Вениamina. Выбор пал на Драницына, выходящего к тому же из духовной среды.⁴⁷

Для своей речи на процессе он собрал канонические положения, говорящие о случаях бедствий (в данном случае, голод) и возможности распоряжения церковными ценностями. Речь его, как он сразу почувствовал, впечатления не произвела. В разгар ее

⁴⁴ Имя этого профессора, как одного из первых, призванных к созданию новой эпохи в жизни Петроградского университета, упоминается и в советской послевоенной литературе. См., например, Е. В. Чуткерашвили «Развитие высшего образования в СССР». М., 1961, стр. 83. О заключительных «испытаниях» Серебрякова я с большим интересом прочел в книге Левитина «Лихие годы», стр. 369-370.

⁴⁵ Партийная фамилия, по национальности еврей.

⁴⁶ Последняя статья против него в «Ленинградской правде» была в 1930 или 1931 г.

⁴⁷ С Драницыным мне пришлось познакомиться в середине 30-х гг., в институте т. наз. Всекопромсовета (промкооперации). В годы же войны мы оказались с ним соседями в Минутке (под Кисловодском) на Кавказе, куда вывезли из осажденного Ленинграда высшие учебные заведения. Спасение из «тисков» голодной смерти, пришедшая временная передышка, чудные кавказские вечера — все это располагало к разговорам о «прошлых днях».

произнесения несколько «сбила» записка, полученная от председателя суда: «Ты же по-ихнему заговорил. Что-то не туда заворачиваешь?»⁴⁸ Из подсудимых самое большое впечатление на Драницына произвел архимандрит Сергей (Шейн).⁴⁹ К его изумительному поведению на процессе он в разговорах со мной возвращался не раз. «С каким нескрываемым отвращением и в то же время снисходительной жалостью Шейн смотрел и говорил с нами, находящимися в составе суда. Страх смерти, тюрьмы для него, как, впрочем, и многих из них, не существовал. ...Серьезный был противник!» Уже до речей защиты стало ясным: чтобы обеспечить аплодисменты при вынесении приговора (а они обязательно должны были быть) аудиторию последнего заседания суда необходимо «подсортовать».

Процесс вызвал в городе возмущение. Сведения о нем, помимо «Ленинградской Правды», данные которой воспринимались «наоборот», распространялись большим числом присутствовавших там, среди которых было много людей, преданных церкви. Жители Петрограда говорили не о «канонах», оправдывавших расправу с церковью, а о страдальцах — подсудимых и их мужественных защитниках. Исключительное впечатление произвела Благодарность Господу Богу за смертный приговор, произнесенная митрополитом Вениамином, осенившим себя крестным знамением. Многие неверующие люди были сильно впечатлены этим. От тайны смерти, при всем своем атеизме, и они никуда уйти не могли. А тут такое откровение! Искреннее чувство признательности выражалось адвокату-еврею (Гуровичу), начавшему свою речь (воспроизвожу по памяти): «Я горжусь! На мою долю выпала честь защищать одного из высших иерархов русской Православной церкви...»

Процесс получил известность, только не ту, какая нужна была его организаторам. Он провалил окончательно надежды: как-то убедить верующих людей Петрограда в «законности и разумности» предпринятого преобразования Православия.⁵⁰

⁴⁸ В те годы особенным шиком было «тыканье» неинтеллигентными партийцами — интеллигентных.

⁴⁹ Бывший член Государственной Думы, известный и тогда как религиозный человек. После революции отдается полностью службе церкви, приняв монашество.

⁵⁰ От Драницына за участие в процессе отвернулась вся его семья. Младшая сестра, жена нищего дьякона в каком-то захолустье, отказалась взять денежную помощь после ареста ее мужа, хотя имела больных детей. Церковными вопросами он больше не занимался. Его более зна-

Не могли здесь много помочь и сами обновленцы. Их храмы оставались, как известно, пусты, духовенство — слабо. Серьезным источником для доказательства последнего является книга г. Левитина «Лихие годы», уделяющая специальное внимание Петрограду-Ленинграду. Мы находим в ней большое число популярных, хорошо образованных, красноречивых архиереев и рядовых священников, боровшихся за спасение канонов церкви.⁵¹ Что же касается обновленческой церкви, то ее официальное руководство характеризуют очень бледные люди.⁵² О рядовых священниках — популярных, образованных, хороших ораторах — не слышим также ничего. Но зато Введенский, Боярский, Платонов характеризуются как непревзойденные ораторы. По мнению г. Левитина, из Православной церкви только один отец Александр Медведский мог соперничать с ними.⁵³ Введенский был, действительно, красноречивым проповедником. Платонов также — очень сильным оратором.⁵⁴ Но в среде Тихоновского духовенства — архиереев и священников — было много также блестяще образованных людей и талантливейших ораторов, не уступающих Введенскому и превосходящих того же Платонова. А кроме того, на их стороне была правда, что, скажем, хоть «какое-то значение» да имеет. Сам г. Левитин рассказывает о диспуте, где Введенский был беспощадно разбит прот. Кондратьевым — бывшим ректором Петербургской духовной семинарии. Показав ложь основных положений его речи, прот. Кондратьев привел в заключение секретный циркуляр Введенского епархиальным архиереям об обращении к органам Советской власти для принятия административных мер против староцерковников. Сам г. Левитин должен признать: все красноречие Введенского оказалось бессильно.⁵⁵ И здесь же следует выступление, без всяких документов, молодого священника, отца Бориса, отмечающего знания, способности, красноречие Введенского, сделавшего только одну ошибку, — пошедшего на союз с безбожниками «в смертном бою с нами божниками». «Все были ошеломлены такой смелостью», — говорит г. Левитин. У

чительной работой осталась монография, посвященная Польскому восстанию в 1863-64 гг. (Напечатана в середине 30-х гг.).

⁵¹ «Не повезло» только двум лицам: епископу Венедикту Кронштадтскому и епископу Алексию Ямбургскому (Кингиссепскому), будущему патриарху. Об этом мы будем говорить ниже.

⁵² «Лихие годы», стр. 121-123.

⁵³ Ibid., стр. 208.

⁵⁴ Священника Боярского я почти не знал и не берусь что-либо говорить о нем.

председателя диспута — представителя власти — от злобы перекопилось лицо.⁵⁵

Вообще правительство предпочитало не устраивать подобных диспутов. В «безвоздушном пространстве» они происходить не могли. А неизбежные разоблачения обновленцев сильно «подогревали» верующих, чего боялись по политическим соображениям. «Лихие годы» и «Очерки» полны «перепалок» с верующими, взятых из жизни самих обновленческих церквей. Не явился исключением даже протоиерей Боярский, который в указанных работах характеризуется как человек большой моральной честности. Правительство предпочло диспуты между Народным комиссаром (министром) просвещения Луначарским и Введенским. На какое-то время они были призваны занять внимание советских граждан. Но, правду сказать, Введенский сильно «переигрывал». Куда лучше было одно из его выступлений, слышанных мной по радио в конце 1925 или начале 1926 г. Что касается Луначарского, признанного сильным оратором, то он разочаровал меня еще до этих диспутов. Большое число рядовых профессоров и других деятелей были много более красноречивыми людьми, только оставались незамеченными.

В годы т. наз. «раскола» в рядах высшего духовенства Петрограда, как и других городов страны, намечается такое течение: никаких канонических преобразований при существующих условиях положения церкви, но создание более нормальных отношений с Советским правительством. Одним из представителей данного направления явился епископ Алексей Ямбургский, позже именовавшийся Кингиссепским — в связи с переименованием Ямбурга. В 1922 г. в тесном кругу близких себе людей он говорил: «Если мы хотим спасти хоть что-то от Православной церкви, нужно пойти в вопросе общих взаимоотношений на уступки власти, иначе все потеряем». Но, как мы видели, власть требовала в те дни не только «нормализации» отношений, а также изменения канонических основ церкви. Еп. Алексей отправляется тогда же в ссылку, в Казахстан.⁵⁷

Следует, однако, задержаться на его характеристике. Епископ Алексей сыграл большую роль в последующей жизни Православной церкви, создал себе много врагов, имел много сторон-

ников. При всех условиях он будет «предметом» большого изучения и того или иного суждения будущих историков.

Аристократ по происхождению (из семьи Симанских), встретивший революцию в Новгороде, будучи уже епископом (посв. в 1913 г.), он ощутил сразу ее «удары», как епископ и как аристократ. Перейдя в 1921 г. в Петроград, он должен пережить и «давление» другого рода. Жив его отец, человек очень не легкого характера, крайне настойчивый, раздраженный против народа («допустили такую власть»), убежденный в том, что Симанским в «большевистской России» нет места — нужно уходить в эмиграцию. До середины 1923 г. в Петрограде за большую плату это было осуществимой вещью.⁵⁸ Средства для этого Симанские имели. Но при всей своей любви и уважении к отцу, при всех его доказательствах моральной оправданности побега, епископ Алексей, имеющий большие данные (с его знанием иностранных языков) устроиться не плохо в Европе, остается непоколебим. — «Пастырь не уходит от паствы. Должен оставаться с ней и принять все испытания, как бы страшны они ни были».

За короткое время (до ссылки) еп. Алексей приобретает исключительную популярность в Петрограде. Этому содействовало многое. Ученый теолог, имеющий еще законченное юридическое образование. Прекрасный оратор, порой сосредоточенно-серьезный, порой приветливый, ласковый. Интересна характеристика одной из его проповедей г. Левитина, когда он уже не мальчик 10-12 лет, так душевно примкнувший к Православию, а юноша, прочитавший Соловьева, достигший Гегеля и убежденно перешедший к обновленцам (1933 г.): «Спокойная, изящная».⁵⁹ Проповеди еп. Алексея привлекали толпы людей. Приходили на них даже лютеране и просто неверующие люди. Имели, должно быть, значение и его внешние данные: исключительно выигрышная наружность, красивые манеры.⁶⁰

Обратимся, однако, к Петрограду-Ленинграду. Освобождение патриарха Тихона характеризуется здесь также возвращением назад большей части обновленческого духовенства и обновленческих церквей. Как и в Москве, это выливается в большое

⁵⁸ Через Финский залив при помощи специально работавшей организации. В конце 1923 г. она была раскрыта и ликвидирована.

⁵⁹ «Лихие годы», стр. 250.

⁶⁰ Только недоразумением могу объяснить другую запись г. Левитина о епископе Алексии: «Оглядывая надменно, отчужденным взглядом свою паству... Его проповеди мне всегда напоминали речь губернатора при открытии нового моста...» Ibid., стр. 80-81.

⁵⁵ «Лихие годы», стр. 140-141.

⁵⁶ Ibid., стр. 141.

⁵⁷ Из более крупных иерархов Петрограда подобную точку зрения разделял и епископ Николай Ярушевич.

торжество Православия. Во главе епархии становится осенью 1923 г. бывший петроградский иеромонах Мануил, хиротонисованный патриархом Тихоном во епископа Лужского. В начале 1924 года ГПУ, испуганное его успешной деятельностью, освящением церквей, покаянием священников, побывавших в «Обновленчестве» (все это привлекало большое число людей), отправляет епископа Мануила в Соловки. А на его месте появляется знакомый нам епископ Венедикт Кронштадтский, освобожденный досрочно из тюремного заключения. «Замена» более чем странная... В наших руках, конечно, ограниченные данные. Но все же здесь можно видеть «метание» самого ГПУ. С первой половины 1923 г. оно получает указания высших органов власти: быть более осторожными с массами верующих.⁶¹ Последние сильно взбудоражены, что не может не быть опасным. Ленинград же особенно представлял в те годы нелегкое место. Только этим можно объяснить, что не вызвали епископа Алексия или епископа Николая, обнаруживших уже склонность к известным уступкам. Появление епископа Венедикта обещало большее успокоение. Возможно, надеялись, что все пережитое: смертный приговор, тюремное заключение, наконец, новый преподанный «урок» — отправление в лагерь еп. Мануила — как-то изменят еп. Венедикта. Для своего же оправдания «изгнания» еп. Мануила поддерживали версию о его связях с раскрытой тайной организацией, насчитывавшей до 100 человек. Если бы это было, то, думаю, епископ Мануил «ушел бы» не в лагерь, а уж ежовщины во всяком случае не пережил. Во время нее с иерархами и рядовыми священниками, выступавшими ранее наиболее активно в защиту церкви, рассчитались окончательно, начиная с расстрела епископа Венедикта.⁶²

Расчеты ГПУ не оправдались. Епископ Венедикт вернулся не сломленным духовно, точно таким, как встретил в 1922 г. принудительное обновление. Он продолжил и закончил начатое епископом Мануилом. Продержавшись в Ленинграде около двух лет, с помощью еп. Григория Шлиссельбургского, еп. Николая Сестрорецкого и других лиц, он укрепляет окончательно канонически — законную церковь. Несмотря на все препятствия, восстанавливает даже народные молебствия, крестные ходы. Летом 1925 г. мне пришлось быть участником одного из них, привлечшего очень

⁶¹ Об этом мы будем говорить ниже.

⁶² Я не берусь все же отрицать возможность тайной церковной организации, где «не только молились». Но она в числе ста человек раскрыта не была.

много людей, на Охтинском кладбище. Епископ Венедикт служил там вместе с указанными выше двумя епископами.⁶³ Положение еп. Венедикта в православном мире города становится настолько сильно, что Платонов незадолго до своего посвящения во епископы пытается «договориться» с ним, но безрезультатно.⁶⁴

Говоря о епископе Венедикте, нельзя пройти мимо несправедливой характеристики г. Левитиным этого достойного пастыря. В «Очерках...» мы слышим, правда, о нем, как **популярном** петроградском викарии.⁶⁵ Но что говорит другая книга? «Веселый, любящий поболтать за сытным обедом, пропустить одну-две рюмочки... владыка пользовался среди духовенства славой компанейского человека. В народе его, однако, не любили...»⁶⁶ В моих воспоминаниях, как и в истории церковного Питера, он только **эпизодическая фигура**.⁶⁷ Г. Левитин признается: «видел епископа Венедикта только несколько раз»,⁶⁸ — и добавлю от себя — в возрасте 10 лет. В конце 1925 г. епископ Венедикт арестовывается, чтобы много позже вернуться в Ленинград не для церковного служения, а только на пытки и смерть. Как можно видеть, «Лихие годы» воспроизводят характеристику, полученную из каких-то чересчур «недоброжелательных» рук. Последнее доказывает сам г. Левитин. Как историк, он не может пройти мимо всего сделанного в Петрограде-Ленинграде епископом Венедиктом, оказываясь в противоречии с самим собой. В поисках его разрешения обращается даже к Л. Н. Толстому, «наделившему чертами простого русского человека Кутузова». По этому критерию в один ряд с последним ставятся Патриарх Тихон, митрополит Крутицкий Петр и... епископ Венедикт.⁶⁹ Не скажу, чтобы я согласился полностью с характером приведенного доказательства. Но важно другое. Историк Левитин победил мемуариста Левитина: «в истории церковного Питера» епископ Венедикт — не эпизодическая, а историческая фигура.

⁶³ Но сколько горя принес этот крестный ход всем трем иерархам. Он был совершен по выхлопотанному разрешению. Придрались к другому. По окончании богослужения епископ Николай, живший на Охте, пригласил к себе на обед епископов Венедикта, Григория, а также других лиц. Все трое были незамедлительно вызваны в ГПУ для грубого «объяснения»: подобный обед — прямая политическая демонстрация! Особенно невозможен был следователь с епископом Григорием.

⁶⁴ Указ. «Очерки...». Том III, стр. 127.

⁶⁵ Часть 1, стр. 193. Подчеркнуто мной.

⁶⁶ «Лихие годы», стр. 77.

⁶⁷ Ibid., стр. 78. Подчеркнуто мной.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid., стр. 77.

Несмотря на исключительные успехи в православном мире Ленинграда, епископ Венедикт, как и другие церковные деятели, не мог не понимать: страшная гроза над церковью не проходит, но еще больше и больше усиливается. Возможность полного закрытия и сношения церквей не считали уже исключенной. ...Начали принимать более расширенные меры к сохранению хоть самого незначительного числа невидимых очагов Православия. Твердо верили в его последующее возрождение.

На всю жизнь осталась в памяти одна из проповедей епископа Венедикта (лето 1924 г.). «Здесь мы только временные странники, обязанные достойно пройти свой путь, как бы тяжел он ни был». С какой силой веры, сопровождая умеренной, но такой убедительной жестикуляцией, говорил он. Заканчивая теперь собственный путь, помню эту проповедь, как будто слышал только вчера.

III

Что же заставило Советское правительство отступить от изменения канонов Православной церкви и даже освободить из заключения Патриарха Тихона? В западных работах причину «усмотрели» в протестах мирового общественного мнения и известном ультиматуме Керзона (май 1923 г.). Протесты какую-то роль сыграли, но причиной не были. Здесь следует обратиться к внутривластному положению советского государства тех лет.

Значительная часть западной литературы характеризует НЭП, введенный после окончания гражданской войны, если не прямо как «тишь и гладь» в жизни населения, то, во всяком случае, как большое экономическое prosperity. И действительно, после голода, холода, — всей разрухи, созданной за годы внутренней междоусобицы и предшествовавшей ей войны с Германией, люди начали жить более или менее терпимо. А хозяйство деревни восстанавливалось темпами, вызывавшими удивление многих серьезных экономистов Европы. Но «не хлебом единым жив человек» — эта истина существует и для русского народа. Кроме того, само экономическое положение: условия жизни тех же рабочих, которым так много обещали перед революцией, далеко не было удовлетворительным. Советские официальные материалы не скрывают даже безработицы. Неблагополучно и с многомиллионным крестьянством. До самого конца 1922 г., несмотря на начавшееся prosperity, сохраняли, как мы говорили, военное положение. А после снятия его деревня требует собственного Крестьянского союза. Последнее подтверждается правительственной печатью.

В этих условиях протест десятков миллионов верующих, у которых отнимали церковь, стал опасным. Положение «перенапрягли». Опасен взрыв населения. Крестьянские восстания (и не только крестьянские) совсем свежи в памяти. Со снятием военного положения поторопились. Секретные данные с мест, поступающие в Отдел ЦК партии, ведающий церковными вопросами, и Управление ГПУ не могли не быть тревожными. В вопросе «преобразования» Православной церкви (равно и других вероисповеданий) нужно было отступать. Это подтверждается решениями двух съездов партии в 1923 и 1924 гг. XII съезд партии, собравшийся в апреле 1923 г., еще перед нотой Керзона, предупреждает против оскорбления чувств верующих людей, против грубых приемов в борьбе с религией...⁷⁰ Через год, несмотря на уже принятые меры, XIII съезд партии (май 1924 г.) прямо говорит о прекращении «административных мер» в борьбе с религиозными предрассудками. И также повторяет: «особо внимательно... следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего...»⁷¹

О внутреннем положении в СССР не мог не догадываться такой искушенный в политике человек, как лорд Керзон. Выступая в защиту Патриарха Тихона, он «играл определенную игру», пытаясь апеллировать через голову Советского правительства к русскому народу.⁷² В Москве пришли в ярость от такой «наглости», но сдержались на официальных путях. Кажется, в «Известиях» появились даже шуточные стихи о бессилии «загнивающих капиталистов». Но в них можно было прочесть (воспроизвожу по памяти): «Ну, попросят за кого, так и отпустим». Погорячился только Бухарин. В «Правде» он печатает статью «Конец гнусной комедии»: «...Спасайте Тихона! — сделалось лозунгом международной контрреволюции, той, которая должна была поднять **самые темные** крестьянские массы...»⁷³ К городским массам он уже не стал применять подобные эпитеты. Думаю, не поблагодарили его

⁷⁰ «КПСС в резолюциях...» Ч. 1, М., 1954, стр. 744.

⁷¹ Ibid., Ч. II, М., 1954, стр. 53.

⁷² Лорд Керзон, как и Чичерин (глава сов. мин-ва иностранных дел), одинаково знали: никто на Западе, начиная с Англии, ничего реального в защиту Православной церкви не предпримет. Не меняла положения и попытка Ватикана (после ареста Патриарха Тихона) выкупить церковные ценности. О последнем см. монографию, построенную на архивных материалах, Эдуарда Винтера, восточно-германского историка. «Политика Ватикана в отношении СССР. 1917-1968». Сокращенный перевод. Москва, 1977, стр. 69-70.

⁷³ Воспроизвожу по тексту, напечатанному в книге Регельсона «Трагедия...» Стр. 335. Подчеркнуто мной.

в правящих кругах, в том же Политбюро: чересчур «открыл карты».

Вскоре после начала тамбовского восстания, когда обычное движение в южной части губернии было уже нарушено, мне пришлось провести некоторое время в самом Тамбове. Как раз пришли сведения: 1) неожиданное поражение советских войск под Варшавой, 2) заключение мира с Польшей. Последнее после непрекращавшихся уверений в развитии мировой революции («Мировой пожар разгорается») явилось для населения еще более неожиданным. По городу развесили объявления об открытом (для всех) докладе по поводу «мира» в зале бывшего Дворянского собрания (оно называлось, конечно, как-то иначе). Докладчиком должен был быть крупный партийный работник, недавно присланный Москвой в качестве председателя губисполкома (в столь «тяжелую» губернию), — А. Г. Шлихтер.⁷⁴ Я пошел на доклад. Первое, что удивило, — появление господина не только в хорошо сшитом костюме (это в годы военного коммунизма!), но умеющего и держаться в нем. Доклад заинтересовал также. Его выводом, несколько раз повторенным, было: отличительная черта Советского правительства — **делать как раз вовремя и как раз то, что нужно...** Конечный успех всегда останется за нами.

Что же представила собой новая церковная политика? В ее существовании «административные методы», конечно, не исчезли (это тоже — отличительная черта Советского правительства), но выступили, как говорят их носители, «в другом плане». Покушение на каноны Православия начинает замирать, а позже и совсем прекращается. Православная церковь для Советского правительства — уже не «Тихоновщина».⁷⁵ Однако для ее иерархов и рядовых священников остаются жесткие «тиски», направленные к их максимальному подчинению. Аресты духовных лиц продолжают. Некоторое время это происходит даже при использовании обновленцев. В кабинетах ГПУ попрежнему задается вопрос: почему не присоединяетесь? Патриарха Тихона доводят в 1924 г. до согласия на сотрудничество с таким жутким лицом, как священник Красницкий.⁷⁶ Это не замедлило вызвать столь единодушный про-

⁷⁴ Его подпись можно видеть под проектом, ставшим в 1918 г. законом «Об отделении церкви...».

⁷⁵ Только заматавившие обновленцы не могут отказаться от слова, на которое с «легкой руки» правительства поставили такую большую ставку. См. «Очерки...» Том III, стр. 71, 73 и др.

⁷⁶ Протоиерей М. Польский. «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». 1948, стр. 25.

тест православного духовенства и паствы, что Патриарх Тихон берет назад свое согласие. Правительство же считает более разумным не настаивать. Отдел ЦК партии, ведающий церковными делами, окончательно убедился: «Игра с обновленцами безнадежно проиграна». О правительственном «приговоре» им можно прочесть в начавшей выходить в 20-е годы Малой Советской энциклопедии: «...из обновленческих попыток почти ничего не вышло, и движение скоро распалось на несколько враждебных направлений».⁷⁷ Главным предметом внимания остается духовенство Тихоновской церкви, сохранившей свои каноны, ведущей десятки миллионов верующих людей.

⁷⁷ МСЭ. Том III, М., 1929, стр. 158.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Памяти о. Николая Трубецкого († 18 марта 1978)

Смутное время началось весной, в неделю о Страшном Суде. Вся весна протянулась черным кошмаром, и когда бы не милость Божия да не твердая рука духовника вкупе с его милующим сердцем — не устоять бы! Лето выдалось не лучше весны, но август подарил две недели покоя, тихих молитв и благостных слез. Сентябрь спокойными водами перетек в октябрь. Сдерживаемый огонь страсти, казалось подавленный, вспыхнул с большей силой и совершенно завладел душой.

В начале ноября выбрался в монастырь к старцу — полгода минуло со дня последней, до сих пор неразгаданной встречи. Оглядываясь, вижу себя, ослепшего, измученного, но все еще самонадеянного. Тот огонь любви к Творцу, который пожирал старца всю жизнь, с детства, вмиг осветил меня. Я стоял перед ним и не было уголка в моей душе, который оставался бы неосвященным:

— Отче! Я решил жениться!

— В рабство захотел? Ты Евангелие читаешь?

— Читаю.

— Что там написано?

— Лучше жениться, нежели разжигаться.

— Неправильно читаешь! Никто, положивший руку на рало и оглядывающийся, ненадежен для Царства Божия!

— Школы мало. Можно сказать, почти нет.

— Школы нет? А этого тебе мало — почти два года прожил в монастыре?

— Двадцать семь прожито во тьме и грехах.

— Ни от кого из вас проку нет! Никуда не годитесь!

— Благословите, отче!

Я вышел пошатываясь. На улице моросил мелкий дождь. Разговор со старцем окончательно добил меня. Внешне хорохорился, но внутри стугулилась тьма — суд обо мне был произнесен. Давние сомнения в собственной доброкачественности подтвердились — ни на что не годен!

Ни утешения друзей, ни прогулка по лесу не оживили меня. В этот же день покинул монастырь. По пути заехал в Ригу навестить друга. Он-то и привел меня в дом о. Николая Трубецкого.

1. (беседа с о. Николаем)

— Нет, нет, вы не правы. Я согласен с вами, — это гнусность. Никто не требует, чтобы в советские праздники, на 7 ноября и 1 мая, устраивались в соборе благодарственные молебны с обязательным присутствием городских священников, хотя владыка и ссылается на то, что пускай лучше священник помолится в храме за совдеп, нежели будет пьянствовать. Нельзя так резко нападать на владыку — он человек верующий и не из худших. Если бы он был даже вашим личным врагом — Господь призывает нас любить врагов.

— Позвольте, но он жалуется уполномоченному, что я не посещаю этих молебнов. Уполномоченный вызывает, корит меня. Правда, я всегда запасаюсь на эти дни бюллетенем.

— И все-таки, думаю, необходима терпимость. Наверняка, в вашей жизни были более жестокие времена, встречались люди более подлые, но, кажется мне, по отношению к ним вы были более снисходительны, чем ныне к своему архиерею.

Мы сидели в просторном кабинете о. Николая ненастным осенним вечером. По узким каменным улицам метался промозглый влажный ветер, изредка сыпал дождь. На душе было тревожно и смутно, тысячи вопросов роилось в голове, но воля была парализована — ни на что не годен. Сидя в мягком кресле, разглядывая пейзажи, писанные хозяином, радостные, полные света, переводя взгляд на редкостные фотографии умерших владык, я окунался в благодатный, покойный воздух квартиры и чувствовал, как врачуются раны. Собеседник, невысокий, подвижный, говорил как рубил. Жесты были под стать манере разговора. Вот он облокотился на стол, на минуту задумался, а затем обратился ко мне:

— Чем вы так огорчены?

— Решил жениться, да старец против, где-то в глубине я и сам сожалею. Монастырь — моя мечта с юных лет. Если б вы знали, с какой болью я принял это решение. Но коли взглянуть на жизнь трезво — сейчас в России нет монастырей. Есть инвалидные дома, по недоразумению называемые монастырями. Почти нет наставников. Старец, последние годы руководивший моей жизнью, бессилен перед уполномоченным. Никому другому я бы не отважился довериться.

— Не спешите. Будет еще в вашей жизни монастырь. В юности я тоже мечтал о монастыре. А в 1944 году пришло все: строгий пост, отреченность от мира, молитва, непрерывный труд.

— Как это произошло?

о. Н. Трубецкой
(1907—1978)

— Вряд ли вы знаете, что когда «присоединили» Прибалтику к СССР, то экзархом был назначен митрополит Сергей-младший (Воскресенский). Владыка был опытным политиком и когда пришли немцы, перекрасился и благодаря тому был в фаворе. Это позволило создать православную миссию на оккупированных территориях. Я был направлен вместе с другими священниками нашей епархии в составе миссии. Мы открывали и освящали закрытые храмы, проводили массовые крещения. Вам трудно представить, как изголодались люди за годы советизма по Слову Божию. Венчали, отпевали, не хватало времени для сна и еды.

— Думаю, что если бы сейчас послать такую миссию на Урал или в Сибирь, а то даже на Украину — было бы то же самое.

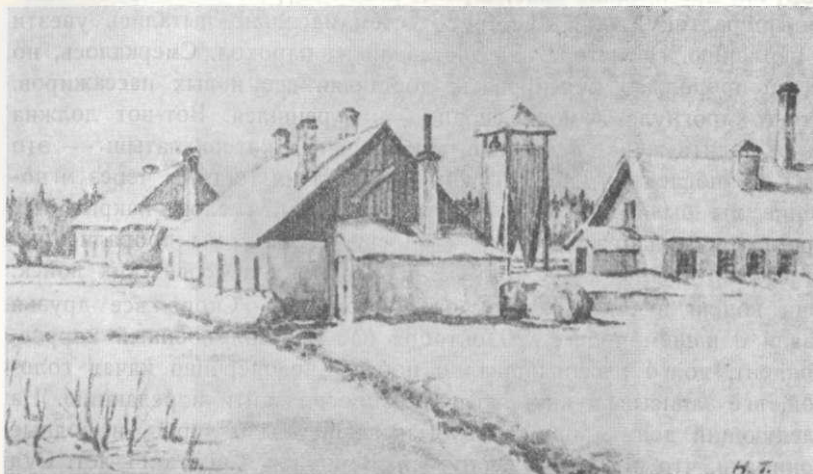
— Может быть. Мало что изменилось в нашей жизни со сталинских времен. А в 43 году я отпросился в Ригу — тяжело заболел отец жены. Служил я тогда в Покровском храме. Владыка поручил мне издание календаря. А в 44 году, когда немцы покидали Прибалтику, меня вместе с тестем насильно пытались увезти в Германию. На катере нас доставили на пароход. Смеркалось, но катер продолжал курсировать, доставляя все новых пассажиров. Что-то дрогнуло в моем сердце — я решился. Вот-вот должна была родить жена. Я слышал, как кричал с катера латыш — это был его последний рейс. Рывком я подхватил тестя, и через мгновение мы были на катере. Латыш понял без слов, накрыл нас брезентом и направил катер к берегу. К утру мы добрались до этой квартиры, и жена прятала нас до прихода советских войск. Они вошли в Ригу на Покров, 14 октября. Скоро все друзья знали о нашем побеге. 20 октября нас посетил военный корреспондент, долго расспрашивал о побеге, недоверчиво качал головой, все записывал, изумлялся и попросил зайти в редакцию. На следующий день я пошел, хотя на душе было темно, и родные понимали, что я могу не вернуться. Вернулся я через 11 лет. Суд был в Ленинграде, девять месяцев я провел в одиночке. Приговор суда — 10 лет за сотрудничество с немцами.

— В заключении вы встречались с о. Дмитрием Дудко. Как-то он говорил, что годы тюрем и лагерей — самые счастливые в его жизни.

— Мы встретились с о. Дмитрием в Инте и четыре года пробыли в этом лагере. Я могу повторить его слова — эти годы самые счастливые в моей жизни. После тюрьмы я попал в Печоры, на север. Попал в лагерь больной, с воспалением легких. Доходил. Начальник лагеря, добрый самарянин, заметил меня и велел врачу смотреть за мной. Меня выходили, в лагере я изучал фельдшерское дело, получил диплом. Затем этапы: Воркута, Инта. Часто встречался в лагерях с братьями, служили литургию. Иногда на ящике, иногда на чьей-либо спине, тогда мы не задумывались, позволительно ли? Жажда общения со Христом была сильнее всех преград. Иногда с воли пересылали Дары. Мне супруга ухитрилась переслать Евангелие. И опять, как в православной миссии — крестил, венчал, отпевал, проповедовал. В 1954 году вышел из лагеря. В Ригу не пустили, поселился близ Печор. Устроился завхо-

зом в туберкулезной клинике, жил в каморке близ больницы. А дома ждали меня жена и трое детей.

Незаметно во мне пробудился живой интерес к моему собеседнику. Светлые волны любви, исходящие от него, невидимо омывали меня, высветляли память — я забыл о своих мучениях, о недавней мертвости.

Лагерь в Инте
(Рисунок о. Н. Трубецкого)

Год назад я прочел книжку Рижского издательства — Православие в Латвии. В ней поносили владыку Иоанна Поммера. Приводили неоспоримые доказательства его сексуальной распущенности и убедительно доказывали, что его убили священники кафедрального собора — он, якобы, разоблачил их финансовые махинации. Непонятно почему приплели РСХД и «резидента РСХД» о. Сергия Четверикова. Он, будто бы, настаивал на убийстве владыки. Я помню, что владыка Иоанн был после революции Пензенским епископом, при советах успел побывать в заключении. Именно он, в 1922 году рукоположил о. Николая Пульхретудова. О. Николая сразу же после рукоположения посадили, жена умерла, когда он находился в лагере, причем о ее смерти он получил чудесное извещение — слышал погребальный колокольный звон, хотя вблизи лагеря не было не только церкви, но и деревни. Он сидел вместе с о. Сергием Мечевым. Вышли они из заключения в начале тридцатых годов. Знаменательный разговор у них состо-

ялся тогда. Куда идти? О. Сергий утверждал, что надо идти в глушь. О. Николай утверждал, что надо идти в большой город — там легче спрятаться. К общему решению прийти не смогли и разошлись — о. Сергий в Вологодскую область, устроился в избушке лесника, в лесной глухомани. Вскоре его повторно арестовали, срок отбывал на Украине. В 41 году во время наступления немцев, растерянные тюремщики запросили Москву — что делать с эсками? Ответ был лаконичен — всех, чей срок больше пяти лет, расстрелять, остальных выпустить. Так погиб о. Сергий Мечев.

3.

О. Николай поселился в большом городе, поддерживал отношения с катакомбной Церковью, был вокруг него небольшой приход, дома он служил литургию. В 1945 году не присоединился к Московской патриархии, но поддерживал связи с лучшими владыками. Жил он очень скрыто, умер в 1970 году.

— То, что вы читали о владыке Иоанне, — ложь. Он верно понял сущность коммунизма, поэтому оставался непримирим к коммунистам, а перед войной они были сильны в Латвии. Его смерть связана со смертью знаменитого певца Собинова. Я думаю, что убийство владыки — дело рук НКВД, поскольку за телом Собинова приехала делегация и вскоре после их отъезда на даче владыки вспыхнул пожар. Его удалось затушить. Тело убитого владыки лежало на столе второго этажа и было обложено стружками. Но подожжен был первый этаж. Келейницу владыки, инокиню Серафиму, долго допрашивали не только латыши, но и позже НКВДисты, причем допрашивали пристрастно, она сошла с ума, жива и сейчас. Проживает где-то в монастыре.

В этой же книге описывается судьба владыки Сергия (Воскресенского). Его, покидая Латвию, якобы расстреляли сами немцы. Правда, довольно странное убийство. Где-то на пустынной дороге его машину обстреляли эсэсовцы, т. к. «он им уже не нужен» — мотивировка чисто советская: логика отсутствует начисто.

О судьбе владыки Сергия могу рассказать более подробно. Как-то во время ночного дежурства в Инте я услышал стук в дверь. Открываю, входит один из эзков, работавших в шахте, присаживается и начинается странный разговор:

— Вы из Риги, о. Николай?

— Да. Откуда вы знаете?

— Я почти все о вас знаю.

— Откуда?

— Я почти два года охотился за вами. В начале войны я попал в плен и содержался в лагере близ Риги. Оттуда сбежал и партизанил в Латвии. Вы были одним из первых в списке людей, подлежащих уничтожению. Часто я сопровождал вас от храма до дома, но всегда вы были окружены людьми. В храме стрелять было бессмысленно — он всегда был полон. Так и не сумел я выполнить задания.

— А как вы попали сюда?

— Так же, как и вы. Всех, перебивавших в плену у немцев, вновь сажали. О том, что я партизанил, никто не вспомнил.

— Скажите, а наш владыка Сергей тоже значился в вашем списке?

— Конечно. С ним мы разделились. Помните, в 1944 году он поехал, кажется, в Каунас. Когда он возвращался, наша машина обогнала его автомобиль. Я был участником этой операции. Мы, переодетые в немецкую форму, выскочили на дорогу и расстреляли не только его, но также и шофера и его попутчиков. Свидетелей не было.

Он был не совсем прав. Потом выяснилось, что свидетель был — пастух. Случайно он находился поблизости и видел все происходившее. Его рассказ полностью совпадает с рассказом партизана.

— Откуда у вас на стене такая прекрасная фотография о. Сергия Булгакова?

— Отец мой был священником в селе Креславка, семья наша была большая, десять человек. Жили мы скудно, но отец был из крестьян, приучал и нас к работе. Был у нас небольшой земельный участок, благодаря ему мы кормились. Гимназию я закончил в Двинске. Тогда уже думал о призвании живописца. Поступал в Рижскую художественную академию, взяли меня только кандидатом. Но учиться не смог, надо было зарабатывать на жизнь. Поступил на учительские курсы, но вскоре бросил их. В 1926 году поступил в Рижскую семинарию, хотя священником быть не хотел — слишком хорошо знал его долю. Семинарию окончил с отличием и как стипендиата меня послали в Париж, в Свято-Сергиевскую академию. Там я стал духовным чадом о. Сергия. После окончания академии с хором академии объездил всю Европу, а в 1935 году вернулся в Ригу. Иногда Божия рука ведет нас и такими сложными путями, что со стороны кажется, что плутает человека, а нет — это его путь.

Я взглянул на часы — необходимо было спешить на поезд. Согретый, оживший я поднялся. О. Николай благословил и мы распрощались.

Вместо эпилога

Еще дважды после этой встречи проездом я был в Риге. Но в оба эти приезда я не сумел повидать о. Николая. Первый раз из-за чрезмерной усталости, второй — он лежал в больнице в тяжелом состоянии и пускали к нему только близких. И вот в конце марта я узнал о его смерти. Тяжело стало на душе. Ушел еще один огонек, озаривший тьму сердечную в тяжкое искусительное время, указавший мне путь, напомнивший мне — кто я и зачем живу в этой безотрадной, пьяной стране. Не разорвать этой черной пелены, окутавшей гигантскую страну, не выжить бы никогда среди чинуш и садистов, обломовых, маниловых и верховенских, когда бы не светились во тьме яркие, теплые огоньки русских праведников — ими еще живет русская земля. Ради их неустанных молитв и трудов шадит Господь многогрешную землю. Глядя на них, на немногих, всегда вспоминаю:

Плохая им досталась доля,
Немногие вернулись с поля...
Богатыри не вы!

Богатыри Духа, неугомонные, неустанные, бесстрашные делатели добра. Они предстают нежданно-негаданно, да и внешние облики их разнятся: полунищий инспектор-правдолюб, не берущий взятки, гонимый, проклинаемый священник, сердобольный начальник лагеря, старушка-секретарша, сохранившая отзывчивое сердце — благодаря им, приближаешься к Источнику Света, через них рвется из глубин сердца хвала: слава Тебе, Господи, за все! Благодаря им можно жить! Уходят они, богатыри, и сумеем ли мы не угасить духа, стать, подобно им, теплыми огоньками в советской ночи? Не сможем? Тогда обречена огромная страна и секира лежит у корней.

апрель-май 1978 г.

Михаил БЕРНШТАМ

СТОРОНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917-1922 гг.*

(Проблематика, методология, статистика)

Свыше 20 лет назад вышел в США коллективный сборник статей под редакцией Лео Яроша «Переписывание русской истории».¹ На конкретном материале авторы показали, как по важнейшим проблемам истории России и СССР несколько раз советская историография меняла методы и интерпретации. Но ни этот сборник, ни многие другие историографические труды не показали нечто более важное. Именно — за время существования советской историографии искусственно созданы огромные исторические лакуны, и важнейшие события и процессы просто выпали из истории. Нам кажется, что извращение понимания того, что произошло с человечеством, связано не с искажениями в исторической науке, а с провалами и пустотами в ней.

Парадокс современного состояния исторической науки заключается, на наш взгляд, в том, что на Западе историческая и политическая наука, не ограниченная, казалось бы, обязательными концепциями, оказывается вторичной по отношению к советской науке об истории СССР, не открывает проблем, замолчанных советскими авторами. Затем, подобно советской историографии, западная политическая наука рассматривает события в СССР исключительно через призму истории единственной политической группы — КПСС и ее руководства или, в лучшем случае, через призму истории трех русских социалистических партий — большевиков, социал-демократов и социалистов-революционеров, а также — сращенно с этим — через призму истории институций. В конечном счете, на этой основе так или иначе воспроизводится вся логика советского исторического мышления, проходят те же события и те же персонажи, что и в советских работах, — отличаются разве что оценки.

Приведём характерный пример, показав, что случилось с развитием концепции в исследовании, по праву являющемся одним

* Глава из готовящегося к печати исследования о демографической революции в России.

из самых авторитетных как в западной науке, так и в свободомыслящих кругах СССР. Речь идёт о фундаментальной работе профессора Р. Конквеста «Большой террор».² Анализируя огромный фактический и документальный материал, автор описывает, в конечном счёте, борьбу за власть одного советского вождя против его политических конкурентов и противников, вылившуюся в репрессии этого вождя против работников партийно-государственного аппарата.

Самая обыкновенная историческая диктатура, существовавшая, по мнению Р. Конквеста, в СССР, породила единовластие вождя. Последнее, в свою очередь, прикрыло борьбу за первенство массовым террором, каковой якобы находится в противоречии с идеологией марксизма.

Будучи связан этой идеологией, вождь вынужден спрятать личные амбиции, личные мотивы устранения соперников и потенциальных противников единоличной власти под серией политических провокаций (тщательно разработанное убийство конкурента из-за угла и т. д.), а затем под кампанией массового террора. Индивид Сталин хотел убрать индивида Зиновьева и для этого устроил перманентные чистки, убирая всех членов старого состава Центрального Комитета партии.³

О социализме как экономическом и социальном строе, при котором все эти события происходили, — Р. Конквест даже не упоминает. Нет ничего и об уничтожении миллионов крестьян именно в месяцы «великих чисток».

Сюжет о том, что уничтожение масс является прикрытием политического или даже уголовного убийства по личным мотивам, мы уже встречали в английской литературе до Р. Конквеста — в новелле Честертона. В самом СССР этот сюжет объяснялся самими персонажами Р. Конквеста пословицей: «Лес рубят — щепки летят». Показательно, что Р. Конквест в конечном счёте воспроизвёл именно эту концепцию тех лет.

Таким образом, из книги о большом терроре выпал — сам большой террор, выпал собственно предмет исследования. За 98 погибшими членами ЦК ВКП(б) и за примерно 800 000 погибшими партийцами потерялись около 16-17 миллионов «щепок», потерялось то, о чём говорил даже Н. С. Хрущёв в «секретной речи» на XX съезде КПСС: была спущена на места «развёрстка» (catching up в английских переводах) на арест до 10% населения.⁴

В итоге на страницах глубоко гуманистической и антиавторитарной книги не нашлось соответствующего места для соб-

ственно истории народа и утрачена сущность уникального противостояния социализма и человечества.

Наши замечания адресованы не персонально Р. Конквесту и не специально его полезному, обогащающему в чём-то науку исследованию. Мы говорим здесь в целом о стержневой тенденции единой мировой политической науки, и советской и западной. Она едина потому, что в ней главное содержание истории — история народа, история страны как нации, — составляет зияющую лагуну.

Хочется сказать, что за трагедией Владимира Ильича, или Льва Давидовича, или Николая Ивановича, — просмотрели трагедию Ивана Денисовича.

Вместо истории страны — история правящей партии и институций, и по мере развития политической науки несколько сдвигаются отлева лишь интерпретации, и только ими зачастую западные учёные отличаются от советских, а подход к предмету, проблематика и политическая аналитическая методология — одинаковые.

К тому же многие специалисты вообще выносят за скобки, что сама страна и сам народ, их традиции во всём и виноваты. Выходит, что Иван Денисович и старуха Матрёна убили Льва Давидовича и Николая Ивановича и построили себе коммунизм. Опыт изучения западной литературы показывает нам, что мы не упрощаем и не утрируем. Именно к таким нехитрым выводам сводятся многие вполне фундаментальные и по технике исполнения вполне научные труды.

Общий взгляд на историческую науку обнаруживает её странное состояние. Отдаленное во времени и расстоянии даосистское (таоистское) восстание в древнем Китае, так называемых «краснобровых», обширно известно специалистам. Более или менее пространно собрано и изучено все, относящееся к крестьянскому восстанию Древнего Египта 1750 года до Рождества Христова. Бесчисленна литература о восстании Спартака. Ближе к нам по времени — Жакерия, восстание Уота Тайлера, выступление чомпи, восстание Дольчино, крестьянская война в Германии, движение таборитов — все мы знаем о них до деталей.

То же и по истории старой России. Все даже мелкие бунты пространно описаны, в том числе в официальной советской историографии. Даже по рабочему движению России, которого практически не было, поскольку почти не было рабочего класса, — издано многотомное собрание документов.

И только народное сопротивление последних шести десятилетий лежит в забвении и никто почти не знает, было ли оно вообще.

Ни с одной исторической эпохой, с судьбой ни одного народа — не случилось, наверное, ничего подобного.

Действительная история народов России коммунистического периода известна и понятна бесчисленно меньше, чем древнейший Ур или античный Пелопонесс. Мы знаем все, кроме современности и стержня нынешней жизни.

Когда появилось несколько трудов о Тамбовском восстании 1918-1921 годов и о Кронштадтском восстании 1921 года, даже эти события были осмыслены как отдельные вспышки. История всеобщего сопротивления России коммунизму все равно осталась невидимой. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына показал, что еще не выполнена была первоначальная задача археологии новейшей истории. В «Узлах» своей эпопеи о революции на территории России А. И. Солженицын, между прочим, решает задачу археологии новейшей истории. Без этой археологии и археографии А. И. Солженицына историческая наука просто не имеет опор. Но сама она, эта наука, не сделала пока ни единого шага в главном направлении.

Проблема истории русского народа, народных движений СССР и уникальной сущности коммунистического режима, оказавшегося на территории бывшей Российской империи, даже правильно не поставлена.

Никак не написана, и даже не начата, систематическая история, единственная в мире история многодесятилетнего сопротивления, — история многочисленных, непрерывных и повсеместных крестьянских и рабочих восстаний в России с 1917 года и долго дальше.

По-настоящему не исследовано грандиозное восстание рабочих Ижевского и Воткинского заводов летом и осенью 1918 года, когда против коммунизма сражалась Народная армия из 70 000 человек при поддержке 700 000-800 000 населения.⁵ Нет существенной литературы про героический Ярославль, противостоявший летом 1918 года коммунистическому режиму и раздавленный артиллерией, авиацией, динамитными бомбами и химическими снарядами.⁶

Ничего про победившую (!) крестьянскую войну казачьего Дона в 1918-1919 годах — про единственное в XX веке победившее чисто крестьянское восстание.⁷ Ничего про тысячи крестьянских восстаний всей России первых лет коммунистического режи-

ма⁸, которые, по словам В. И. Ленина, «определяли всю картину России»⁹ и которые, по его же документам, чуть было не свергли начисто коммунистическую власть.¹⁰

В одном из выявленных нами архивных документов содержится примечательный призыв раннего коммунистического прокурора о необходимости по стране «пройти Карфагеном».¹¹

Но сам коммунизм чуть не обвалился в 1921 году, и не только из-за Кронштадтского восстания, но из-за повсеместного вспыха всей России¹², и лишь напряжение всех сил власти, затем ее экономическое отступление ее спасло. Социализм не рухнул, оккупационный режим утвердился, но первая попытка завоевания страны и постройки с налету коммунизма, а главное — попытка использовать эту страну в качестве тыла и базы для мировой революции, — все это начисто провалилось. Позволю себе высказать предположение, что коммунизм мог победить в мире только блицкригом, и провал этого блицкрига, и террористическое застревание и увязание коммунизма в России означало, на мой взгляд, всемирно-историческое поражение коммунизма как универсальной силы истории.

Сейчас опубликован в 120 номере «Вестника русского христианского движения» фрагмент, в котором мы показываем, что все попытки наступления коммунизма по всему фронту в мире постоянно напарывались на синхронные им взрывы народного сопротивления в России, вызванные внутренними причинами, вызванные именно стремлением режима укрепить базу коммунизма в завоеванной России. И так рушились планы всемирных завоеваний. Совершенно не нашла себе места в литературе невиданная по масштабам крестьянская война Дона, Кубани, Северного Кавказа, Сибири, Урала, Украины 1927-1933 годов, война, продолжавшаяся свыше шести лет, разрозненная, многонациональная, с сотнями тысяч жертв, — раздавленная только в сражениях с регулярной армией, много большей, чем гитлеровская армия на территории оккупированной Франции.¹³

Не исследовано многолетнее повстанческое сопротивление Украины и Прибалтики 1944-1950 годов¹⁴, сорвавшее известные планы завоевания Европы, тем более осуществимые, что европейские коммунисты и левые совершенно откровенно готовили удар в спину западным странам.¹⁵

Наконец-то появился материал, в III томе «Архипелага ГУЛаг» А. И. Солженицына, о волне лагерных восстаний в начале 1950 годов.¹⁶ Очень важно, что эти восстания не только разрушили лагерную систему, но и само наличие гигантского и сопротив-

ляющегося Архипелага сковало руки режиму во время его намечавшихся попыток снова ударить в тот период по Западу.

И последующая ситуация, и ряд восстаний и забастовок 1950-х-1970-х годов (1959 — Темиртау, 1962 — Новочеркасск, 1967 — Иркутск и Воркута, 1971 — Муром и т. д.), и разрастание индивидуального и группового сопротивления последних лет, так называемого диссидентства, — все это, на наш взгляд, было и остается единственной в мире наиболее реальной силой, сдерживающей агрессивные устремления режима победившего социализма, режима коммунизма, нашедшего в своей победе в ЭТОЙ стране свое всемирное поражение.

Максу Веберу, с одной стороны, Карлу Виттфогелю, с другой, принадлежит заслуга описания патримониального строя, или восточного деспотизма, или, как говорят марксисты, азиатского способа производства, или, как часто говорят сейчас в французской и американской школе, этатизма и тоталитаризма.

Самое главное, что это, по-разному названное, но по существу единое, явление описано как — универсальная сила в истории. Это восточная социальная система, которая уже в древности через эллинизм разложила классическую цивилизацию и втянула ее в тоталитарный мир, но христианство спасло и обновило мир, а потом произошло чудо. Подобно тому, как Христос взял за руку полуграмотных еврейских рыбаков, плотников и мытарей и сделал их учителями человечества, — точно так же христианство взяло за руку азиатских завоевателей — кочевников, безграмотных бандитов, и сделало их творцами классической западной цивилизации.

Но внутренний кризис этой цивилизации привел ее к отвлеченному от духа социальному строительству, экономическому росту, городской культуре, и к появлению человека нового типа — человека, свободного от ответственности, автономного от Бога. Свобода, понятая как автономия воли, привела европейскую цивилизацию через гуманизм и эгоцентризм, через индивидуализм и эгоизм, к прагматизму и волюнтаризму. Через волюнтаристский произвол — к втягиванию в новый тоталитаризм и к новому выпрыгиванию Запада в Восток. Автономный человек и единосущная ему цивилизация в поисках социального равновесия логически пришли к гармонии чисто социального толка, то есть к социализму. Городская цивилизация через капитализм пришла в XIX веке к государственному социализму прусского, германского и отчасти французского образца.

Есть, нам кажется, истина в известных положениях К. Витт-фогеля¹⁷ и И. Р. Шафаревича¹⁸, что современный коммунизм воспроизводит старый восточный деспотизм, а непосредственно вытекает из европейского утопизма. Впрочем, так понимали и сами классики коммунизма, особенно К. Маркс.¹⁹

Но коммунизм и социализм XX века, советский, германско-нацистский, фашистский, китайский и т. д. сводится не только к социальной структуре, которая, действительно, воспроизводит азиатский строй и утопические социумы.

Эта социальная структура, — довлеет при коммунизме, но не она составляет его существо. В концепциях общего тоталитаризма утеряно главное — уникальность коммунизма в истории как второй универсальной силы в истории. Эта вторая сила — только наслаивается в истории на азиатско-тоталитарный универсум, делает его подсобным себе. Сущность же коммунизма не азиатская, а европейская. Уникальность его в том, что он, вслед за европейской цивилизацией, продолжает создавать нового человека и новое человечество. Но выведя этот эксперимент на человеке в социальную сферу, коммунизм созидает новое человечество через общество нового типа, равное старому восточному социализму, то есть коммунизм производит универсальный исторический синтез всей истории Запада и Востока.

Европейский автономный человек строил свою цивилизацию по своему образу и подобию. Произвольное навязывание себя естественному мирозданию привело к перевороту этих отношений, и вот уже всемирная социально-политическо-идеологическая организация тотального типа строит новое человечество по своему образу и подобию.

То есть коммунизм — это не социальное, как восточный социализм, а **БИОЛОГИЧЕСКОЕ** явление, реформация человеческой природы, переделка человечества, создание новой расы, отличной от Гомо сапиенс.

Коммунизм как стратегическая биологическая установка непосредственно родился, пожалуй, из французского рационализма, из понятия естественного человека, из устремлений создавать человека и общество на основе разума. «Естественные люди Руссо, — по гениальному определению Г. Д. Мейна, — это такие же дети лавочного мира, как и герои Теккерея, и поставленные в естественные условия, эти люди предстают в своем естественном виде, — то есть это «грубые негодяи». В общем, это та самая пролетарская демократия, которую коммунизм под-

нял с социальных низов европейского общества и которая совершила Октябрьскую революцию в России, поход на Рим и национальную революцию в Германии.

И в целом, из таких людей, а вовсе не из послушных винтиков, намерился коммунизм создавать свою новую биологическую расу, новое человечество. По определению К. Маркса, коммунизм наконец освобождает человека от отчуждения, от автономии, переформирует его в идеальную тотальность и создает высший социальный гуманизм в виде натурализма.²¹

Иначе говоря, до коммунизма человек освободил себя от Бога, впал в автономное отчуждение, а теперь коммунизм освобождает человека от человеческой природы, производит бестиялизацию. Биологическая революция коммунизма и есть, как видится, то самое Царство Зверя, о котором пророчено в Откровении Иоанна Богослова.

Не удавшись во Франции, коммунизм развился на базе германского государственного социализма. В отличие от всех предыдущих и последующих политических движений, коммунизм как вторая универсальная сила истории нес с собой стратегическую целевую установку. Впервые в мире сформировалась глобальная целенаправленная политическая стратегия, рассчитанная на работу в течение целых столетий. Стратегия коммунизма всеильна потому, что всегда всякая политическая конъюнктура бессильна перед политической стратегией, а нравственных оснований, чтобы противопоставить их коммунизму, у западной государственности — нет.

Коммунистическая стратегия, как правильно отметил Ф. Энгельс, собиралась осуществить свой массовый социальный эксперимент на базе государственного социализма в странах Азии, на базе восточного готового тоталитаризма, на «платформе первобытного коммунизма на Яве и в Индии», который «должен получить дальнейшее развитие», должен быть «встряхнут стихией современного, настоящего коммунизма».²²

Соединение тысячелетних традиций восточного тоталитаризма с современным коммунистическим движением, при использовании достижений индустриальной цивилизации Запада, при руководящем имперском центре в Германии, — все это вместе должно было обеспечить коммунизму необратимую всемирную победу. Но *Drang nach Osten* коммунизма на тоталитарно-социалистический Восток мешала оказавшаяся на дороге православная Россия. Без ее уничтожения, по мысли К. Маркса и Ф.

Энгельса, невозможна была мировая коммунистическая революция, и поэтому следовало объявить войну всемирного социализма против России вплоть до ее уничтожения.²³

Так и было сделано совместными усилиями государственного социализма Германской империи и интернациональной левой.

Но, напорвшись на всенародное сопротивление России, коммунизм застрял в ней и не смог одним ударом, блицкригом выполнить свою всемирно-историческую миссию.

Коммунистическо-социалистическое движение в Европе и в мире распалось на национальные варианты, вызвало к жизни фашизм и нацизм. Советский коммунизм и эти варианты социализма то помогали друг другу, то воевали между собой за гегемонию, и очень медленно расползлись по Азии и Африке, тоже в виде национал-социализмов.

Не смогли создать себе в России необходимый тыл для глобального наступления по всему фронту, коммунизм истратил себя на террор против русского населения, против Ивана Денисовича и бабки Матрены и увяз в их крови.

Победа коммунизма на территории бывшей Российской империи обернулась, из-за сопротивления народа, началом агонии коммунизма. Коммунизм, как казалось бы при ином развороте событий, непобедимая и необратимая универсальная сила биологической перестройки человечества, — разбилась о сопротивление народов России и застрял на этой территории, в необходимости сосредоточить все свои силы только на том, чтобы давить этот народ. Россия оказалась в XX веке узлом всемирной истории, узлом всечеловеческой судьбы. А история народного сопротивления России — стала главным вектором этой судьбы, решающим фактором бытия человечества.

Но все эти проблемы столкновения коммунистического фронта и сопротивляющегося русского тыла совершенно не разобраны в литературе. Сквозь тысячи книг просеялось и провисло, что на этой земле установился враждебный всему народу оккупационный режим, никакое не национальное тоталитарное государство. Установился враждебный народу режим, поддержанный против него всем миром, поддержанный тем самым человечеством, которое этот режим планировал и планирует завоевать и подвергнуть социальной вивисекции, и давно бы это осуществил, если бы не то самое всенародное сопротивление России, никак не поддержанное народами и политиками других стран.

В общем, за исключением того, что сделано А. И. Солженицыным, и на Западе в нескольких локальных трудах²⁴, — не

написана история сопротивления всего народа огромной страны самой истребительной силе за всё существование людей. Не написана история сопротивления универсальной исторической силе, остановленной и скованной только этим сопротивлением. Не написана история сопротивления, спасшего биологическое бытие человечества как такового.

И без истории этого сопротивления нет правдивой истории XX века, да и всей всемирной, всеобщей, — главное, итоговое столкновение в ней — не понято и даже не замечено.

В 1976 году произошло значительное событие в американской историографии — вышла книга профессора Оливера Радки «Неизвестная гражданская война в Советской России: Исследование зелёного движения в Тамбовской губернии 1920-1921». В отличие от предыдущих книг О. Радки, имевших обширную прессу, эту новую его работу американская научная печать встретила почти полным молчанием. Наконец, к 1978 году появилась коротенькая, на одну страницу, рецензия другого крупного знатока вопроса, профессора Моше Левина.²⁵

Диалог М. Левина о О. Радки может послужить плодотворной основой для следующих ниже историографических заметок.

Многочисленные работы Оливера Х. Радки — одно из самых значительных достижений западной науки о русской и советской истории. Исследование О. Радки об Учредительном Собрании 1917-1918²⁶ по праву считается классическим. Автор, в частности, методом реконструкции отрывочных статистических данных, убедительно показал действительную расстановку политических, прежде всего партийных, сил в период выборов и разгона Учредительного Собрания. Если бы все события эпохи коммунистической революции сводились бы, как это бывает на Западе, к простому противоборству политических партий, если бы, иначе говоря, расстановка партий по их популярности и политическому влиянию отражала бы действительные силу и положение сторон в войне 1917-1918 годов, Радки дал бы нам полный геологический срез тогдашней России. Но та история была неадекватна несостоявшемуся парламенту, и О. Радки это признавал и сам.

В книге «Серп под молотом»²⁷ О. Радки собрал очень много ценных материалов о политике большевиков в отношении крестьянства в начале революции. Реконструкции глубинного содержания экономической и социальной аграрной политики коммунизма от самых практических начал, от первых дней и часов, автору, на наш взгляд, создать не удалось. Он сосредоточил своё

внимание на политическом срезе, прежде всего на отношении партии большевиков, в которой якобы персонифицировался рабочий «молот», к партии социалистов-революционеров, в которой якобы персонифицировался крестьянский «серп». И этот партийный срез отношений О. Радки исследовал и полно, и, мы бы сказали, ювелирно. Содержательный анализ партийных отношений, особенно в плане партийных программ, О. Радки дал ещё в одной книге — специальном исследовании о партии социалистов-революционеров «Аграрные противники большевизма». ²⁸

Разумеется, многие американские специалисты давно уже не отождествляют большевиков с «молотом», но потребность в целом отождествить и «молот», и «серп» с той или иной политической партией или, по крайней мере, с группой партий всё ещё господствует в американской и вообще западной науке, именуемой «Political Science». Исследования другого крупного учёного по данной эпохе, профессора Леопольда Хеймсона ²⁹, убедительно разбивают легенду о коммунистах как о рабочей партии. Но в итоге этих исследований обнаруживается, что русский рабочий класс, во всяком случае столичный, петроградский, весьма радикализировался во время Первой мировой войны, поддерживал достаточно левые политические силы, хотя и не самые крайние. В конечном счёте, по работам Л. Хеймсона, подлинным выразителем «молота» оказывается партия социал-демократов, меньшевики. И история партии меньшевиков и её внутренних группировок раскрыта Л. Хеймсоном и привлечёнными им сотрудниками с завидной полнотой. Особенно ценно, что Л. Хеймсон привлёк к многолетней работе большинство оказавшихся на Западе деятелей меньшевистской партии, которые написали работы, объединяющие и, по возможности, объективные исследования, и непосредственные свидетельства прямых участников событий. ³⁰ В том числе были опубликованы ценные рукописи из архивов уже покойных социал-демократов. ³¹

Нам представляется наиболее важной стороной этой группы публикаций освещение такого явления, как движение Собрания Уполномоченных фабрик и заводов России. ³² Вместе с тем, история этого движения представлена выжившими меньшевиками в противоречии с первоисточниками — документами движения. Создание непартийного по существу движения социал-демократы приписали своей партии. Отрицательное отношение руководства партии во главе с крайне левыми Ю. О. Мартовым, Ф. И. Даном и Р. А. Абрамовичем к движению в этих работах растворено. Меньшевикам приписывается даже руководство движением, против ко-

торого они на деле были. Излишнее доверие к собранным им и возбуждённым к жизни ценнейшим источникам ввело в заблуждение и самого Л. Хеймсона. Но главной причиной заблуждения стала, на наш взгляд, присущая политической науке вообще установка рассматривать историю через игру политических сил, групп и партий. Отождествление «молота» с какой-либо партией и привело к тому, что меньшевики предстают как выразители основных тенденций русского рабочего класса, а сам этот рабочий класс, его действительная позиция в годы войны и революции совершенно выпадают из поля зрения науки.

Иначе говоря, в основе научного заблуждения и, что важнее, в основе образования исторической лакуны на месте предмета исследования — лежит неверная методология.

Тем не менее, публикацией социал-демократических источников, произведённой Л. Хеймсоном, значительно обогащён базовый арсенал науки. Получены источники хотя и не по реальной истории событий, но зато по истории полнейшей политической дезориентации одной из ведущих партий в отношении событий. К тому же, продолжавшееся и в эмиграции непонимание меньшевиками подлинной позиции рабочего класса является важным дополнительным доказательством отсутствия действительной корреляции и вообще действительных прямых и обратных связей русского рабочего класса и интернационального социалистического движения. Прямым итогом публикаций Л. Хеймсона явилось то, что разбита легенда о коммунистическом настрое «молота», а косвенно — разрушается легенда о сколько-нибудь социалистическом его характере.

Сейчас в распоряжении науки имеются два важнейших документа, из которых явствует, что русский рабочий класс не был и не мог быть опорой никаких социалистических преобразований. Более того, оказывал последним самое решительное сопротивление с первых дней коммунистической революции, которая, кстати, в её социальном аспекте, и программно, и на практике (добровольчество в Красной Армии) поддерживалась социал-демократической партией меньшевиков.

Первый документ — опубликованные А. И. Солженицыным протоколы Собраний Уполномоченных — показывает целенаправленное мирное сопротивление рабочих Петрограда не только большевистской монопартийной диктатуре, но и основным социалистическим мероприятиям, прежде всего национализации хозяйства и обобществлению распределения. ³³

Второй документ — книга Генерального Штаба полковника Авенира Геннадиевича Ефимова, вобравшая многочисленные материалы о вооружённом сопротивлении кадрового русского рабочего класса Советской власти в 1918-1922 году, сопротивлении, начавшемся вооружённо тогда, когда мирное сопротивление первых месяцев было коммунистами, при молчаливом сочувствии социалистов, раздавлено. Основной материал книги посвящён восстанию рабочих Ижевского и Воткинского заводов.³⁴

Кроме того, имеются опубликованные гораздо раньше документы, из которых явствует, что борьба ижевцев и воткинцев была логическим продолжением и движения Собрания Уполномоченных, и раннего повстанчества рабочих нескольких городов Поволжья, и что ряд организаторов и участников двух последних движений примкнули к Ижевско-Воткинскому восстанию.³⁵

Даже из этих документов (а есть и множество других материалов) видно, что речь идёт не об отдельных и локальных вспышках, а о последовательном, длительном и сознательном все-российском сопротивлении рабочего класса, по большей части с оружием в руках, интернациональному социализму во всех его формах и во всей его исторической целокупности.

И в дальнейших исследованиях соотношения сторон в социалистической революции легенду о рабочем классе как опоре социализма рано или поздно учёным придётся оставить. Зато проблема рабочего сопротивления социализму, встав перед исследователями, заставит отказаться от большинства схем исторического процесса. Совокупность так поставленных вопросов неизбежно выдвигает новые по частным аспектам. Мы хотели бы назвать ряд проблем, которые подлежат пересмотру и новому анализу.

Если в целом русский рабочий класс занимал антисоциалистическую позицию, то из каких социальных слоёв рекрутировались отряды Красной гвардии, численность и значение которых не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Кто были те рабочие, действительно рабочие, которые в ряде промышленных центров (далеко не во всех) поддержали в течение нескольких первых недель Советы, рассматривая их, впрочем, как систему местного управления. Здесь надо не упустить, что Советы были ещё трёхпартийными и что зачастую на местах они выступали, как в Ижевске весной 1918, например, в качестве органов порядка, подавляющих экстремизм и экспроприационную политику Красной Гвардии.³⁶ Каково в целом статистическое соотношение активных и пассивных слоёв рабочего класса, какая часть

активных рабочих и почему и в какие периоды поддерживала и Советы, и отдельно коммунистов, какая часть активных рабочих сопротивлялась и каково и по каким причинам состояние пассивных, бездейственных, аполитичных и просто выжидавших слоёв рабочих.

Каково статистическое социальное соотношение и политическая позиция кадрового рабочего класса и люмпен-пролетариата.

Какова роль и позиция рабочих, прошедших армию.

Каково действительное участие рабочих в политике экономической продовольственной экспроприации крестьян, в том, что В. И. Ленин назвал «движением с пулемётами за хлебом».³⁷ Имеются данные, что рабочие Поволжья не только не приняли участия в этой политике, но и оказали ей сопротивление.³⁸ Вместе с тем многие продовольственные отряды состояли из промышленных рабочих. Надо разобраться, из каких слоёв они рекрутировались и не была ли одной из причин, как полагали участники Собрания Уполномоченных, провокационная коммунистическая политика, манипулирование искусственным голодом, с тем, чтобы руками рабочих подавить крестьян³⁹, одновременно руками сельских батраков, организованных в отряды так называемой Крестьянской Красной Гвардии, подавить восстания рабочих в небольших городках Средней России.⁴⁰ Встаёт и вопрос о соотношении добровольчества и насильственной мобилизации в рабочей части Красной армии.

Надо, наконец, разобрать и состояние рабочих-социалистов и рабочих-коммунистов. Ведь многие рабочие-коммунисты понимали коммунизм далеко от его политики, пытались пройти через него в осуществлении профессиональной или национальной политики (на Украине, в казачьих областях, в Азии), а, разобравшись, принимали самое активное участие в антикоммунистических восстаниях, как в Ярославле.⁴¹

Нам представляется, что состояние источников и, в частности, статистики уже позволяет осветить эти и рядом лежащие проблемы. Однако, как мы пытались показать, этого невозможно достигнуть принятыми методами западной политической науки, пригодной для изучения политической борьбы в демократических странах, но не работающей на материале борьбы коммунизма против всего народа той или иной захваченной коммунизмом страны и на материале всенародного сопротивления до сих пор не понятому универсально феномену — интернациональному социализму.

Каждая наука конституируется постольку, поскольку имеет свою собственную аксиоматику. К аксиомам политической науки относятся прогресс, идущий от Ренессанса и Реформации через новое время в XX век, причём явственно идущий, в политическом спектре, справа налево. Другая аксиома — разделение всякого общества на классы и страты, политически концентрированные в партиях и лидерах, и соответственно отсутствие в исторической действительности таких целокупных комплексов, как народ и нация (вместо нации политическая наука рассматривает националистические движения, понятые как движения политические; как политические, рассматриваются и движения религиозные).

Наиболее распространённый метод исследования в политической науке — история через политические биографии (лица, группы, страта) и институции.

Политическая наука оперирует методами предельной дифференциации истории и естественно игнорирует, как лежащие за пределами науки, интегральные комплексы и универсальные исторические силы, в том числе и сам интернациональный социализм и примыкающий к нему интеллигентский либерализм.

Поэтому, в частности, до сих пор не показано, что самая политически активная сила русского общества революционных лет — интеллигенция, в массе своей, несмотря на внешнее, партийное, разногласие с коммунистами, внутри глубинных процессов истории, объективно, явилась одним из факторов победы коммунизма над народным сопротивлением России. Мы имеем в виду как активное действие интеллигенции, либеральных и левых партий и всей общественности, которые, по выражению В. М. Чернова, «взрывали белые фронты, и гордимся этим»⁴², так и политическое бездействие интеллигенции, которая одна только и могла создать столь необходимое белым правительствам гражданское управление. Без гражданского управления белое движение не смогло стать социальным и экономическим объединителем нации против большевиков, хотя белое движение и поддерживали крестьяне Поволжья,⁴³ казаки Дона, Сибири и Урала,⁴⁴ рабочие Ижевска и Воткинска и других мест.⁴⁵ Но отрицательное отношение интеллигенции к белому движению, как и ко всем консервативным силам России, привело к тому, что так или иначе у большевиков гражданское управление было создано, а в большинстве занятых белыми областей — нет. Отсутствие необходимых специалистов, гражданских администраторов достаточного уровня, компетентных политических советников, экономистов, продовольственников и т. д. было естественной причиной того,

что необходимые реформы, прежде всего аграрная, не были белыми проведены, экстремистские элементы внутри движения не были устранены. В итоге образовался во многих случаях разрыв между руководством белых армий, сосредоточившемся, понятно, на военных вопросах и недостаточно компетентном в экономике, социальной и гражданской политике, и населением освобождённых от коммунизма областей. Такой же разрыв произошёл между белыми армиями и повстанческим рабочим и крестьянским антикоммунистическим сопротивлением, а в ряде мест, как в Черноморье и на Украине, даже военное противоборство белых и зелёных армий.⁴⁶

Образовалось три силы вместо двух. Вместо коммунизма и противостоявшей ему единой России, образовались три разнонаправленные силы — белое движение, народное сопротивление большевикам и интернациональный социализм.

И каждое по отдельности, еще и борясь друг с другом, зелёное и белое движения оказались слабее интернационал-социализма. А то, что белое движение и народное повстанчество часто противоборствовали, особенно ослабило их и усилило коммунизм и было последним использовано.

Нам представляется, что это — одна из решающих причин поражения России в войне 1917-1922 против интернационального коммунизма.

Вопрос о трёх силах, вместо естественных двух, является ключевым для понимания событий 1917-1922 в России и соответственно, ввиду их определяющего влияния на судьбы всечеловеческой цивилизации, имеет всемирно-историческое значение.

Постановку этого вопроса в книге О. Радки о зелёном движении и в полемических заметках М. Левина мы поэтому считаем важным шагом в американской историографии.

Развивая свои исследования социалистическо-революционного движения, О. Радки, очевидно углубляясь в предмет, вышел за пределы узко-партийного среза истории. Наконец, вместо политической партии, претендовавшей быть крестьянской, анализу подверглось действительное крестьянство в его действительном историческом функционировании. Монография О. Радки о крестьянском восстании в Тамбовской губернии содержит 425 страниц текста и дополнительный аппарат. Многочисленные источники использованы почти исчерпывающе, и нам остаётся указать только один важный первоисточник, неизвестный О. Радки (из опубликованных до написания его работы), — протоколы 1 пар-

тийной конференции военных коммунистов в начале июля 1921 в Борисоглебске, в центре восставших районов.⁴⁷

Расшифрованная стенограмма конференции показывает, что крестьянское восстание включало 18 хорошо вооружённых и организованных полков, с отчётливо выраженным политическим руководством беспартийного Крестьянского Союза, охватило не только три уезда, а большую часть Тамбовской губернии и «перекидывалось на смежные уезды Саратовской и Воронежской губерний»⁴⁸. Нам удалось установить из дополнительных источников, оставшихся, в силу географической и методологической узости подхода, неизвестными О. Радки, что в 1921 году на соединение с армией А. С. Антонова двигались с Дона через Воронежскую губернию повстанческий отряд К. Т. Вакулина и из самой Воронежской губернии отряд Колесникова.⁴⁹ По протоколам конференции обнаруживается, что Тамбовский Крестьянский Союз располагал не двумя армиями, как принято было считать на основании статьи М. Н. Тухачевского⁵⁰, а тремя.⁵¹

Ряд формирований Красной армии или отдельные группы красноармейцев, а также милиция, переходили на сторону повстанцев или периодически снабжали их оружием.⁵² Многие сотрудники советского аппарата были помощниками восставших, что засвидетельствовано в протоколе конференции в показаниях политрука одного из концлагерей, организованных для арестованных повстанцев.⁵³

Другие советские материалы, не использованные О. Радки, подтверждают, что не только в тамбовских сражениях, но и во всех кампаниях войны 1918-1922 годов крестьянский состав Красной армии, попавший туда исключительно по насильственной мобилизации, переходил на сторону тех или иных повстанцев.⁵³

Таким образом, существенно меняется перспектива нашего взгляда на зелёное и повстанческое движение, прежде всего значительно расширяется его объём во времени, в пространстве географическом, в пространстве социальном и, мы бы сказали, в пространстве историческом. Мы имеем в виду его историческое место и его исторический смысл.

Это третья сила, но не только. Во всяком случае, это такая третья сила, которая перекрывает другие две, захватывает многие их элементы, им в сущности не принадлежащие. В качестве третьей силы повстанчество выступает лишь в плане событийном (сражения и против красных, и против белых или, что чаще, самостоятельные действия не вместе с белыми против красных). В плане историческом, перекрывающем план политический, повстан-

чество имеет всенародный характер и не является третьей силой. Во всяком случае, его никак нельзя свести к простому осуществлению лево-центристских политических установок партий революционной демократии, каковые и называли себя «третьей силой». Последний аспект со всей силой выражен в негативной рецензии М. Левина на монографию О. Радки.

Собрав, введя в научный оборот и проанализировав огромный фактический материал, в том числе архивный, О. Радки, тем не менее, существенно локализовал, предельно сузил проблему Тамбовского восстания и вообще народного сопротивления социализму.

Разумеется, без определённого сужения задачи исследователь не мог произвести того основательного анализа огромного материала, какой встречаем в книге О. Радки. Но, к сожалению, локализация и сужение сместили само понимание проблемы. Во-первых, повстанчество в Тамбовской губернии приходилось не только на 1920-1921 годы и соответственно было вызвано не только особым ужесточением коммунистической антикрестьянской политики, как получается в книге О. Радки. Даже использованные им самим источники, как изданный в Тамбове в 1957 году сборник коммунистических документов,⁵⁵ недвусмысленно показывают непрерывный поток народного сопротивления, перманентное повстанчество с самых первых дней 1918 года и следующие 5 лет насквозь. Соответственно, — и это принципиально важно, — сопротивление было направлено не против отдельных, особенных, временных мероприятий коммунистического режима, а против всех социалистических преобразований как таковых.

Крестьянское и рабочее, всенародное сопротивление в Тамбовской губернии было последовательно антисоциалистическим, независимо от тех или иных узких тактических лозунгов. Да, собственно, и сам лозунг «Советы без коммунистов» ошибочно понимать как социалистический, как лозунг «третьей силы», равно антикрасной и антибелой, антикоммунистической и антиконсервативной. Советы без коммунистов — это принципиально вовсе не те Советы вместе с коммунистами, в которые верили социал-демократы и отчасти социалисты-революционеры и другие демократические партии. «Советы без коммунистов» — это всё, что угодно, некие новые или старые муниципальные институты, восстановление земства, любые формы порядка на местах, но меньше всего Советская власть, меньше всего та или иная форма так

называемой «трудовой демократии», означающая политическое вмешательство политических сил в экономическую жизнь трудового народа. «Советы без коммунистов» — это тактика, направленная, если взглянуть исторически, не только против Октябрьской революции, но и против Февральской. Этот акцент важен для понимания не только Тамбовского восстания, но и Донского, Сибирского, Кронштадтского. Он показывает объективную направленность повстанчества против всей левой демократии, против всего 1917 года, начиная с февраля, направленность глубоко консервативную.

Характерно, что всё это отлично понимали социал-демократы меньшевики, и именно по этой причине были против повстанчества. Они-то как раз не верили в «третью силу», и в ряде документов обосновывали свою принципиальную поддержку коммунистов против трудового народа именно потому, что крестьянство и повстанчество «химически выделяет из себя» отнюдь не социалистов-революционеров (как видится О. Радки), а — консерваторов.⁵⁶

Таким образом, во-вторых, О. Радки сузил и исказил политический смысл повстанчества. Некритически используя книгу А. Казакова⁵⁷ и другие источники, О. Радки переоценил значение факта участия представителей партии эсеров, социалистов-революционеров в восстании. Факт участия эсеров, действовавших в войне 1917-1922 годов как третья сила, в восстании нельзя интерпретировать как вообще эсеровский, социалистическо-революционный характер восстания. Кроме того, главное в деятельности эсеров в годы войны 1917-1922 годов — их борьба с белыми, объективная помощь коммунистам, в том числе стремление эсеров переориентировать стихийное народное повстанчество налево, против белых. К тому же стоявший во главе Тамбовского, Сибирского и других восстаний Крестьянский Союз — в Тамбове во главе с Г. А. Плужниковым — был организацией глубоко беспартийной, очень далёк от всякого социализма и левого революционаризма.

Социалисты-революционеры тем самым, независимо от их народнических или квазинароднических субъективных верований, играли в повстанчестве роль не главенствующую, а разлагающую, дезориентирующую, разрушающую общенародный антикоммунистический союз. Объективно они сыграли роль исторических провокаторов, ослабивших повстанчество и не давших ему соединиться с белым движением в единую национальную силу. Сказанное относится и к роли социал-демократов и левых кон-

ституционных демократов, принимавших участие в повстанчестве на Волге, на Дону, в Сибири и в других местах в 1918-1920 годах.

Также и Тамбовское повстанчество 1918-1919 годов, тяготившее к единству с другими национальными антикоммунистическими силами, не смогло с ними соединиться и в 1920 году осталось в социальном одиночестве, исторический момент единого удара был упущен.

Взлёт повстанчества в 1920 году, захвативший огромные территории на юге России и в Сибири и располагавший несколькими армиями, пришёлся на то время, когда организованное белое движение было уже разгромлено.

В-третьих, деятельность Крестьянского Союза в Тамбовской губернии и восстание 1920-1921 годов не были отъединённым локальным событием, как выходит у О. Радки. Одновременно, под руководством того же всероссийского Крестьянского Союза, происходило большое восстание в Западной Сибири, поднявшее крестьянство на огромной территории⁵⁸. Одновременно же развивалось повстанчество на Средней и Нижней Волге.⁵⁹

В. И. Ленин признавал единство этой силы и указывал, что эта сила крестьянского и общенародного повстанчества или, в его терминах, «мелкобуржуазной стихии» оказалась для коммунистического режима опаснее всех белых армий вместе взятых.⁶⁰ Известно, что эта сила сломала строй военного коммунизма, вырвала НЭП — стратегическое отступление социализма. В другом месте автор этих строк пытался показать, что эта сила также оставила мировую революцию.⁶¹

Важнейшие доказательства высказанных выше положений о глубоко консервативном и религиозном характере российского повстанчества вообще, тамбовского повстанчества в частности и в особенности, мы находим в комплексе первоисточников, прежде никогда не привлекавшихся для изучения антикоммунистического народного сопротивления, — в советской так называемой научно-атеистической литературе. В конце 1950-х — начале 1960-х годов были проведены религиоведческо-социологические экспедиции Института истории Академии Наук СССР для изучения ряда вероисповедных групп русского центрального чернозёмья.⁶² Эти многочисленные группы были замечены исследователями и органами госбезопасности ещё в первые послереволюционные годы.⁶³ И до конца 1950-х годов, а в большинстве работ и по сей час, считалось, что это различные, сепаратные, не связанные между собой общины, не принявшие Советскую власть и декларацию Мит-

рополита Сергия о лояльности Церкви; что эти общины разделяются на две не имеющих ничего общего больших группировки: с одной стороны, разнообразные последователи Патриарха Тихона и традиционной канонической Русской Православной Церкви, и с другой стороны, многочисленные мелкие секты: староцерковники, бுவевцы, фёдоровцы, еноховцы, массаловцы, стефановцы, чердашники, самаряне, иоанниты, николаиты, ершовцы, имяславцы, молчальники, евлампиевцы, ерофеевцы, скрытники, васильевцы, Ревнителю Церкви, Козловское подполье, Истинно-Православная Церковь (ИПЦ), Истинно-Православное Христианство (ИПХ) и др.⁶⁴

В ходе обследования экспедициями Института Истории АН СССР и особенно в диссертации бывшего члена ИПХ, затем атеиста А. И. Демьянова проявился факт огромного значения: все названные общины и «секты» были (и в какой-то степени остаются) единой религиозной организацией несектантского типа. Это именно часть традиционной канонической Русской Православной Церкви, возглавлявшейся Патриархом Тихоном, считающая его своим основным учителем и предстоятелем, а своими иерархами — митрополита Петра Крутицкого и митрополита Иосифа.⁶⁵

Прояснилось, что течения церковной жизни, известные как староцерковники, тихоновцы, иосифляне, Катакомбная Церковь, Истинно-Православная Церковь и т. д. — это одно и то же единое православное движение, возникшее в 1918 году после январского воззвания Патриарха Тихона, а все перечисленные группы — его подразделения, существовавшие либо в крупных религиозных и административных центрах (Сергиев Посад, Ленинград), либо в провинции и по сёлам (Тамбов, Козлов, Моршанск, деревни уездов Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Липецкой областей).⁶⁶ Единственное существенное отличие истинно-православного христианства от Православной Церкви, возглавляемой Московской Патриархией, — полное и окончательное неприятие советской власти, системы социализма, всех советских институтов, всей подсоветской жизни (включая работу, покупку продуктов, прописку, регистрацию новорожденных, переписи населения — всего советского быта во всей совокупности его проявлений) и — отсюда — отказ от канонического общения с после-сергиевской Патриархией, полное непризнание её иерархии и благодати.⁶⁷

Никаких собственно догматических и иных вероисповедных отличий истинно-православной Церкви от нынешней Русской Пра-

вославной Церкви не обнаружено.⁶⁸ Отсутствие рукоположенных священников в истинно-православном христианстве — это сравнительно поздняя (с 1940-х годов) черта, связанная с историческими обстоятельствами, а не с каноникой. Просто старые священники погибли, а новых некому стало рукоположить. Но с 1918 и сквозь все 1920-е и отчасти 1930-е годы общины истинно-православной Катакомбной Церкви возглавлялись десятками священников, рукоположенных лично Патриархом Тихоном⁶⁹, а организационное основание этому церковному движению положил и возглавил его митрополит Иосиф (Петровых), а на Тамбовщине и в Воронежской губернии его последователь епископ Алексей (Буй).⁷⁰ В 1920-е—1930-е годы, когда год за годом насильственно прерываются даже тайные связи сельских православных общин тихоновской ориентации в Центральном Чернозёмьи с иерархией и священством той же ориентации в религиозных и административных центрах, а сельское истинно-православное священство уничтожается до корня, а потом с 1945 года, когда после смерти патриарха Сергия часть членов иосифлянских групп и Катакомбной Церкви столиц признаёт Московскую Патриархию и Патриарха Алексея, — сельские истинно-православные группы в Тамбовщине, Воронежской, Липецкой и Рязанской областях остаются без священников и выделяются в самостоятельные и сепаратные внецерковные православные организации и даже в некоторых случаях начинают приобретать отдельные чисто внешние черты сект.⁷¹ В частности, из-за физического исчезновения священства оно усилиями верующих заменяется различными проповедниками из среды мирян и местных почитаемых лиц, каковым в сознании верующих придаются черты новых святых; одновременно рядом групп неканонически освящаются о. Иоанн Кронштадтский (вряд ли кто из затерянных в сельской глубинке истинно-православных христиан знал, что он канонизирован Русской Зарубежной Церковью), император Николай II, наследник Алексей, старец Фёдор Рыбалкин, о. Михаил Ершов (провёл 43 года в лагере и умер в лагерьной больнице), патриарх Тихон, епископ Алексей Буй и другие.⁷²

В отдельных районах истинно-православное христианство тесно срачивается со старообрядчеством и даёт интересные образцы нового православного синтеза.⁷³ Во всяком случае, можно уверенно сказать, что Катакомбная Церковь, особенно в лице общин истинно-православного христианства, наряду со старообрядчеством, — была самой полной и самой последовательной — до «полной гибели всерьёз» — формой многолетнего массового

противостояния социализму за все 60 лет власти последнего на территории бывшей Российской империи.

Для настоящего исследования особенно важно, что истинно-православное христианство, или Катакомбная Церковь, зародились в ходе событий церковного сопротивления советской власти с января 1918 года и особенно в ходе повстанчества на территории Тамбовской и Воронежской губерний в 1918-1922 годах, где во время восстаний Союза Трудового Крестьянства, отрядов А. С. Антонова и И. Колесникова и появились главные, существующие по сей день, скопления истинно-православных христиан.⁷⁴ Можно сказать, что массовый костяк истинно-православной Катакомбной Церкви сложился именно в ходе восстания Союза Трудового Крестьянства на территории южного российского чернозёма.

Первые группы истинно-православных христиан — в Кирсановском, Моршанском и Борисоглебском уездах⁷⁵, причём истинно-православная Церковь развернулась и окрепла непосредственно в процессе восстания.⁷⁶

Очевидец восстания К. Криптон приводит много доказательств религиозной основы крестьянского повстанчества Тамбовской губернии.⁷⁷

Имеются убедительные доказательства, что и в целом по России крестьянское повстанчество возникло именно на религиозной основе, на православном движении тихоновской ориентации. Последствием воззвания Патриарха Тихона в январе 1918 года явились 1414 восстаний и выступлений верующих, в основном крестьян, по всей территории России.⁷⁸ Верный последователь патриарха Тихона воронежский епископ Алексей (Буй) был духовным вдохновителем сопротивления южного крестьянства в течение первых лет советской власти.⁷⁹

Слитые крестьянское повстанчество и религиозное сопротивление членов Катакомбной истинно-православной Церкви прошли сквозь всю войну 1918-1922 годов и впоследствии возобновились с большой силой в годы коллективизации конца 1920-х — начала 1930-х.⁸⁰ Отдельные вспышки этого повстанчества и сопротивления зафиксированы также во второй половине 1940-х и вплоть до середины 1950-х годов.⁸¹

Совершенно консервативный, глубоко религиозный, не имеющий ничего общего с партиями конституционных демократов и социалистов-революционеров, характер крестьянского массового сопротивления социализму в Тамбовской губернии и по всей

России не подлежит для нас, на основании всей совокупности выявленных нами источников, никакому сомнению.

Таким образом, народное сопротивление, единое по всей России и сквозь всю войну 1917-1922 годов, никак не является третьей силой в социалистическом и революционном смысле, является, наоборот, силой антисоциалистической и антиреволюционной. И в этом глубокое историческое единородство повстанчества и всего народного сопротивления с белым движением.

Поэтому же нельзя объединять и тем более отождествлять народное повстанчество, народное сопротивление с так называемым «зелёным движением». Зелёные армии — явление исторически гораздо более узкое. Зелёные составляли крайне левый фланг повстанчества. Зелёными Черноморья руководили социалисты-революционеры, зелёными Украины — анархисты. В Средней России, на юге России и в Сибири зелёного движения не было, если не назвать зелёными, как это часто ошибочно делается, просто политически разложившиеся отряды, из матросов, из дезертиров белой и красной армии или отряды грабителей, бандитов. Таковых было немало во все смутные времена во всех странах, и при историческом анализе они выпадают в осадок. И было бы нелепо считать таковые третьей силой. Наименование третьей силы подходит только к демократическим и социалистическим партиям, то есть к массе российской интеллигенции, с одной стороны, и к зелёным армиям Черноморья и Украины, с другой.

Но это как раз третья сила очень условная. Зелёные Черноморья в решающие месяцы 1919-1920 годов ударили в тыл Добровольческой армии А. И. Деникина и разрушили его.⁸² Армии Н. Махно разбили значительную часть белых на Украине, сорвали рывок Деникина на Москву, в разные периоды войны просто воевали в составе Красной Армии. О роли интеллигенции как третьей силы, объективно помогшей большевикам, уже сказано выше.

Таким образом, зелёное движение и третья сила в историческом смысле оказались в значительной степени силой прокоммунистической, как и все левые движения, массовые и политические. Они сражались против белых и против национальной России, лишь отчасти и прерывно против красных.

Тамбовское восстание ничего общего не имеет с зелёным движением, кроме внешнего сходства всякого повстанчества. О. Радки сделал принципиальную ошибку, рассматривая войну Тамбовского крестьянства против социализма как левое, социалистическое, зелёное движение.

На эту принципиальную ошибку указал в полемике с О. Радки М. Левин и на этом основании заявил, что «результаты работы О. Радки разочаровывающие».⁸³

Однако следует сказать, что нас не меньше разочаровывает и рецензия М. Левина. Это один из самых знающих авторов по истории СССР на Западе. Он короткое время жил в СССР, работал в совхозе. Он написал лучшую пока что книгу о коллективизации «Русские крестьяне и советская власть».⁸⁴ Оказывается, тем не менее, что такой учёный не понимает и даже минимально не знает простой фактической истории крестьянства в первые годы Советской власти. Сначала, опираясь на О. Радки, он сводит восстание Тамбовского крестьянства к зелёному движению, а затем продолжает, что не было зелёного движения, а был просто бандитизм. Правильно указывая ошибку О. Радки насчёт якобы содержавшейся в Тамбовском восстании антибелой, революционно-демократической альтернативы, М. Левин делает заключение, что ни в Тамбове, ни вообще в России никакого народного сопротивления, никаких восстаний вообще не было, а был только бандитизм.⁸⁵ Все восстания, считает М. Левин, носили незначительный, локальный характер, сразу после введения НЭП сошли на нет.⁸⁶

М. Левин забывает или не знает, что в 1918 году даже сами большевики насчитывали 245 крупных восстаний⁸⁷, что, по словам В. И. Ленина, в 1918 году пошла огромная волна крестьянских восстаний⁸⁸, что восставшие рабочие Ижевска и Воткинска сформировали армию в 70 000⁸⁹ и, после потери Ижевска, влились в армию А. В. Колчака и героически там сражались, освободив впоследствии Ижевск⁹⁰, что Донское восстание имело 30 000-ную армию, а с тылами 100 000 человек, прорвало красный фронт и расчистило Добровольческой армии А. И. Деникина путь на Москву⁹¹, что восстание Григорьева на Украине оттянуло на себя те самые корпуса, которые большевики послали в Венгрию на помощь Бела Куну и на разжигание всеевропейской революции⁹², что сам В. И. Ленин признавал, что во всей войне 1917-1921 годов крестьянские восстания «составляли всю картину России»⁹³, что, наконец, в Тамбовском восстании против социализма сражались три армии.⁹⁴

Даже такой крайне беглый обзор снимает вопрос о бандитизме как о сколь-нибудь определяющем явлении.

Здесь, в этом историографическом обзоре, нам важно проследить, что же случилось с ходом мыслей таких крупных ученых, как О. Радки и М. Левин, откуда, в конце концов, происходит

их обскурантизм или почему они, говоря словами русской пословицы, начали за здоровье, а кончили за упокой.

Нам кажется, что здесь мы имеем дело с известным феноменом левой, либеральной, интеллигентской мысли, лежащей в основе политической науки и не имеющей ничего общего с действительной наукой.

Согласно большевистской историографии, всё народное сопротивление или вообще не существовало или, поскольку оно было против коммунизма и социализма, было не более как бандитизмом.

Согласно О. Радки, повстанческое движение против коммунизма существовало лишь постольку, поскольку оно было одновременно и против белых (хотя, кстати, в описываемые О. Радки 1920-1921 годы белые армии никак не соприкасались с тамбовскими повстанцами, а вскоре вообще эвакуировались), поскольку оно было социалистическо-революционной третьей силой.

Согласно М. Левину, поскольку повстанчество не являлось такой силой, то его либо вообще не было, либо был сплошной бандитизм.

Так через замкнутый круг логики либерально-интеллигентской мысли возвращается коммунистическая интерпретация истории.

Мы хотим подчеркнуть, что интеллектуальный смысл всех этих концепций не положительно-научный, а идеологически-отрицательный. Именно, авторов всех таких концепций интересует не действительное состояние русского крестьянства и всего народа России в его борьбе против социализма, а как бы продолжение интеллектуальными, идеологическими средствами нескольковековой войны против старой, дореволюционной, консервативной России и её достаточно консервативных народных масс, прежде всего крестьянства.

Война русского рабочего класса и крестьянства против социализма в 1917-1922 годах (мы сейчас не рассматриваем последующие периоды) была, действительно, явлением достаточно консервативным, в терминах политической науки реакционным. И только стечение конкретных исторических обстоятельств не дало этой консервативной силе слиться с другой, соседней, — с белым движением, и вместе разгромить интернациональный социализм и мировой революционизм, то есть продолжить то дело, которое вела старая консервативная Россия в 1812-1815, 1830, 1848, 1863 и в другие дореволюционные годы.

Выше уже говорилось о принципиальной антисоциалистической позиции российского рабочего класса. Рабочие восстания в Ярославле, в Ижевске и Воткинске, серия забастовок 1920-1921

годов в основных индустриальных центрах воплощают её. Такая позиция понятна. В революции рабочий класс потерял не только все политические, гражданские и социальные права. Он был и экономически подорван. За период Первой мировой войны, несмотря на падение промышленного производства на 10-15%, несмотря на рост цен, произошло повышение заработной платы фабрично-заводским рабочим, а семьи призванных на военную службу получили примерно 276,5 миллионов рублей пособия⁹⁵, что в процентном соотношении даже несколько превышает удельный вес рабочего класса в населении страны. За годы революции 1917-1920 годов объём промышленного производства упал до 4% довоенного⁹⁶, рабочий класс обнищал и деклассировался⁹⁷, нормы питания семей рабочих были значительно ниже минимально необходимых.⁹⁸ В. И. Ленин отмечал:

«Эти три с половиной года ... означали собой для рабочего класса, для пролетариата, такие бедствия, такие лишения, такие жертвы, такое обострение всяческих нужд, как никогда в мире».⁹⁹

Именно этим и мотивировали свою антисоциалистическую позицию рабочие представители на первых заседаниях Собрания Уполномоченных ещё в начале 1918.¹⁰⁰ Также понятна антисоциалистическая позиция крестьянства, вылившаяся в настоящую народную войну. Несмотря на то, что на крестьян обрушилась основная тяжесть Первой мировой войны, мобилизация, продовольственные заготовки¹⁰¹, отобрание лошадей на нужды армии, крестьяне получили только за первые два года этой войны 925 миллионов рублей дополнительного дохода за счёт пособий семьям мобилизованных.¹⁰² Запрещение продажи водки и пива улучшило экономическое положение крестьян на 600 миллионов рублей ежегодно.¹⁰³ За поставку лошадей крестьяне получили за два года свыше 450 миллионов рублей.¹⁰⁴ В итоге Первой мировой войны ежегодный денежный доход крестьянства как производящих, так и потребляющих губерний вырос очень существенно — на 82-87%.¹⁰⁵

Надо иметь в виду, что в результате экономического развития России, особенно стимулированного реформами Петра Аркадьевича Столыпина, крестьяне к лету 1917 владели уже 77,4% всех сельскохозяйственных земель страны, то есть только по 38 губерниям — 117,2 миллионами десятин или 128 миллионами гектаров.¹⁰⁶

В течение десятилетий многочисленные представители российской общественности вели пропаганду (и особенно усилили её, получив думскую трибуну) насильственного отчуждения частновладельческих свыше 50 десятин (помещичьих и так называемых «кулацких»), государственных, удельных, церковных, монастырских и кабинетских земель в пользу крестьянства. Разница политических группировок интеллигенции, стоявшей на этом требовании, заключалась лишь в методах такого отчуждения (с выкупом или без выкупа, сразу или постепенно и т. п.). По существу же это была пропаганда чёрного передела, в подтексте которой лежало народническое устремление перевести крестьянство через общину в социализм. И в экономическом смысле вся русская прогрессивная интеллигенция была по существу социалистической.

Но когда в результате Февральской революции 1917 эта интеллигенция получила государственную власть и свободу социальных экспериментов, она всячески оттягивала аграрную революцию, за которую прежде боролась. Большевики и другие левые радикалы использовали это обстоятельство в своей агитации и в организации аграрных волнений в ряде губерний летом 1917 года, особенно же в разложении крестьянской по составу армии. Большевики обвиняли взявшие власть политические партии в неискренности, в предательстве интересов крестьянства. Последнее обвинение справедливо, но вместо неискренности были — цинизм и провокаторство. Потому что никакой земли для чёрного передела в стране не было, и интеллигенты это знали или, по крайней мере, обязаны были знать.

Летом 1917 года партия конституционалистов-демократов даже начала контр-пропаганду и выпустила популярную брошюру выдающегося статистика А. А. Кауфмана, в которой убедительно, цифрами доказывалось, что вся призываемая к отчуждению земля — или уже во владении крестьян, или — леса, тайга и тундра.¹⁰⁷

Объективные данные А. А. Кауфмана основывались на первоклассно полученных результатах сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, но в целом положение было очевидно и до переписи, так сказать, невооружённым глазом. Но только оказавшись у власти, политическая общественность повела обратную пропаганду, когда от неё стали требовать передела, а делить было нечего, кроме самих крестьянских земель, — то есть оставалось только разрушить хозяйства крепких крестьян, так называемых кулаков, — правильно говоря, хозяев, вышедших по реформе П. А. Столыпина на хутора и отруба.

Политические партии знали положение задолго до революции, но им необходимо было любыми методами скомпрометировать и свалить историческую российскую государственность, хотя бы и натравив на неё население, выплеснув стихию. Таким образом, в течение десятилетий российская общественность, преследуя узко кастовые и идеологические интересы, выполняла в отношении государства и народа роль провокационную и объективно расчищала дорогу большевикам. Летом 1917 года уже, разумеется, было не остановить большевиков даже самыми лучшими брошюрами. Большевицкая пропаганда в армии оказалась действеннее, чем контрпропаганда менее радикальной интеллигенции.

Остаётся констатировать, что в целом крестьяне в 1917 году проявили достаточное благоразумие, и аграрные волнения лета 1917 были значительно слабее, чем можно было ожидать, зная пропаганду предшествующих десятилетий. Тем не менее, по ходу революционного обвала, на головах растерявшейся интеллигенции к власти прорвались коммунисты. Они и завершили, в собственных стратегических целях, званную десятилетиями аграрную революцию и провели в 1918 году чёрный передел.

Советские официальные источники постоянно приводят цифру, перенятую у них западными учёными и уже общепринятую на Западе, что в результате аграрной революции 1917-1918 года крестьяне получили дополнительно 152 миллиона гектаров земли. Вместе с тем сами советские авторы неоднократно жаловались, что не знают, откуда взялась эта цифра, что это была за земля и кто конкретно, какие слои, её получили.¹⁰⁸

На сессии аграрников-марксистов в Москве в 1969 году ведущий историк Октябрьской революции академик И. И. Минц рассказывал:

«В. П. Данилов упомянул вопрос о том, что дала революция крестьянству. Назовите мне книгу, где было бы последовательно рассказано об этом, кроме общих фраз? Я обратился к нашим ведущим специалистам — товарищам Луцкому и Данилову с вопросом: сколько получили крестьяне земли в 1917 году? ... Не пора ли уже получить эти точные данные? Мы говорим, что крестьяне получили 150 миллионов десятин. Расшифруйте, покажите действительные данные по губерниям и областям».¹⁰⁹

В. П. Данилов там же говорил:

«Сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции?»

— 150 миллионов десятин! — отвечает наша статистика.

Но мы не можем до сих пор ни раскрыть, ни объяснить этой цифры».¹¹⁰

Раскрыть и объяснить эту цифру, тем не менее, не представляет труда. Возможны даже два объяснения, не противоречащие друг другу, поскольку оба объясняют происхождение не реально полученной земли, а научной фикции.

Первое объяснение таково. По принятым советской статистикой исчислениям журнала «Новый экономист», в 1917 году государству, городам и Церкви принадлежало 151,2 миллиона десятин земли.¹¹¹ В результате Октябрьской революции вся эта земля естественно перешла новому государству, объявленному народным, — отсюда вывод, что она перешла народу. Этот вывод не вовсе абсурден: города на этой земле как стояли, так и продолжали стоять; тайга и тундра тоже не потеснились, остались на своём месте. В обживавших их лагерях поселился также народ, и каждый в конечном счёте получал этой земли — аршин на полтора. Второе объяснение таково. По данным Всероссийской и по земельной переписи 1917 года, по 38 губерниям России (без занятых неприятелем) крестьяне владели 117,2 миллиона десятин, равно 77,4% всей сельскохозяйственной земли, помещики владели 25,1 миллионов десятин, равно 16,6% земли, прочие хозяйства некрестьянского типа владели 9,05 миллионов десятин, равно 6% земли.¹¹² Итого сельскохозяйственной земли по 38 губерниям (без трёх уездов Смоленской губернии) в России было перед социалистической революцией 151,35 миллионов десятин или 165,36 миллионов гектаров. Все эти 151,35 миллионов десятин (из них 117,2 миллиона крестьянских десятин) были по существу конфискованы коммунистическим режимом, поскольку право собственности на землю было Декретом о земле 26 октября 1917 года отменено.¹¹³ В результате организованного сверху чёрного передела — аграрной революции 1918 года — все 151,35 миллионов десятин оказались в распоряжении Советов, и они распределили всю землю заново — уже от себя. Часть земли была передана земельным обществам, часть осталась во владении Советов, часть была передана последними под совхозы и коммуны и т. п.¹¹⁴ В результате конфискации, монопольное распоряжение землёй Советами стало безусловным, а передача части земли земельным обществам — выглядит уже как бы в качестве доброй воли, благодеяния, передачи земли крестьянам. В итоге советская наука считает, что эта, отчуждённая от крестьянской собственности, да ещё и вся на круг земля площадью в 151,35

миллионов десятин — перешла крестьянам. Более того, советские учёные считают, что в результате революции вся эта земля прибавилась к некоторой исходной величине, и вообще «крестьянское землепользование возросло на 150 миллионов гектаров».¹¹⁵ В этом случае советские (и повторяющие их выкладки американские) специалисты должны доказать, что от революции территория России увеличилась в два раза, или что революция распахала тундру.

То, что крестьяне действительно владели, на правах частной собственности или в коллективной собственности (не в фиктивном распоряжении) земельных обществ до 1917 года сельскохозяйственными землями площадью 117,2 миллиона десятин или 77,4% всей сельскохозяйственной земли, советская наука, по логике конфискации, игнорирует. Советским специалистам важно только, что после революции крестьян посадили работать на эту землю (на деле — часть её), — это трактуется как подарок советской власти.

Однако, исходя из отмены права собственности на землю в 1917 году, правильнее сказать, что крестьяне не получили 151 миллион десятин, но — лишились 117,6 миллиона десятин. Часть этой земли как обрабатывалась крестьянами, так и продолжала обрабатываться, но отмена права собственности и введение продовольственной развёрстки, потом продовольственного налога, потом контрактации урожая, потом обязательных поставок государству и натуроплаты, — означали не просто изменение юридического статуса земли, но создание системы, известной из истории Востока как «условное землевладение», «феодалный социализм», «азиатский способ производства», «патримониальный строй» и т. д. И важно, что это явилось результатом не только коммунистических экспериментов, но и реализацией аграрной программы социалистов-революционеров и всей левой интеллигенции, о чем и сам Декрет о земле говорит, и В. И. Ленин многократно разъяснял, и вся советская литература подчёркивает.¹¹⁶

Кроме того, большая часть крестьянской земли — именно 80 миллионов гектаров равно 73,2 миллиона десятин равно 62,5% — уже находилась к 1917 году либо в частной собственности крестьян, прежде всего на хуторах и отрубях, либо в личном пользовании наиболее мощных в экономическом отношении членов земельных обществ, то есть в состоянии переходном к частной собственности.¹¹⁷ Вся эта земля также была конфискована, и в результате чёрного передела сверху вся эта группа крестьян, имевшая в личном пользовании или собственности 73,2 мил-

лиона десятин, получила из них же, да и то только на правах членов земельных обществ, только 30 миллионов гектаров равно 27,46 миллионов десятин, а 50 миллионов гектаров равно 45,76 миллионов десятин было конфисковано у этих крестьян даже из землепользования.¹¹⁸

Если даже допустить, что конфискованная помещичья земля, в той её части, которая перешла земельным обществам, всё же попала в крестьянское землепользование, то это — из-за условности землевладения с 1917 — есть величина относительная, потеря же 45,76 миллионов десятин крестьянством — есть величина абсолютная. Сальдо этих величин, представленное ниже в сводной таблице, позволит оценить, в терминах В. П. Данилова, «сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции».

	Источники	в десятинах (1 десятина = 1,09254 Гектара)	в миллионах десятин
1 Конфисковано в 1918 у помещиков и дворян	119)	24 258 438	24,26
2 Из них передано Советам, под сохозы и коммуны	120)	7 844 552	7,84
3 Из них передано земельным обществам	121)	16 413 886	16,41
4 Было земли у крестьянства в 1917 ..	122)	117 200 616	117,20
5 В том числе в частной собственности либо в личном землепользовании ..	123)	73 223 864	73,22
6 Из них получено крестьянами в частную собственность за 1906-1916 по реформам П. А. Столыпина	124)	44 281 200	44,28
7 В том числе перешло в частную собственность крестьянства бывших помещичьих земель	125)	5 617 000	5,62
8 Получено земельными обществами и товариществами за 1906-1916 по реформе П. А. Столыпина	126)	4 963 700	4,96
9 Конфисковано и исключено из личного землепользования крестьянства, прежде всего на хуторах и отрубях в 1918	127)	45 764 915	45,76
10 САЛЬДО: «сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции»		— 29 351 029	— 29,35

Сальдо, таким образом, равно отрицательной величине: минус 29,35 миллионов десятин или минус 32 миллиона гектаров, либо — что точнее с точки зрения права собственности, — сальдо равно минус 117,2 миллиона десятин. И никак не плюс 150 миллионов десятин.

Сводная таблица даёт нам для анализа ещё один важный показатель: получено крестьянами в частную собственность по реформе П. А. Столыпина 44,28 миллиона десятин, конфисковано у крестьян во время аграрной революции и исключено из личного землепользования — 45,76 миллионов десятин. Как видно, речь идёт об одной и той же земле.

Уже одно это даёт возможность сделать вывод, что, в сущности, аграрная революция свелась к аграрной контрреформе. Политическая революция означала экономическую контрреформу. Аграрные устремления самой прогрессивной интеллигенции и общественности имели самый регрессивный экономический смысл. Итогом свыше чем столетней борьбы прогрессивной общественности явилось разрушение не только тысячелетней русской государственности и национальной жизни, но и хозяйства страны. Последовавший перманентный голод и миллионы вымерших от него — вот что принесла русскому народу борьба интеллигенции за свободу, равенство, демократию и социализм.

Выдающийся советский экономист профессор И. А. Кириллов писал об этом ещё в 1920 году, в разгар событий. Он указывал, что противостоявшая аграрной реформе аграрная революция явилась результатом никак не воли крестьянства, но и не одного стремления большевиков, — она явилась реализацией «сантиментально-народнического уравниательства», господствовавшего в умах всей российской общественности и интеллигенции, заражённой доктринёрством и не желавшей знать научных истин землеустройства.¹²⁸ Интеллигентский порыв к равенству, прогрессу и справедливости реализовали коммунисты, — в результате русское крестьянство потеряло землю, — и ту, что оно получило от Бога, родившись на этой земле, и ту, что оно получило по реформе из рук царского правительства.

Возникшее от чёрного передела сверху, подушное уравнительное землепользование возродило потребность в регулярных переделах, из-за которых нормальное землеустройство было опрокинуто. Так контрреформа органически привела к стихийной регенерации общины, причём исключительно в её фискальной функции, — особенно при политике продовольственной развёрстки,

продовольственного налога, контракции посевов и урожая и т. п. Политический прогресс возродил, таким образом, даже не старую русскую общину, каковая не сводилась только к фиску, но — общину древнего Египта и Месопотамии, арабского халифата и средневековой Африки.¹²⁹ Как предсказывал в 1906 году Г. В. Плеханов, русское крестьянство получило из рук радикальной интеллигенции «азиатский способ производства».¹³⁰

Сейчас в советской науке уже обсуждаются данные о том, что реставрированная община переросла в годы коллективизации непосредственно в колхозы.¹³¹

Ещё один важный результат аграрной революции, означавший полную экспроприацию всего крестьянства, — введение серией декретов и мероприятий, начиная сразу с 27 октября 1917, безвозмездного изъятия всей крестьянской продукции свыше потребительской нормы,¹³² а на практике — ниже её.¹³³

Вслед за И. А. Кирилловым и другими советскими авторами подчеркнём, что ошибочно было бы видеть в этом только диктаторский волюнтаризм большевиков. Последние только довели до логического конца прогрессистские тенденции общественности и интеллигенции, физически уничтожили созданные последними жупелы царя, помещика и кулака. Естественно, что при этом сломе экономического строя было раздавлено и всё крестьянство.

Поэтому же естественно, что крестьянство оказало повсеместное и многолетнее вооружённое сопротивление всем революционным и социалистическим преобразованиям и объективно явилось силой консервативной.

Естественно и то, что интеллигенция и общественность не поддержали крестьянского сопротивления, квалифицировали его как бандитизм и т. д., имея все основания рассматривать его как силу реставрационную.

Естественно, наконец, что западная политическая наука, в концептуальной, мировоззренческой базе которой лежат те же основания, что были у той российской интеллигенции, столкнувшись с материалами, которые 60 лет успешно игнорировались, — с материалами о народном сопротивлении, продолжает квалифицировать последнее как бандитизм, повторяя обвинение, бытующее и в официальной советской литературе.

Одним из корней легенды о бандитизме крестьянского повстанчества 1920-1921 годов является другая легенда — о чёрном переделе 1918, якобы произведённом самим крестьянством. Эта легенда была создана как большевистской историографией, так и её мнимыми идеологическими противниками — социал-демокра-

тами, социалистами-революционерами и т. п.¹³⁴ Из приведённых выше цифр и фактов понятно, что аграрная контрреформа 1918 не могла быть делом крестьянства, более того, — вызвала вооружённое сопротивление крестьянства. Вместе с тем, легенда об участии действительных слоёв крестьянства в аграрной революции — не подтверждается ровно никакими сколь-нибудь массовыми материалами. Во всяком случае, таковыми нельзя считать опубликованные отрывочные, собранные по каплям из разных месяцев и по разным местам, документы о разгромах крестьянами усадеб и т. п.

Нынешнее состояние источников уже позволяет ответить статистически, то есть на основании действительных массовых данных, о степени участия крестьянства в аграрной революции и вообще в коммунистической революции. В СССР опубликованы статистические сводки о количестве членов комитетов бедноты в 1918 году и о количестве членов сельских коммунистических организаций. Напомним, что именно комитеты бедноты были во второй половине 1918 года властью на селе, коммунистическими представителями и основными проводниками коммунистической аграрной политики, в частности аграрной революции, сведшейся к раскулачиванию и экспроприации крестьянства. Напомним также, что вступление в коммунистическую партию в 1917-1918 годах не было связано для сельских активистов никакими формальностями и поэтому всякий, кто хотел, немедленно принимался, и цифра членов полностью отражает количество желающих. Кроме того, логично предполагать, что цифры членов комитетов бедноты и цифры членов сельских партийных организаций РКП(б) накладываются друг на друга, то есть отражают примерно один и тот же круг лиц.

Произведя на основе опубликованных в СССР новейших, тщательно сверенных с местными архивами данных, ряд промежуточных исчислений (методологию последних переносим в применения), мы получаем следующую сводную таблицу:

(см. стр. 288 и 289)

Чтение сводной таблицы приводит к выводу, что ничтожно малые количества активистов, едва составлявшие 2-2,5% взрослого мужского сельского населения (да и то взятого в отсчёт без стариков), соответственно составлявшие около 0,5% всего сельского населения, — смогли произвести такие глобальные изменения экономической и политической жизни в русской деревне, каких не знала история.

С другой стороны, основная масса населения — его 99,5%, соответственно около 97,8% взрослого, трудоспособного, оружие-способного мужского сельского населения, — либо не принимали участия в аграрной революции, либо сопротивлялись ей и в активной части своей были раздавлены военной силой, направленными в русскую деревню экспедиционными и мобилизованными войсками.

Введя метод допустимого максимума, можно исчислить предельное число непосредственно работавших на селе коммунистов и активистов. Относительно соотношения сельских коммунистов и членов комитетов бедноты (примерно 3:1 активистов к членам партии) советские источники подтверждают наше указание, что это один и тот же круг лиц, статистически исчисленный по разным группировкам.¹³⁵ Всего в губернских партийных организациях, вместе сельских и городских, состояло, по тем же источникам, на конец 1918 года по 33 губерниям 198 107 членов РКП(б).¹³⁶ К сожалению, ещё не подобраны систематические погубернские сведения о соотношении членов РКП(б) и членов института сочувствующих РКП(б), то есть кандидатов в члены партии. Имеющиеся выборочные сведения по группе волостных советов Псковской губернии дают (в нашем исчислении) на конец 1918 года соотношение сочувствующих к членам партии в 1,4 пер capita.¹³⁷ По условиям очень быстрого приёма в партию в тот период, это, очевидно, предельный максимум. Если условно перенести его на весь состав партии по 33 губерниям, получим 475 000 членов и кандидатов партии, каковая цифра, повидимому, чрезвычайно завышена, и единственная возможность использования её — именно включение всего протекающего потока сочувствующих партии.

Важно констатировать, что всего это число не достигало и полумиллиона. Вместе с тем, мы имеем и другие, несколько большие сведения о составе комитетов бедноты по тем же 33 губерниям, не такие точные, как в составленной сводной таблице, но зато отражающие количество наплывавших активистов в ряде губерний в начале 1919 года, когда комбеды были уже декретно отменены, но фактически продолжали функционировать и вбирали в себя всех активистов на селе. Такое исчисление исходит из 139 849 комитетов бедноты¹³⁸ (вместо 104 997, рассчитанных для приведённой сводной таблицы¹³⁹) и из 3,5 человека на один комитет вместо 3. Это исчисление даёт нам 489 000 активистов на селе, то есть и это число не достигает и полумиллиона.¹⁴⁰

Ничего не изменит в этом итоге и рассмотрение депутатов местных Советов как активистов и проводников коммунистической

№ п. п.	Название района (группы губерний) и губернии	Общая численность сельского населения 1917 г. с прибавлением призванных в армию и без беженцев ¹⁾	Процент мужского населения 16-59 лет от всего населения ²⁾	Число членов сельских ячеек РКП (б) в сентябре-декабре 1918 ³⁾	Число членов комитетов бедноты в ноябре 1918 ⁴⁾	Процент коммунистов в сельском мужском населении 16-59 лет	Процент комбедовцев в сельском мужском населении 16-59 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
А	Центральный-промышленный						
1	Владимирская	1 668 099	23,2	1 951	14 625	0,50	3,78
2	Иваново-Вознесенская	нет в адм. терр. дел.	—	990	3 552	—	—
3	Калужская	1 361 310	24,1	2 084	6 474	0,64	1,97
4	Костромская	1 661 910	23,6	628	19 560	0,16	4,99
5	Московская	1 594 945	23,6	1 365	13 263	0,36	3,52
6	Нижегородская	1 759 436	23,3	6 477	3 888	1,58	0,95
7	Тверская	2 038 474	23,7	4 039	18 675	0,84	3,87
8	Ярославская	1 159 098	23,8	1 120	24 123	0,41	8,74
А	Итого :	11 243 272	23,6	18 654	104 160	0,70	3,93
Б	Центральный Черноземный						
9	Воронежская	3 338 559	н. св.	4 865	3 936	—	—
10	Курская	2 793 487	23,7	10 190	7 227	1,54	1,09
11	Орловская	2 299 444	24,2	13 709	13 146	2,46	2,36
12	Рязанская	2 347 051	23,4	8 354	7 500	1,52	1,37
13	Тамбовская	3 527 289	23,4	7 739	9 033	0,94	1,09
14	Тульская	1 755 338	23,4	2 996	13 812	0,73	3,36
Б	Итого :	16 061 168	23,6	47 853	54 654	1,26	1,44
В-Г	Северо-Западный и Северный						
15	Петроградская	828 618	24,5	2 504	7 413	1,23	3,65
16	Псковская	1 214 050	н. св.	644	9 126	—	—
17	Новгородская	1 543 528	24,0	700	15 000	0,19	4,05
18	Череповецкая	нет в адм. терр. дел.	—	222	5 679	—	—
19	Архангельская	405 075	23,7	92	570	0,01	0,59
20	Олонецкая	417 040	24,7	300	1 368	2,23	1,33
21	Вологодская	1 610 763	24,4	499	15 000	0,38	3,82
22	Северо-Двинская	нет в адм. терр. дел.	—	3 100	16 719	—	—
В-Г	Итого :	6 019 074	24,3	11 081	70 815	0,76	4,85
Д	Западный						
23	Витебская	1 244 300	24,9	1 891	9 996	0,61	3,23
24	Могилёвская	1 783 243	25,0	1 270	2 800	0,28	0,40
25	Смоленская	1 846 845	23,8	3 250	1 250	0,74	0,51
Д	Итого :	4 874 388	24,6	6 411	14 046	0,53	1,17

№ п. п.	Название района (группы губерний) и губернии	Общая численность сельского населения 1917 г. с прибавлением призванных в армию и без беженцев ¹⁾	Процент мужского населения 16-59 лет от всего населения ²⁾	Число членов сельских ячеек РКП (б) в сентябре-декабре 1918 ³⁾	Число членов комитетов бедноты в ноябре 1918 ⁴⁾	Процент коммунистов в сельском мужском населении 16-59 лет	Процент комбедовцев в сельском мужском населении 16-59 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
Е	Поволжский						
26	Астраханская	1 159 200	23,5	1 850	45	0,68	0,02
27	Казанская	2 600 071	23,9	542	3 375	0,09	0,54
28	Пензенская	1 815 752	23,7	6 750	5 958	1,63	1,45
29	Самарская	3 406 176	23,4	1 500	1 425	0,19	0,18
30	Саратовская	2 772 579	23,7	8 554	6 660	1,30	1,01
31	Симбирская	1 896 110	23,1	1 380	1 521	0,32	0,35
Е	Итого :	13 649 888	23,5	20 576	18 984	0,64	0,59
Ж	Приуральский						
32	Вятская	3 640 262	24,1	250	47 964	0,03	5,47
33	Пермская	3 478 775	23,3	12 157	4 308	1,40	0,50
Ж	Итого :	7 219 037	24,2	12 407	52 272	0,71	2,99
	Итого по 4 районам потребляющей полосы (А, В, Г, Д)	22 136 734	24,2	36 146	189 081	0,67	3,53
	Итого по 3 районам производящей полосы (Б, Е, К)	36 930 093	23,8	80 836	125 910	0,92	1,43
	Всего в 33 губерниях России	59 066 827	24,0	116 982	314 991	0,83	2,22

1) Материалы Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 887, л. 55. «Статистическое совещание для обсуждения вопроса о методах определения количества населения избирательных округов, образуемых по проекту положения о выборах в Учредительное Собрание». — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 967, лл. 24-27. «Вероятное население в 1917 году по данным, полученным до 1 августа 1917 г. ЦСУ РСФСР. 1919.» — ЦТАОР и СС, ф. 1562, оп. 197, д. 1, лл. 1-6. Население городов Европейской России по данным переписи 1917 г. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 6, д. 3, лл. 1-82. Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — «История СССР», 1961, кн. 6, стр. 102-104, 106-110, 114. Они же и Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения России накануне ВОСР. — «Исторический архив», М., 1982, кн. 5, стр. 70-71, 76-82. Исчисления наши.

2) Война 1914-1918 годов и крестьянское хозяйство. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года. — ЦСУ СССР. Россия в мировой войне 1914-1918 года. В цифрах. М., 1925, стр. 21, табл. 6.

3) А. А. Чернобаев. О численности сельских большевистских организаций в 1918 году. — «Вопросы истории КПСС», 1978, кн. 2, стр. 81-82, 88.

4) В. Г. Верховень. К вопросу о численности комбедов в РСФСР. — «История СССР», 1958, кн. 4, стр. 125.

политики, ибо во второй половине 1918 года удельный вес коммунистов в Советах увеличился до 82%, а удельный вес беспартийных упал до 13% и членов других партий до 5%.¹⁴¹ Так что какие бы мы ни взяли сводки активистов, это будет один и тот же круг лиц, то есть менее 500 000 человек.

Советские источники указывают нам, что все эти активисты, как члены комитетов бедноты и прочие, состояли далеко не только из бедноты, то есть не только из экономических низов деревни, крестьянства. Сюда входили батраки, то есть сельский пролетариат, и — это очень важно — рабочие, то есть вообще пришлый элемент¹⁴², а попадались и такие борцы за проведение аграрной революции в России, как австрийские военнопленные.¹⁴³ Что касается рабочих в комбедах, то часть их ушла из переживавших экономический упадок городов, не имела чем кормиться и была деклассированной силой в деревне, другая — значительная — часть была просто командированными на проведение аграрной революции коммунистами.

Но даже по отношению к общему количеству сельских батраков, составлявших до революции, по завышенной цифре, до 5 миллионов с семьями¹⁴⁴, активисты не дают больше 15-20% ко взрослой трудоспособной мужской части батрачества. Даже основная масса безземельных сельских низов, жившая наёмным трудом, не пошла в комбеды и в компартию.

По отношению ко всему мужскому трудоспособному (без стариков) сельскому населению 33 губерний число активистов в 0,5 миллиона, взятое как предельный максимум, составляет всего 3,5%, а ко всему населению села этих губерний — 0,85%. Собственно крестьянство, основное население России, дало революции вообще и аграрной революции в частности и того меньше кадров.

Вопрос об участии городских рабочих снимается как количественный фактор, если принять во внимание, что в одно из исчислений итогового состава коммунистов и сочувствующих мы включили выше по методу допустимого максимума весь состав губернских организаций партии вместе со всем потоком сочувствующих. То есть включены также коммунисты и сочувствующие городов, а итоговый максимальный процент исчислен только по сельскому населению уездов. Ничего не меняет и привлечение статистики продовольственных отрядов, орудовавших на селе. Своего максимума продовольственная армия достигла в конце октября 1919 года, когда составляла 45 444 человека.¹⁴⁵ К моменту значительного развития повстанчества в России, угрожавшего

самому существованию режима, — к весне 1921, — продовольственная армия поредела почти вдвое — до 23 625 человек.¹⁴⁶ Состав продовольственных отрядов был частью перебит повстанцами, частью перешёл на сторону народа.

Ещё значительной военно-политической силой были Внутренние (то есть карательные и охранные) войска, в них состояло к 1919 году — 80 000 бойцов.¹⁴⁷ Это число не меняет общей статистики расстановки сил, тем более что значительная часть этих войск — не русские крестьяне, а иностранцы-интернационалисты.

Таким образом, статистический взгляд на силы, сознательно, добровольно пошедшие в коммунистическую революцию (принудительно мобилизованных в Красную армию мы пока, естественно, не считаем) — приводит к очень важным выводам. Именно — основное население России, консервативное православное и мусульманское крестьянство, русские, татары, героические народы православного Поволжья, башкиры, — основное население дало активистов на проведение революции — значительно меньше 1 процента населения и соответственно меньше 3 процентов взрослого мужского населения.

Ниже мы покажем, что, напротив, в ряде мест России в народном повстанчестве против коммунизма принимали участие 25% всего населения, соответственно ВСЕ взрослое мужское население.

Одним этим сопоставлением разрушаются легенды не только о чёрном переделе 1918 как акции русского и поволжского крестьянства, но и — вообще о так называемой «русской революции». Наверное, народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал так мало своих представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей. Понятие «русская революция», на наш взгляд, вообще должно быть исключено из научного обихода. Также должны быть исключены понятия «рабочей» и «крестьянской» революции в России.

В нескольких волнах восстаний крестьянство сражалось против коммунизма не потому, что он не провёл или исказил аграрную программу левых и лево-центристских политических партий, но именно потому, что коммунизм провёл, углубил и логически завершил эту программу.

К сожалению, наука ещё не располагает статистикой участия крестьян в антисоциалистических восстаниях. Но некоторые данные для исчислений и выводов источники нам дают. Иногда это абсолютные цифры, иногда относительные — процентаж, иногда просто констатация факта поголовного участия крестьянства в

восстаниях, но даже небольшая выборка позволяет делать сравнения, поскольку мы располагаем и абсолютными, и относительными цифрами, характеризующими участие населения на противоположной, коммунистической стороне.

По Тамбовской губернии периода восстания 1920-1922 годов мы имеем выборочные данные по 22 сёлам:

Количество сёл	% населения, принимавшего активное участие в восстании
12	10
2	25
2	30
4	40
1	50
1	60
22	22,7

Источник: ¹⁴⁸

По другим данным, в среднем по всей Тамбовской губернии участвовало в восстании 25-30% всего населения.¹⁴⁹

Виднейший советский экономический историк М. И. Кубанин делает верный вывод:

«Несомненно, что 25-30% населения деревни означает, что всё взрослое мужское население ушло в армию Антонова».¹⁵⁰

Нам представляется, что эта статистика полностью опровергает мнение М. Левина и о том, что повстанчество в Тамбовской губернии (и в целом по стране) не было существенным историческим феноменом и не отражало позиции основной массы крестьянства, и о том, что всё это был бандитизм.

М. И. Кубанин отмечает участие всего взрослого мужского населения также и в ряде других восстаний на протяжении всего периода военного коммунизма.¹⁵¹ То, что повстанцам Ижевской народной армии, располагавшим, по усреднённым подсчётам, 70 000 человек¹⁵², удалось продержаться свыше трёх месяцев¹⁵³, то, что в Донском восстании участвовало 30 000 вооружённых казаков и крестьян, а с тылами повстанцы располагали силой в 100 000 человек¹⁵⁴ и прорвали красный фронт¹⁵⁵, — вполне показательны. Особенно характерны для описываемого периода были многочисленные локальные восстания, нескольких сёл, двух-

трёх волостей. Чем меньше по территориальному охвату обычно было восстание, тем больше местных сил оно концентрировало. Например, в рабочем и крестьянском восстании летом 1918 года в Ярославле и Ярославской губернии участвовали тысячи городских рабочих и окрестных крестьян, а в одновременном самостоятельном восстании ближайшей Диево-Городищенской волости — просто взялась за оружие вся волость, включая женщин, стариков и подростков.¹⁵⁶ Видимо, в такого рода волостных восстаниях был уже какой-то элемент тотального самопожертвования, а восстания более крупные характеризовались разделением функций: часть населения продолжала обычную трудовую жизнь, составляя тыл повстанцев, обеспечивая их пищей, оружием.

Архивная сводка Штаба Восточного фронта содержит описание локального восстания в марте 1919 в Сенгилеевском и Белебеевском уезде Поволжья:

«Крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулемёты, несмотря на груды трупов, и их ярость не поддаётся описанию».¹⁵⁷

Аналогичную картину описывает свидетель крестьянского выступления осенью 1918 в Шацком уезде Тамбовской губернии, когда крестьяне двинулись на здание уездной ЧК выручать конфискованную коммунистами икону Вышинской Божьей Матери:

«Я солдат, был во многих боях с германцами, но такого я не видел. Пулемёт косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперёд, кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за Тебя ляжем.

Страху уже в них не было никакого».¹⁵⁸

Другого рода восстания и выступления — вооружённые, хорошо организованные, имеющие способных военных и политических руководителей, — также отличались массовостью и — что особенно важно для их политической характеристики — отчётливо выраженным религиозным характером. Собственно, источники совершенно не сообщают о лево-демократических, социалистических и атеистических повстанческих группировках и массовых движениях, кроме чисто анархических на Украине. Кроме последних, все другие достаточно консервативны по идеологии.

Вообще нам представляется, что по экономическим, социальным, политическим и идеологическим установкам большинство повстанческого движения стоит ближе к белому движению, чем

к отдельным явлениям левого и анархического порядка в повстанчестве окраин России.

Общая статистика и история народного сопротивления ещё не разработана. Источники насчитывают сотни восстаний по месяцам сквозь всю войну 1917-1922 годов.¹⁵⁹ Советский историк Л. М. Спирин обобщает:

«С уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы ни происходили выступления и восстания населения против коммунистического режима».¹⁶⁰

Мы полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы отказаться от укоренившихся в историографии вопреки всем фактам и статистике концепций о рабской природе населения России, воспитанного веками деспотизма и оттого добровольно построившего себе по ходу революции очередную стадию привычного деспотизма. Никаких фактов и положительных аргументов, кроме нескольких поверхностных аналогий, вырванных из исторического контекста институций, в литературе в защиту указанных концепций не существует. Однако вся история народного сопротивления коммунизму свидетельствует против этих концепций.

Наши историографические наблюдения порождают еще два важных вопроса, требующих специального исследования. Мы отметим основные их стороны в порядке постановки проблемы. Если отказаться от стереотипных, но не работающих на массовом материале концепций революции, необходимо по-новому выяснить причины поражения национальных и повстанческих сил России и причины победы интернационального социализма. Мы хотели бы здесь показать, какие направления исследования этих вопросов кажутся нам перспективными.

Политическая наука вообще, в том числе многое из написанного деятелями различных российских политических партий, западная (прежде всего американская) политическая наука в особенности сделала важное открытие, именно, что в почти любой стране, независимо от успешности её экономической жизни и состояния государственных институтов, хорошо организованная небольшая группа лиц, знающая, чего она хочет, может захватить власть, подавить народное волеизъявление и существенно повлиять на ход национальной, региональной и даже мировой истории. При помощи социальной и политической демагогии такая группа лиц, как до, так и после захвата власти может даже со-

вершенно расстроить весь ход жизни основной массы населения и переориентировать массу населения в направлении, объективно враждебном интересам этого населения. Возможности манипулирования массовым сознанием оказываются почти безграничными, и группа политических авантюристов может захватить власть вполне демократическим путём (Германия, Испания, Чили) или однодневным государственным переворотом. Много также смешанных форм. И крайне редко население и политические противники оказывают серьёзное сопротивление.

Однако и при наличии сопротивления такие меры, как введение тоталитарных институтов управления, предельная концентрация власти, террор и массовое насилие — оказываются вполне достаточными, хотя и примитивными средствами для удержания власти, укрепления и развития её, затем территориального распространения и для постепенного подавления всех форм сопротивления.

Историческая наука XIX века оперировала классами и массами, политическая наука XX века по существу анализирует партии, группы и лидеров. Нет большего интеллектуального парадокса, чем тот, что наука либерального мировоззрения эмпирическим путём пришла фактически к отказу от либеральных иллюзий, от веры в силу демократических институтов и признала диктатуру и демагогию едва ли не единственными движущими силами истории.

Правда из этих выводов был сделан крен в сторону признания некоторых мифов — о неизменном, историко-генетически передающемся рабстве тех или иных народов, о вечности тоталитарных институтов в ряде регионов и т. д., но этот крен, повидимому, объясняется интеллектуальной боязнью довести эмпирически полученные наблюдения до логического конца, признать силу политической тоталитарной организации и слабость либеральных установок жизни, поскольку из такого логического доведения вытекал бы непремлемый для политической науки вывод о духовном, религиозном основании жизни как единственной положительной силе в истории, и пришлось бы критически переосмыслить весь ход человеческой цивилизации.

Однако, с кренами и парадоксами, выводы о исторически всеобъемлющей роли тоталитарных идеологий, партий и организаций уже по праву вошли в научную аксиоматику. И эта аксиоматика оставляет весьма мало места для того, чтобы концепция прогресса работала не отрицательно. В этом большая трудность для внут-

ренного развития политической науки, подрубаящей по существу собственные исходные установки. Но здесь нам важно подчеркнуть несомненное достижение — открытие феномена тоталитаризма. Ибо последовательное развитие этой концепции уже заставляет ряд наиболее объективных учёных распространить понятие тоталитаризма за пределы политики, на социальные отношения, на идеологию, на экономику, а это, в свою очередь, приводит к тому, что от понятия тоталитаризм вообще приходится отказываться, как от узкой абстракции, и работать с более широким понятием социализм. В перспективе лежит исследование социализма как универсального исторического феномена и как глобальной силы в истории. В этой связи мы хотим отметить новаторское исследование академика И. Р. Шафаревича.¹⁶¹

И если заменить абстрактное понятие тоталитаризма на конкретное и исторически насыщенное понятие социализма, то мы обнаружим, что ни одна сила в истории не располагала такими благоприятными возможностями, как социализм. Никто не имел столько разнообразных союзников и так мало противников, как социалисты. Ни одна идея, ни одна политическая линия не пользовалась такой всесторонней симпатией именно в кругу людей, являющихся сами производителями идей, и таким образом социализм, даже независимо от усилий собственных деятелей, имел целую армию пропагандистов и подготовщиков. Вся новая и новейшая история была по существу беременной социализмом. Главным проводником его была профессиональная армия производителей идей, — интеллигенция. И в тех странах, где интеллигенция не участвовала в положительной государственной жизни, но располагала огромным влиянием в качестве силы вне-государственно оппозиционной, там приход социализма был объективно лучше подготовлен. Особенную роль интеллигенция играла в России, и поэтому опасность социализма в этой стране была особенно велика, и поэтому же борьба государства против интеллигенции и социализма была особенно необходима. Но даже не чрезвычайно жёсткое проведение такой борьбы государства за своё сохранение вызывало к нему ненависть всей мировой интеллигенции и превращало борьбу против российской государственности в задачу интернациональную для мировой интеллигенции и мировой политической общественности. А особая роль России в защите в XIX веке европейской цивилизации от революций и социалистического движения усиливала антиросийскую активность интернациональной интеллигенции.

Это привело к губительной для любой воюющей страны революции Февраля 1917 года, в ходе которой единственная хорошо организованная социалистическая группа в Октябре 1917 захватила власть. Тоталитарные способности этой группы наложились на благоприятствующую ей позицию мировой интеллигенции. Многочисленные интеллигентские группировки, хотя и с оговорками, поддержали социалистическую революцию, уничтожающую консервативные устои России. Во всяком случае, большевики без больших усилий смогли создать из интеллигенции весь необходимый аппарат хозяйственного и гражданского управления. В то же время начавшее борьбу против большевиков в защиту национальной России белое движение не смогло опереться на соответствующий аппарат гражданского и хозяйственного управления, а сами военные естественно, пороводить профессиональную внутреннюю политику не могли. Связующего звена между группой патриотических военных и массой населения не оказалось. Белое движение было чрезвычайно малочисленно. К середине февраля 1919 года, то есть ко времени максимального развития белого движения, оно, по нашим исчислениям на основе советских военных сводок, располагало следующими силами:

Южный фронт	85000
Восточный фронт	140000
Западный фронт	104000
Северный фронт	12500
Северный Кавказ	7500
Тылы белых фронтов	188000
Итого:	537000

Из них убито за годы войны против социализма примерно 175 000 человек.¹⁶² Из последнего оплота белых армий, Крыма, генералу Врангелю удалось эвакуировать только 83 000 человек, среди которых была значительная часть и гражданского населения.¹⁶⁴ Судьба остальных участников белого движения не отражена в документах, но она очевидно трагична.

Для сравнения укажем, что, несмотря на повстанчество, массовое сопротивление населения, дезертирство красноармейцев, переход их на сторону повстанцев и т. д., коммунистическая группировка, опираясь на чётко поставленное внутреннее управление, смогла к лету 1920 года сформировать армию в несколько раз большую, чем была у белых. А к концу 1920, когда белая борьба

уже кончилась и основные силы коммунистов были сосредоточены на подавлении народных восстаний, Красная армия ещё выросла, причём разница составила больше, чем была вся белая армия. Вот эти цифры:

Красная армия на 28 августа 1920	3538000
Красная армия на 1 января 1921	4110000
Рост за вторую половину 1920	572000
Разница Красной и белых армий	3001000

В этой таблице нам важно и то, что рост свыше чем на пол-миллиона человек и доведение армии до свыше четырёх миллионов связан исключительно с повстанческой активностью крестьянства в 1920-1921 году, и то, что коммунистам удалось организовать такую гигантскую армию. Напомним, что в месяцы проведения аграрной революции, когда активность коммунистических элементов деревни всячески поощрялась, максимальный коммунистический актив всей России, вместе с расплывчатым институтом сочувствующих в самом широком смысле последнего слова, не достигал и полумиллиона и составлял 0,79% сельского населения. К IX съезду РКП(б) в марте 1920, после нескольких кампаний «открытых дверей» и в обстановке, когда любой красноармеец легко вступал при желании в партию, она насчитывала менее 612 000.¹⁶⁶ Причём добрую половину последних составляли карьеристы, которых потом выгоняли из партии в ходе нескольких чисток, да интернационалисты.¹⁶⁷ Остаётся констатировать, что большевикам удалось организовать гигантскую военную силу из населения, им враждебного. Кроме насильственной мобилизации дезориентированного юношества, политической обработки призванных и оторванных от родных деревень молодых людей, важнейшим средством организации войск служил беспощадный террор внутри самой Красной армии, — положение, при котором, по словам коммунистической деятельницы Ларисы Рейснер,

«красноармейцев расстреливали, как собак».¹⁶⁸

Простейший расчёт показывает, что Красная армия состояла из двух процессов и стояла на них: дезертирство и расстрелы. Причём не удастся точно сказать, были бы внутриармейские расстрелы без дезертирства, но что совершенно определённо — без расстрелов дезертирство одно — развалило бы Красную армию.

По тогдашней оценке, обобщённой А. И. Соколовым, дезертирство из Красной армии составляло до 20% её годового состава.

Иными словами, за годы войны 1918-1922 армия статистически обновилась из-за дезертирства по меньшей мере — если взвесить состав армии в различные периоды — на половину итогового состава. То есть в сумме из 4-миллионной итоговой армии дезертировало за весь период войны не меньше 2 миллионов человек.

Экстраполяция опубликованных данных ВЧК по Рязанской губернии позволяет предполагать, что этот вывод скорее занижен, чем завышен. По данным ВЧК, в одной только Рязанской губернии в 1918 - сентябре 1919 выловлено 54 697 дезертиров, часть «злостных дезертиров» расстреляна, остальные отправлены на фронт; в Тверской губернии только за две недели 28 сентября - 12 октября 1919 выловлено 5 430 дезертиров; в Московской губернии за одну неделю облава выловила с 16 по 23 сентября 1919. — 3 329 дезертиров, за ту же неделю во Владимирской губернии выловлено 1 525 дезертиров. По губерниям, тем не менее, удалось спрятаться от облав десяткам тысяч дезертирам; в ряде уездов осенью 1919 скопилось по несколько тысяч в каждом, в одном только Старорусском уезде Новгородской губернии пряталось тогда 10 000 дезертиров.¹⁷⁰

Однако именно за 1920-1921, то есть уже после времени действия описанной по данным ВЧК статистики, мобилизации привлекали в несколько раз больше человек. Поэтому если экстраполировать Рязанские данные на остальные годы, взвесив их с понедельными данными по другим губерниям, то только по 20 губерниям России, попавшим в обзор ВЧК, мы получим за 1918-1921 годы — даже свыше 2 миллионов дезертиров.

Причём это было опасное явление уже не только для большевиков, но и для страны в целом. Выдернутые из родных деревень, оторванные от духовных корней, пропитанные атмосферой насилия и лжи молодые люди — бежали в чужие леса, нападали на население, грабили, громили деревни, устраивали еврейские погромы и т. д.¹⁷¹ Всё это безусловно было прямым результатом атмосферы и порядков, царивших тогда в Красной армии, где постоянно расстреливали командиров по подозрению в предательстве, а простых красноармейцев — «как собак» — за отступления, потерю оружия, обмен обмундирования на продовольствие, политическое инакомыслие и иные провинности такого рода.

Без внутреннего террора Красная армия не могла не только победить, но даже просто — как видно из изложенного — механически сохранить личный состав.

В. И. Ленин специально подчеркнул внутренний террор в армии как новую в истории черту специфической коммунистической военной политики:

«В Красной армии... применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно».¹⁷²

Это был уникальный исторический эксперимент — победить страну оккупационной армией, насильственно составленной из самого оккупированного населения, — армией, управляемой посредством расстрелов.

Изучение коммунистической революции приводит нас к нравственно тяжёлому, но научно необходимому выводу: политические возможности террора, его эффективность — едва не безграничны.

Проиллюстрируем примером населения, оказавшего социализму наиболее сильное сопротивление из всех народов России, — примером героического казачества Дона. По этому вопросу мы располагаем хотя и составленной из разных источников, но достаточно согласованной и специально разработанной нами статистикой.

Население Дона перед Октябрьской революцией приближалось к 4 миллионам человек, а без находившихся в войсках составляло 3 600 800 человек.¹⁷³

На 15 марта 1923 года население бывшей области Войска Донского в составе примерно 7 бывших округов из бывших 9 — исчислено ЦСУ в 1 514 848 человек,¹⁷⁴ а с присоединением населения отошедших к Сталинградской губернии Хопёрского и Усть-Медведицкого округа и части северного Дона, отошедшего к Донецкой губернии Украины — едва достигает 2 миллионов человек. Следует учесть, что на территории Дона скопилось большое число беженцев от голода из Поволжья, и они на 1923 год числятся в составе донского населения, тогда как эмиграция коренного населения Дона с армиями А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, а также миграция во внутренние районы страны не составляет больших величин и для предварительного обзора не является демографически весомой. Число убитых во всех белых армиях на Южном фронте не превышает за 1918-1920 годы 50 000 человек,¹⁷⁵ и

число убитых в них, а также в Красной армии донцов не влияет на семизначный итог общих потерь.

Этот итог показывает, что за годы революции и войны 1917-1922 годов население Дона потеряло по целому ряду причин — примерно половину своего дореволюционного состава, около 2 миллионов человек.

Потеря 50% населения целой области и целого народа — ибо казачество и иногородние Дона представляли собой особое историческое образование — тем более уникальна и начинается собой целую серию социалистических геноцидов XX века, что лишь небольшая часть этих 2-миллионных потерь приходится на непосредственные военные жертвы, на недочащу от недорождения, на смертность от голода, массово смертельно не затронувшего Дон. Основная часть половинной потери населения имеет иные причины.

В нашем распоряжении имеется целая серия опубликованных и ещё не опубликованных документов, относящихся к политике коммунистической партии на Дону. Главнейший из этих документов — подписанное Я. М. Свердловым, тогдашним главой советского государства и партийного аппарата, Постановление Организационного Бюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года:

«Всем ответственным работникам в казачьих войсках.

...

Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильной самую беспощадную войну со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

...

5. Провести полное разоружение. Расстреливать всякого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. В станицах до установления полного порядка оставить вооружённые отряды».¹⁷⁶

Даже из текста самого документа можно охватить масштаб террора: всё зажиточное казачье население — весьма значительная масса донцов; все участники противосоветской борьбы — почти все казаки-мужчины, ибо и до того шла, по словам самого документа, «гражданская война с казачеством»; все потенциальные противники из средней казачьей массы; наконец, все хранящие оружие, каковое казаки носили несколько веков и — не могли его сдавать.

Но установление такого массового террора вооружёнными оккупационными отрядами не могло остановиться даже и на весьма широкой букве документа. Жизнь ещё расширила применение террора.

В результате на Дону, согласно Докладу специальной комиссии казачьего отдела ВЦИК установился

«массовый террор без разбора»,
на который

«население казачьих областей ответило массовым восстанием». ¹⁷⁷ В донском восстании весны-лета 1919 года, как приводилось выше, участвовало вместе с тылами 100 000 человек, восстание было успешно, разгромило армии красного Южного фронта, прорвало фронт, в прорыв устремилась Донская армия генерала Секретова, а за ней другие части Вооружённых сил Юга России А. И. Деникина. В сентябре-октябре 1919 г. эти армии уже угрожали Москве, и могло бы вообще не быть всей последующей истории. Но армии Деникина были вскоре разбиты ударами с тыла — зелёными Черноморья и анархистами и социалистами Украины во главе с Н. Махно, ударами с фронта — Красной армией. Зимой 1920 г. коммунисты вернулись на Дон.

Материалы переписи 28 августа 1920, которые ниже мы будем подробно анализировать, ещё не успевают оставить нам меты тех последствий, которые имело восстание для донцов. Подавление местностей, участвовавших в восстании, ещё не закончилось к лету 1920, они ещё были на военном положении, перепись как раз застала разгар расчистки Дона, о чём окаменелыми цифрами свидетельствуют все противоречия переписи — сведения даются не по всем округам равно, общие сводки — то по 7 округам, то по 9; и только «Статистические ежегодники» последующих лет досылают более или менее полную статистику населения Дона на дату переписи 28 августа 1920. Поэтому картина демографических потерь, устанавливаемая по итогам переписи 1920, будет лишь ча-

стичной. Правильнее подводить итоги по переписи 1923. Но последняя имела узкую городскую программу и подробно не разработана ЦСУ, а сельское население в ней даётся только в исчислениях. По переписи 1923 в сравнении с ранее относящимися материалами можно лишь приблизительно установить самый общий демографический итог — потерю населением Дона с 1917 года около 2 000 000 человек или около 50%. Основная часть этих жертв — погибла от террора до и после восстания 1919, сознательно физически истреблена коммунистическим режимом.

Только уничтожением миллионов, на Дону — до половины населения, было достигнуто временное повиновение народа. Нам представляется, что это и есть — демографическая модель работы социализма и главнейшее средство его победы. И донская статистика потерь не является исключительной по масштабу, по порядку абсолютных величин, а только по относительным величинам она сравнительно выше, чем в остальных районах страны.

Подробную картину демографической революции на Дону по имеющимся статистическим источникам пока можно проследить лишь в пределах 1917-1920 годов, она весьма показательна, но следует помнить, что всё продолжалось, что охват по итогам на 28 августа 1920 лишь частичен.

Источниками для последующих исчислений будут служить:

- 1) Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, взвешенные и уточнённые Сопоставлением статистиков 27 июня 1917. ¹⁷⁸ Из этих материалов мы используем прежде всего данные о наличном, без призванных в войска, населении сельских местностей Дона, а также сопоставимые данные, позволяющие судить о рождаемости, смертности и естественном приросте на Дону среди мирного населения между половиной 1916 и половиной 1917, на даты соответствующих переписей.
- 2) Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, которые учли также и городское население. ¹⁷⁹ Из этих материалов мы используем данные о количестве донцов, призванных в войска — как находящихся в действующей армии, так и отсутствующих и числящихся за армией (то есть пленных, убитых, умерших от ран, пропавших без вести). Из этих же материалов мы почерпнём данные, позволяющие судить о естественном приросте среди мирного населения Дона между половинами 1916 и 1917 годов.

- 3) Подготовленные в 1919 году Сведения Центрального Статистического Управления о численности населения России по губерниям по данным Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года на 1 августа 1917 года.¹⁸⁰ Эти данные в целом уменьшены, и будут служить нам для сопоставлений.
- 4) Данные ЦСУ о сопоставлении рождаемости, смертности и естественном приросте по Европейской России и Северному Кавказу за период 1915, 1916 и 1917 годов, сообщаемые В. Г. Михайловским при публикации предварительных итогов переписи 28 августа 1920 года.¹⁸¹
- 5) Данные о естественной смертности населения Области Войска Донского до I мировой войны, полученные дореволюционным Центральным Статистическим Комитетом и взвешенные ЦСУ, при их публикации, в 1923 году.¹⁸²
- 6) Материалы Всероссийской переписи населения 28 августа 1920 года.¹⁸³ Это базовый источник, но он страдает неполнотой для Дона, противоречиями и недостаточной разработанностью в программе самой переписи. Это объективные трудности всей переписи 1920 и особенно донской её части, так как перепись проходила в разгар войны, повстанчества и подавлений, особенно на Дону. Все данные переписи можно использовать только с коррекциями и дополнениями, как на основе последующих изданий ЦСУ, так и с поправочным материалом специальных самостоятельных исчислений. Взяв из переписи сведения о возрастных группах, родившихся между половинами 1917 и 1920, мы проведём самостоятельные исчисления рождаемости за 1917-1920, прибавив к дожившим до переписи 1920 когортам количество детей, родившихся после половины 1917, но не доживших до переписи 1920. Взяв из переписи итоговую цифру населения Дона, мы сверим её по округам и прибавим не вошедших в итоги переписи донцов, находившихся летом 1920 в войсках.
- 7) Сведения ЦСУ, разработанные в 1920-1922 годах, о прибавлениях к переписи 1920 в части дополнения демографической переписи данными о местных уроженцах, находившихся во время переписи в войсках.¹⁸⁴
- 8) Сведения ЦСУ о смертности в различных возрастных группах по губерниям в 1923 году.¹⁸⁵ Из таблицы ЦСУ мы используем сведения об умерших в возрасте до 1 года в Сталинградской губернии, в которую в 1923 г. входила часть территории

бывшей Области Войска Донского; эти сведения мы сопоставляем с аналогичными данными, полученными из других источников (см. ниже), и, обнаружив их совпадение, считаем возможным перенести на соответствующую возрастную группу, родившуюся в половинах 1917, 1918, 1919 годов, так как масштаб детской смертности в экстремальных условиях после Поволжского и Северо-Кавказского голода 1921-1922 нам представляется близким к масштабу смертности этих групп в годы войны 1917-1920.

- 9) Материалы выборочного обследования, проведённого в Донском округе бывшей Области Войска Донского в 1924 году крупнейшим статистиком А. И. Гозуловым и охватывающего целый ряд показателей относящихся к демографическим процессам всего десятилетия 1914-1924.¹⁸⁶ Из этого источника мы используем как прямо, так и с применением специальной методологии исчислений, несколько показателей. Мы заимствуем данные о рождаемости, смертности и естественном приросте возрастной группы до 1 года, взвешенные для 3 лет 1920-1922 годы. Обнаружив их полное совпадение в отношении смертности к рождаемости с данными для той же возрастной группы в Сталинградской губернии, куда вошли Усть-Медведицкий, Хопёрский и часть 2-го Донского округа бывшей Области Войска Донского, мы полагаем правильным использовать из обследования А. И. Гозулова данные о смертности за 3 года 1920-1922 в следующей возрастной группе — в возрасте 1-3 лет — и на основании изложенного выше перенести их без специальных коррекций на аналогичные демографические процессы 1917-1920 годов. Так строятся поправки на выживание когорт до 1 года и 1-3 лет для рождаемости в 1917-1920 по материалам соответствующих когорт из переписи 1920.

Из обследования А. И. Гозулова мы также используем данные о погибших в войне 1914-1918 на европейском театре военных действий — убитых, умерших от ран, пропавших без вести и не вернувшихся на Дон из германского и австро-венгерского и турецкого плена. Оттуда же мы берём сведения о донцах, погибших в непосредственных боевых действиях на российском театре войны 1917-1922 годов. Все данные о военных потерях мы на основе специальной методологии, изложенной ниже, экстраполируем на всё донское население, взятое на 1916 и 1917.

- 10) Сведения председателя донского Войскового правительства В. Харламова об эмиграции донцов из России после войны 1917-1920 годов.¹⁸⁷
- 11) Сведения о количестве донцов в Красной армии в 1920, в белых армиях, общие данные о численности Донской армии в 1918-1920 годах, о потерях Вооружённых сил Юга России, о потерях Красной армии — все эти данные военной статистики, извлечённые из различных источников¹⁸⁸ служат для выявления предположительного числа донцов, погибших на фронтах войны 1917-1920 исключительно в составе белых и Красной армии, без гибели донцов-повстанцев.
- 12) Информация различных архивных и опубликованных источников о проценте казачества в населении Области Войска Донского в 1917 году.¹⁸⁹ Этот процент будет сопоставлен в итоговой таблице людских потерь Дона за 1917-1920 с общим процентом потерь за эти годы от всего населения Дона 1917 года.

Рассмотрим несколько исчислений-лемм отдельно.

Сначала установим действительное минимальное абсолютное число родившихся на Дону в 1917-1920, считая от половины до половины года.

В первый вертикальный ряд таблицы выпишем совместно мужские и женские возрастные когорты из родившихся в 1917-18, 1918-19 и 1919-20 годах и доживших до переписи 28 августа 1920, используя данные переписи.¹⁹⁰

Для исчисления второго ряда таблицы используем данные о смертности детей в возрасте до 1 года из таблицы ЦСУ в части для Сталинградской губернии и из публикации выборочного обследования А. И. Гозулова. По таблице ЦСУ, в Сталинградской губернии в 1923 приходится на 44 573 рождения — 4 543 смерти детей в возрасте до 1 года¹⁹¹ или 10,19%. По данным А. И. Гозулова, в другой части бывшей Области Войска Донского, в Донском округе, в 1920-1922 годах на 1 509 рождений в выборочной группе приходится 462 смерти детей в возрасте до 1 года¹⁹² или 30,62% за 3 года и соответственно 10,21% в год. Такое совпадение по разным районам Дона позволяет взять средний коэффициент 10,20% как погодную смертность от общего числа новорожденных, а известное совпадение исторических условий позволяет перенести его на предшествующие 1917-1920 годы. Тогда

первый вертикальный ряд таблицы может быть перенесён на второй по формуле $x = \frac{y}{1 - m}$, где x — искомая величина родившихся, y — величина доживших в возрастной когорте, m — процент умерших до 1 года новорожденных.

Третий, итоговый, вертикальный ряд таблицы состраивается на основе следующих сведений, даваемых там же А. И. Гозуловым. К этим сведениям можно относиться с тем большим доверием, что его предыдущие сведения совпадают с полученными ЦСУ другим путём (повидимому, из ЗАГСов) по другой части бывшей Донской области, по округам, вошедшим в Сталинградскую губернию. Итак, А. И. Гозулов там же сообщает, что в зоне его обследования за 1920-1922 годы (показатели которых мы, на основе вышеприведённого обоснования, переносим на 1917-1920 годы) умерло 200 детей в возрасте 1-3 лет. Третью часть этих умерших мы, предполагая за неимением иных данных равномерность их смертности в когортах, — исключаем, поскольку дети, бывшие на половину 1920 старше 3 лет, родились до половины 1917. Остальные две трети дают нам по отношению к родившимся в данной зоне 1 509 человекам 8,84% смертности, по этому проценту мы по приведённой выше формуле корректируем графы второго вертикального ряда таблицы для переноса в третий, а также разносим для групп 1-2 лет коррекцию, и переносим рождаемость этих групп из второго вертикального ряда в третий. В итоге получаем следующую таблицу, последний вертикальный ряд которой даёт нам вероятную рождаемость с половины названного года до половины следующего.

Год рождения	Дожившие до переписи 1920	Они же плюс умершие в возрасте до 1 года	Все названные плюс умершие в возрасте 1-3 лет
1917	40 266	44 840	49 188
1918	25 707	28 627	31 403
1919	16 636	18 526	18 526
Итого:	82 609	91 993	99 117

Обратимся к вопросу о населении Области Войска Донского в 1916 и 1917 годах. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года с поправками, внесён-

ными на основе городской анкеты 1917 года Советом ведущих статистиков России 27-30 июня 1917, показывают наличное население Дона без находящихся в армии и временно отсутствующих в количестве 3 600 800 человек.¹⁹³ Данные переписи 1917 относительно Области Войска Донского получились, это надо прямо сказать, дефектными — очевидно, из-за политического брожения казачества в его реакции на Февральскую революцию 1917 и недоступности донской провинции для счётчиков. Однако число отсутствующих донцов, в том числе мобилизованных в армию и числящихся за ней (даже погибших, пленных, пропавших без вести), показано в опубликованных позднее материалах переписи 1917 довольно, на наш взгляд, достоверно. Возможно, это число получено ЦСУ не из переписи, но из доброкачественных документов Военного министерства, и, несомненно, взвешено перед публикацией с исчислениями и коррекциями по материалам переписи 1917, произведёнными ЦСУ в 1919. Для получения минимального, но достоверного результата, мы не будем причислять к наличному населению всех отсутствующих, но только мобилизованных и числящихся за войсками — как живых, так и погибших и пропавших без вести. Это число — 290 795.¹⁹⁴

Очень важно, что все статистические и исторические источники, начиная с Совещания статистиков лета 1917 и разработок ЦСУ и кончая публикациями 1961-1962 годов, отождествляют наличное и постоянное население в 1916 году с наличным и постоянным населением в 1917 по соответствующим показателям.¹⁹⁵ Иначе говоря, подразумевается тождество наличного населения обоих лет, тождество количества донцов, числящихся за войсками (включая погибших, пленных и пропавших без вести, числящихся как мобилизованные).

Такое отождествление допустимо лишь в одном случае: если между половинами 1916 и 1917 понижение рождаемости и повышение смертности мирного населения пришли в соотношение равенства, и естественный прирост свёлся к нулю. Очевидно, названными источниками и публикациями подразумевается именно такое положение. Разумеется, при этом ещё не производится подсчёт жертв войны среди мобилизованных.

Другой источник по независимо опубликованным данным ЦСУ подтверждает показанное положение и полагает его типовым для всей страны: естественный прирост за годы 1 мировой войны ничтожен, но всё же выше нуля. С 1915 падает рождаемость, с 1916 повышается смертность, в 1916 по данным ЦСУ рождаемость

и смертность приблизительно сравнялись, а в 1917 началась естественная убыль.¹⁹⁶

В связи со сказанным надо провести грань между демографическими процессами, и она проляжет по второй половине 1917 года. Экономический и политический кризис после Февральской революции 1917 привёл к появлению этой грани — переходу от прироста к убыли населения, наложился на отрицательное — но не катастрофическое — влияние Мировой войны и стал переводить это влияние в демографический упадок. Октябрьская революция и начавшаяся война на самой территории России, во всех без исключения её частях, и волна голода в результате аграрной революции — перевели демографический кризис и упадок — в катастрофу. Вторая половина 1917 и является зоной демографического слома. Разумеется, советские статистические источники так прямо это не формулируют, но цифры говорят сами за себя — и соответственно против обеих революций 1917.

Мы полагаем, что в конечном счёте отождествление населения 1916 и 1917 годов, рождаемости и смертности с половины 1916 до половины 1917, принятие нулевого за этот период и ничтожного за весь период войны естественного прироста — и для всей России, и для Дона, — есть принятие минимальных величин для последующих исчислений. В самом деле, из позднее опубликованной статистики явствует, что война снизила естественный прирост за годы 1914-1917 лишь до 1/3 довоенного, и рождаемость в среднем была весьма выше смертности: ведь, как бы то ни было, население России в границах 1917-1939, куда входит весь Дон, увеличилось за годы 1 мировой войны свыше чем на 4 миллиона человек,¹⁹⁷ иначе говоря, давало в среднем свыше чем миллионный годовой прирост.

Для благополучного, не знавшего не только голода, но и лишений за все 1914-1917 годы Дона говорить о демографической значимости повышения довоенной нормы смертности никак не приходится.

Поэтому, даже если принять в качестве минимума нулевой естественный прирост на Дону между половинами 1916 и 1917, его следует связать с падением рождаемости. Исходя из сказанного, мы будем рассматривать для Дона его довоенную норму смертности — 26,1 промилей в год¹⁹⁸ — как константу естественной смертности для 1916 и для 1917, исключая в отдельный ряд исчислений чисто военные потери донцов за период 1 миро-

вой войны. Эту же константу мы будем считать, при презумпции минимального — нулевого — естественного прироста между половинами 1916-1917 годов, — нормой рождаемости между половинами этих годов.

Поскольку мировая война не принесла в естественное движение населения естественной убыли и не повысила норму смертности на Дону, и поскольку мировая война в историческом смысле событий кончилась для России с момента провозглашения её новым, Советским, правительством Декрета о мире, а с этого момента началась уже другая, коммунистическая внешняя и военная политика, — постольку мы будем считать названную константу 26,1 промилей смертности в год — нормой естественной, действительно естественной, природной смертности и для последующих лет 1917-1920. Повышение же смертности за счёт войны на самой территории России, за счёт захвата Дона немцами по Брестскому миру, за счёт превращения донских окрестностей, по словам советских источников, в «Красный Верден»¹⁹⁹ за счёт террора, «расказачивания», голода, эпидемий, тяжёлых условий жизни, отсутствия медицинской помощи и т. д. — мы будем рассматривать по другому разряду, как демографические пертурбации войны 1917-1920 годов. И ещё одно примечание. Подводя ниже итог людских потерь Дона за 1917-1920 годы, мы будем учитывать эмиграцию донцов из России. Вместе с тем мы не сможем, за отсутствием каких-либо сведений, учесть миграцию донцов внутри России. Нам представляется, что этот неучёт вполне допустим. Во-первых, мы также не учитываем для населения Дона половины 1917 года, то есть для исходного к последующему балансу, отсутствующее на месте жительства в момент переписи в августе 1917 мирное население, а ведь часть его в процессе последующей миграции столь же успешно могла вернуться на Дон, сколь успешно другая часть донцов могла мигрировать за пределы Дона. А таких отсутствующих мирных жителей было летом 1917 около 40 000 человек.²⁰⁰ Во-вторых, мы не присчитываем к населению 1917, исходному для последующего баланса, всё-таки имевший место положительный естественный прирост с половины 1916, который, если принять его за половину довоенного, тоже даёт повышение населения на 40 000 человек. В-третьих, — в не в-последних, — сколь-нибудь успешной миграции на Дон и с Дона в 1918-1920 — просто не было и не могло быть. Границы Дона оказались границами военных действий, границами Красного Вердена — Царицына — с северо-востока; Украинского Вердена — с северо-запада, с Донбасса, —

на этой границе Дона сражалось между собой попеременно до десятка политических противников; границами Кубанского Вердена с юга, где дислоцировалась Белая Армия и где долгими периодами лежала красно-белая линия фронта; а на самом Дону в периоды его оккупации красными силами господствовало военное положение, в станицах и хуторах стояли вооружённые отряды, ревкомы и ревтрибуналы, которые имели единственной целью — по выражению тогдашнего трибунала — «пройти Карфагеном» по Дону.²⁰¹ Единственный вид миграции между внешними Верденами и внутренним Карфагеном был для донцов — предписанная цитированным выше постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) депортация станичников на Север, но и она сорвалась из-за Донского восстания весны-лета 1919 и разгрома Южного красного фронта. Это шествие по Дону Карфагеном было продолжено только в 1920, но разгар его пришёлся на время уже после переписи 1920; впрочем, ведь и депортированные казаки — не выжил ни один, не осталось ни следа, ни упоминания.

Подводя итог сказанному, следует прямо заявить, что вся методика наших исчислений баланса потерь населения Дона за 1917-1920 годы содержит от исхода до итога некоторое принижение этих потерь. Мы делаем как бы поправку на возможные ошибки принятых данных, — и эта поправка содержит как бы преизумционную фору социалистическому правительству, в ходе политики которого произошли исчисляемые потери.

Обратимся к непосредственным исчислениям. На основании изложенного выше следует для исходных исчислений принять для населения половины 1916 года — сумму наличного и мобилизованного населения, то есть 3 891 595 человек. Для половины 1917 следует условно принять это же число, но для реального счёта следует уже вычесть военные потери донцов.

В принципе, было бы правильной разнести военные потери по всем годам войны, как это и было в действительности, но состояние источников не позволяет сделать этого для отдельных губерний и для Донской области. Кроме того, это не представляется необходимым для настоящего исследования, рассматривающего демографические процессы не до, а после Октября 1917. Поэтому военные потери Дона — убитых, умерших от ран, пропавших без вести и не вернувшихся из плена, — короче, мобилизованных на войну и не вернувшихся в станицы и хутора Дона — мы рассмотрим как целокупность, выбывшую из населения условно между половинами 1916 и 1917 годов, а без этих

потерь столь же условно будем полагать население Дона на половины названных годов тождественным.

Для сосчёта военных потерь мы снова прибегаем к уже использованному нами выше источнику — выборочному обследованию А. И. Гозулова. На небольшой стихийной выборке (random sample в терминах теории статистики) в 18 090 человек населения Донского округа по данным А. И. Гозулова погибло и пропало без вести за I мировую войну 219 человек и пало в прямых боевых операциях войны 1917-1922 годов — 673 человека.²⁰² Основные военные и повстанческие действия, в каких принимали участие донцы, происходили в 1917-1920 годах, во всяком случае именно в эти годы они были наиболее кровопролитными. Поэтому при экстраполяции данных обследования А. И. Гозулова на всё донское население сконцентрируем боевые потери войны на территории России на периоде 1917-1920 годов. Возможная ошибка лишь несколько сместит соотношение боевых потерь и гибели мирного населения в сторону незначительного уменьшения гибели последнего, что опять-таки даёт принятую нами презумпционную фору большевикам.

Мы должны экстраполировать потери донцов в I мировой войне на население Дона в 1916 году — на 3 891 595 человек, а потери донцов в открытых боевых действиях 1917-1920 годов — на население Дона в половине 1917, то есть на разницу между 3 891 595 и потерями донцов в I мировой войне.

Экстраполяция стихийной выборки на большую массу требует введения специальной методологии, в нашем случае — бионического распределения (bionomical distribution).

Отметим для сравнения, что советские статистики, если они вообще работают с реальными, а не идеальными предположительными (должными!) цифрами (последним 80 лет занимался академик С. Г. Струмилин и продолжает его школа, а в области демографии — вообще почти все советские авторы), обычно механически экстраполируют данные стихийной выборки на большие массы. Например, академик В. С. Немчинов в своей статистике урожайности по выборкам с опытных полей, — необоснованно применяя распределение Пуассона, получал результаты, арифметически превышающие действительность на 25%, и эта методологическая безграмотность и политическая предвзятость главы советской статистики была не из последних причин голода 1932-1934 годов. Орудийное, беспринципное использование статистики ввёл уже В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» (уже молчим о «Капитале» К. Маркса)...

Чтобы провести экстраполяцию по данным А. И. Гозулова, применим следующий трёхступенчатый метод.

Во-первых, кроме долей искомым распределений в выборке — величины ω — найдём возможную ошибку распределения, отклонение распределения, называемое стандартная девиация (standard deviation) — величину μ .

Во-вторых, возьмём, как это принято делать в статистических исследованиях, утроенное отклонение — три стандартных девиации — 3μ , (что даёт вероятность 0,997 за то, что доля полученного результата в генеральной совокупности окажется в установленных пределах, то есть что действительность потерь во всём населении будет: ω результат $\pm 3\mu$) и присоединим её к распределённому (распространённому на всё население) ω . Тогда $\omega + 3\mu$ явится величиной как бы презумпционного максимума, а $\omega - 3\mu$ явится величиной как бы презумпционного минимума (PMax и PMin). Если результат важен для нас не как количественная зона, а как абсолютное число, мы в каждом случае можем обосновывать выбор презумпции. Для объективности нашего исследования мы предпочитаем делать выбор презумпции в пользу большевиков, рассматривая убитых в I мировой войне, то есть не коммунистами, через максимум и оставляя на счету коммунизма минимальные величины.

В-третьих, чтобы избежать механической манипуляции цифрами, презумпционные исчисления должны быть введены в разумную и максимально близкую со смежными данными по другим источникам зону. Тогда мы получим одновременно и наиболее объективные (элиминирующие мировоззрение наблюдателя), и наиболее статистико-математически уравновешенные результаты. Такой презумпционный оптимум (PO) будет средней величиной между распределением на генеральную совокупность и либо презумпционным минимумом, либо — как в нашем донском случае — презумпционным максимумом.

Формулы решения таковы:

$$(1) \quad \mu = \sqrt{\frac{\omega(1-\omega)}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)}$$

где ω — доля выборки, в нашем случае — доля погибших от обследованного населения,

n — численность выборки — величина обследованного населения,

N — численность генеральной совокупности — население Дона в 1917. мой до.

$$\begin{aligned} P_{\text{Max}} &= (\omega + 3\mu) N \\ (2) \quad P_{\text{Min}} &= (\omega - 3\mu) N \\ (3) \quad PO &= \frac{(\omega N) + [(\omega \pm 3\mu) N]}{2} = (\omega \pm 1,5\mu) N. \end{aligned}$$

Мы хотели бы подчеркнуть, что при изучении истории СССР, особенно демографических потерь и повстанчества, вводимый трёхступенчатый метод имеет первостепенное значение: советские переписи для наших целей совершенно не разработаны, но имеется множество разнообразных выборочных данных в источниках, и по ним, используя вводимый метод, появляется возможность получить объективные результаты в объёме массовых величин путём экстраполяции стихийных выборов.

Введём обоснованные выше исходные донские данные в приведённые формулы.

$$\begin{aligned} \omega &= \frac{219}{18090} = 0,01210614 \\ \mu &= \sqrt{\frac{0,01210614 \times (1 - 0,01210614)}{18090} \times \left(1 - \frac{18090}{3\,891\,595}\right)} = 0,0008112 \\ PO &= (0,01210614 + 0,0012168) \times 3\,891\,595 = 51\,847 \end{aligned}$$

Итак, на фронтах I мировой войны погибло, пропало без вести, не вернулось с полей сражений и из плена около 52 000 донцов. Исходя из предложенных и обоснованных выше данных о соотношении населения Области Войска Донского в половинах 1916 и 1917 годов, исчислим население Дона на конец лета 1917. Оно будет условно 3 839 748 человек.

Теперь можно исчислить потери населения Донской области в открытых боевых действиях войны 1917-1920 годов.

$$\begin{aligned} \omega &= \frac{673}{18090} = 0,03720287 \\ \mu &= \sqrt{\frac{0,03720287 \times (1 - 0,03720287)}{18090} \times \left(1 - \frac{3\,839\,748}{18090}\right)} = 0,00140382 \\ PO &= (0,03720287 + 0,00210573) \times 3\,879\,748 = 150\,935 \end{aligned}$$

Итак, боевые потери населения Дона в войне 1917-1920 годов исчисляются в количестве примерно 150 000-151 000 человек.

Следует учитывать, что в составе белой Добровольческой армии донцы имели самостоятельное воинское формирование — Донскую армию, которая в 1918 году понесла большие потери

и к весне 1919 года, то есть к началу самостоятельного Донского восстания, в котором она не участвовала, насчитывала 15 000 бойцов и командиров.²⁰³ Всего же белые армии потеряли на Южном фронте, как сказано выше, не более 50 000 человек за 1918-1919 годы, в 1920 они уже почти не вели боевых действий, максимальная их численность — на лето 1919 — достигала 85 000 человек, а за всё время военных действий на Южном фронте участвовало со стороны Белого движения не свыше 200 000 человек.²⁰⁴ На момент переписи 28 августа 1920 года всего донцов во всех войсках, согласно сведениям ЦСУ, находилось 110 215 человек,²⁰⁵ очевидно, прежде всего имеются в виду донцы в Красных войсках.

Вместе с тем, только в одном восстании весны-лета 1919 года на Дону принимало участие не состоявших в Донской армии, Красной армии и белом движении до 35 000 человек, по новейшему источнику с опорой на архивы — 25 000 конных и 10 000 пеших повстанцев,²⁰⁶ а с тылами — до 100 000 человек.²⁰⁷

Но весьма кровопролитное повстанчество было на Дону и в 1918, и в 1920. Исходя из сказанного и взвешивая приведённые данные, мы считаем уместным остановиться на следующей сумме военных потерь донцов в войне 1917-1920 годов. Погибло в боевых действиях, принимая участие в Белых и Красной армии — 50 000 человек донского населения.

Погибло в открытом повстанчестве, в непосредственных боевых действиях — 100 000 человек донского населения. Цифры, разумеется, округлённые.

Обращает на себя внимание и очень важно для выводов всей нашей работы, что донцов-повстанцев погибло в 2 раза больше, чем донцов-армейцев. Потери повстанцев Дона в два раза больше, чем — другие сравнения — потери всех армий белого движения на Южном фронте за всю войну 1917-1920 годов, и это ещё один показатель размаха повстанчества.

Теперь мы имеем достаточную базу для построения сводных таблиц. Мы используем для первой из них предыдущую лемму — таблицу рождаемости; используем данные наших исчислений о населении Дона в половинах 1916 и 1917 годов; все проанализированные выше данные о рождаемости, смертности и естественном приросте. Остальные показатели таблицы естественно-вероятностных демографических процессов на Дону в 1916-1920 годах — исчисляются нами по введённым в таблицу данным. Точность цифр в таблице имеет, разумеется, чисто служебное значение,

исключительно для исчислений. Для выводов следует все данные округлять.

Год	Вероятное население в половине года при отсутствии дополнительных факторов убыли	Рождаемость с половины года до половины следующего года		Смертность с половины следующего года при отсутствии дополнительных факторов убыли		Естественный прирост с половины года до половины следующего года при том же условии	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1916	3 891 595	101 571	26,1	153 418	39,42281	-51 847	-13,32
1917	3 839 748	49 188	12,81022	100 217	26,1	-51 029	-13,29
1918	3 788 719	31 403	8,28855	98 886	26,1	-67 483	-17,81
1919	3 721 236	18 526	4,97845	97 124	26,1	-78 598	-21,12
1920	3 642 637
Итого за 1916-1920	3 642 637	200 688	5,157%	449 645	11,554%	-248 957	-6,397%
Итого за 1917-1920	3 642 637	99 177	2,58%	296 227	7,71%	-197 110	-5,13%

Итак, вероятное население Донской области летом 1920 года при реальной (то есть резко пошедшей на спад и много ниже довоенной) рождаемости 1917-1920 годов и при естественной (только естественной) смертности в довоенных нормах — должно было составлять, без революции и последовавшей за ней войны на территории России, ориентировочно 3 642 637 человек. На самом деле, по переписи 28 августа 1920 года население 9 округов Дона в прежних границах Области Войска Донского составляло только 2 212 670 человек²⁰⁸ и ещё 110 215 человек были переписаны особым порядком (очевидно, находились в войсках).²⁰⁹ Таким образом, население Дона в половине 1920 составляло только 2 322 885 человек, а вероятные потери за 1917-1920 год составляли гораздо больше половины этого числа — 1 319 752 человека. Из этого дефицита очень небольшая часть приходится на эмиграцию военных донцов и мирного населения Дона с армиями А. И. Деникина и П. Н. Врангеля из России — 28 000 человек.²¹⁰

1 291 752 человека, то есть около 1,3 миллионов человек составляют безвозвратные потери населения Дона только за 1917-1920, а за все годы войны 1917-1922 годов гибель населения Дона от всего комплекса причин приближается, как уже показано выше — к 2 миллионам человек и составляет больше половины дореволюционного населения Дона.

Из безвозвратных потерь за 1917-1920 года только 50 000 приходится на убитых в белых и красных армиях, то есть на то, что принято называть гражданской войной. Остальные почти 1,25 миллиона человек — это погибшее население, из них 100 000 повстанцев, остальные умерли от красного террора, подавлений Дона как такового — или, как говорили в те годы, «Русской Вандеи», — голода, эпидемий и всей послереволюционной политики.

Никак не будет преувеличением заключить, что за 1917-1922 годы около

1 миллиона человек

на Дону — было просто физически истреблено.

До революции 1917 года на Дону было 1 508 000 человек, относившихся (вместе с семьями) к казачьему сословию,²¹¹ они составляли 39,27% населения. Очевидно, что в результате политики «расказачивания», провозглашённой Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) в январе 1919 года, основной итог в 1,3 миллиона безвозвратных потерь населения Дона приходится именно на донское казачество. По данным переписи конца 1926 года процент казачества на Дону много ниже, чем, например, на Кубани или на Тереке.²¹²

Не будет преувеличением заключить из всех приведённых данных, что в результате целенаправленной политики коммунистическая партия и советское правительство физически уничтожили примерно 70% донского казачества.

Следует подчеркнуть, что казаков уничтожали именно по принципу принадлежности к определённой исторически сложившейся группе людей, с её вековыми обычаями, родом занятий, обрядностью, одеждой, топонимикой, особым национальным самосознанием, мифологией и фольклором, и именно эти критерии лежали в основе политики расказачивания.²¹³ Вполне строго говоря, можно утверждать, что казаков уничтожали — по их этническим признакам.

Возможно, и не будучи отдельной нацией, отличной от великорусской нации, — казаки, тем не менее, осознали себя как

отдельную нацию, и их внешне-этническое отличие от других жителей России было как бы признано политикой расказачивания.

Тем самым в уничтожении 70% донского казачества и около половины населения Дона, около 2 миллионов человек за пять революционных лет, — слились не только особая социальная политика революции, но и — это следует сказать прямо — достаточно самоосознанный геноцид.

Соберём итоги нашего исследования по Дону в сводные таблицы.

Сначала произведём обзор результатов только за 1917-1920 годы, а потом сравним основные демографические процессы на Дону за декаду, включающую Мировую войну, Революцию и Войну 1917-1922 на территории России.

Население Области Войска Донского летом 1916 года вместе со всеми мобилизованными	3 891 595
Погибло и не вернулось за I мировую войну	51 847
Население Области Войска Донского летом 1917 вместе с мобилизованными за вычетом потерь в I мировой войне	3 839 748
Естественная убыль населения Дона за 1917-1920	197 110
Вероятное население 9 округов бывшей Области Войска Донского на лето 1920 года при реальной рождаемости 1917-1920 и при естественной смертности в довоенных нормах	3 642 637
Население 9 округов Донской области с добавлением отсутствующих по переписи 28 августа 1920	2 322 885
Дефицит населения Дона за 1917-1920	1 319 752
Эмиграция населения Дона из России	28 000
Безвозвратные потери населения Дона за 1917-1920 ..	1 291 752
Из них боевые потери на полях войны 1917-1920	150 935
В том числе потери донцов в Белых и Красной армиях	50 000
Боевые потери повстанцев	100 000
Потери мирного населения Дона в 1917-1920 годах от политики расказачивания, подавлений, красного террора, голода, эпидемий и военного коммунизма	1 140 817
Потери населения Дона (вместе с повстанцами) без потерь донцов у красных и белых за 1917-1920	1 241 752

Сравним наши итоги.

Безвозвратные потери населения Дона за I мировую войну	51 847
Безвозвратные потери населения Дона за революцию и войну 1917-1920	1 291 752

Общие потери за 1914-1920 за обе войны	1 343 599
Процент потерь за I мировую войну от общего итога	3,86
Процент потерь за 1917-1920 от общего итога	96,14
Процент боевых потерь донцов в I мировой войне от населения Дона 1916 года	1,33
Процент безвозвратных потерь населения Дона за революцию и войну 1917-1920 годов от населения Дона в 1917 году	33,64 (или больше трети)
Процент населения Дона, погибшего за годы революции и войны 1917-1920 без потерь в красных и белых войсках от населения Дона в 1917	32,32 (или около трети)
Погибло донцов за годы революции и войны 1917-1922 (цифра приблизительная)	2 000 000
Они же к населению Дона в 1917	свыше 50%
Из них физически истреблено в ходе политики расказачивания (цифра приблизительная)	1 000 000
Погибло и уничтожено донского казачества за годы революции и войны 1917-1922 (приблизительно)	70%

Остаётся отметить историографический и национальный аспекты донской проблемы. Уничтожение за несколько лет, а точнее за несколько месяцев 1919-1920 годов, около 2 миллионов человек — масштаб, до XX века и социализма неизвестный. По относительному масштабу — уничтожение свыше 50% населения огромной четырёхмиллионной области и около 70% однородной социально-этнической группы населения — можно сравнить только с завоеваниями Древности, варварским нашествием на Европу или колониционными завоеваниями новых континентов. Очевидно, все эти черты были и в социалистическом завоевании России.

В XX веке «расказачивание» 2 миллионов человек открывает целую полосу социалистических массовых уничтожений — миллионов русского и украинского крестьянства в 1928-1938 в СССР и нескольких миллионов евреев в Центральной и Восточной Европе.

Повидимому, во всех этих случаях, начиная с донского, мы имеем дело с новым историческим феноменом — с тесным переплетением национальной и социальной проблемы, при «окончательном решении» которой на целые органические массы, то есть этносы или нации, переносятся социальные критерии. Собственно, даже один критерий — понятый в социальном аспекте прогрессизм. Один социализм исходит из того, что казаки — реакцион-

ная масса, мешающая революции. Другой социализм исходит из того, что евери — «плутократы», враждебные революции.

Нам важно здесь, что социализм в установлении таких теоретических критериев для практики массового уничтожения исходит именно из социально-прогрессистского мировоззрения и лишь доводит его до логического края. Этим, видимо, и объясняется тот характерный феномен историографии, что политическая наука, исходящая из тех же названных предпосылок, совершенно проигнорировала главнейший факт XX века — однородность социализма и геноцида. Нам представляется, что геноцид вытекает не из национализма, а из социализма; по крайней мере, далеко не из всякого национализма, а только из того, который является социальным, социалистическим.

Внимательное изучение истории социалистического движения подтверждает мнение о сородности социализма и геноцида. Одним из ведущих авторов, кто делил нации и их право на жизнь по критерию их отсталости и развитости, реакционности и прогрессивности, революционности и консервативности, — был Карл Маркс. Он приветствовал «самого умного из всех поляков» полковника Лапинского за то, что

«вместо борьбы национальностей он признаёт лишь расовую борьбу. Он ненавидит армян и т. п.»²¹⁴

К. Маркс с удовлетворением цитирует суждения Лапинского:

«крестьяне — это природно-реакционная масса... Россиянин выказал себя опять настоящим татарин» и т. п.²¹⁵

Ф. Энгельс писал:

«На сантиментальные фразы о братстве народов, с которыми обращаются к нам от имени контр-революционных национальностей Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была поныне и является у немцев их первую революционную страстью».²¹⁶

Совместно К. Маркс и Ф. Энгельс писали:

«На одной стороне — революция немцев, поляков и мадьяр; на другой стороне — контрреволюция остальных народов, — всех славян (за вычетом поляков), румын и саксонцев.

Откуда происходит это разделение наций, какие факты лежат в его основе? Разделение это соответствует всей предыдущей истории племён, о которых идёт вопрос. Оно — исходный пункт решения вопроса о жизни и смерти всех этих

больших и малых наций. (...)

Только три нации являлись в 1848 году носителями прогресса, активно вмешивались в историю и сохранили поныне свою жизнеспособность: немцы, поляки и мадьяры. Поэтому и теперь они революционны.

Все остальные большие и малые нации и народы имеют, в качестве своей ближайшей миссии, — уничтожиться в мировой революционной буре. И поэтому теперь они контрреволюционны.»²¹⁷

К. Маркс писал:

«Чехи отброшены в объятия русских. И в великой войне между Востоком и Западом Европы (...) судьба ставит чехов на сторону России, то есть на сторону деспотизма против революции. Революция победит, и чехи станут первыми, которых она раздавит.»²¹⁸

Ещё две цитаты из Ф. Энгельса:

«При первом же победоносном восстании французского пролетариата (...) у австрийских немцев и мадьяр руки будут свободны, и они ответят славянским варварам кровавой мстостью. Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, — и это также будет прогрессом!»²¹⁹

«Со времени революции к ненависти к русским присоединилась ненависть против чехов и хорватов, и мы (...) утвердим революцию против этих славянских народов самыми решительными мерами терроризирования. (...) Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Тогда мы знаем, что нам делать! Тогда борьба, безжалостная борьба не на жизнь, а на смерть с изменническим, предательским по отношению к революции славянством. Тогда — истребительная война и безудержный террор — не в интересах Германии, а в интересах революции!»²²⁰

К. Маркс и Ф. Энгельс были не первыми носителями такой идеологии. Ещё Великая Французская революция делила нации на революционные и контрреволюционные, явилась носителем «революционного шовинизма».²²¹ Французские радикалы XIX века разви-

ли эту позицию, а Парижская Коммуна уже начинала воплощать в практику.²²² В течение столетия германская социал-демократия воспитывала население в соответствующем духе, — Гитлер пришёл на готовое.

В ходе революции и войны 1917-1922 годов на территории России социализм воплотил в жизнь установку прогрессистски мыслящей интеллигенции на физическое истребление реакционной массы контрреволюционной нации рабов, в завещанных К. Марксом и Ф. Энгельсом формах «кровавой мести славянским варварам», «истребительной войны и безудержного террора». Первой частью славянства и первой исторической массой, подвергшейся социалистическому геноциду, оказалось казачество Дона. Треть населения была истреблена. А. Н. Гозулов, выборочным исследованием которого мы пользовались выше, в другой работе указывает, что в ряде станиц Дона было уничтожено до 80-90% жителей.²²³ Председатель Донского бюро РКП(б) С. И. Сырцов в 1919 году отмечал, что началась

«расправа с казачеством», «ликвидация казачества» — в итоге «станции обезлюдели».²²⁴

Но хотя все статистические материалы, по которым мы исчислили гибель 2 000 000 человек, появились ещё в начале 1920-х годов — это опубликованные итоги переписей 1917, 1920 и 1923 годов, — и доступны в любой крупной университетской библиотеке мира, — о геноциде казачества, об истреблении миллионов людей нет в науке не только ни одного исследования, но даже буквально ни одного упоминания. Вообще, этот первый социалистический геноцид не поколебал нравственного чувства ни у одного западного интеллигента или политического деятеля, и в этом факте, наверное, одна из важных причин, почему не были предостращены последующие геноциды в Европе.

Такой исторической лакуне, как замолчание в науке геноцида казачества, несмотря на доступность статистических материалов, — мы видим только одно рациональное объяснение — глубокую интеллектуальную сродственность той части прогрессистской мысли, которая делает историю, и той части, которая её пишет. Для прогрессистского сознания, господствующего в политической науке, донские казаки являются самым реакционным элементом среди самой реакционной массы — крестьянства — в самой реакционной стране — старой России. Являются, можно сказать, реакционерами в кубе. Казаки — символ опоры царского самодержавия и подавления европейских революций.

Один из образованнейших людей своего времени, вождь германской социал-демократии Ф. Лассаль выступал со следующими этно-политическими наблюдениями:

«Отчего русский казак так отстал в развитии? Оттого, что способен жрать сальные свечи и рад, если может напиться скверной сивухи.»²²⁵

Европейская интеллигенция довела пропаганду до того, что казаками матери в Европе начали пугать маленьких детей.

Как бы то ни было, для политической науки и для коммунизма остаётся общим знаменателем, что революция принесла индустриализацию, модернизацию, прогресс и т. п., и спор в политической науке идёт только о формах (о границах применения террора, например), — не о содержании.

Не случайно, в конце концов, такой крупный специалист, как М. Левин, трактует сопротивление рабочих и крестьян России социализму — как бандитизм. Движение против прогресса приобретает в трактовке объективного учёного криминальную квалификацию. Но во всех этих оценках с социальной точки зрения неизбежно присутствует, как сказано выше, и национальная аксиология.

Нам представляется, что историографическая судьба проблемы истребления донского казачества является очень важным фактом для изучения истории общественного и нравственного сознания современной цивилизации.

Теперь предстоит составить общий баланс потерь населения России за годы войны 1917-1920. Для получения исходных данных привлечём специальные разработки, проведённые нами в предыдущей, третьей главе этой книги, — в главе «Население России в 1917 году». Резюмируя несколько десятков страниц исчислений, можно получить следующий ступенчатый вывод. По сводным материалам переписей 1916 и 1917 годов с некоторыми добавлениями из расчётов Совещания статистиков 27-30 июня 1917 года и ЦСУ августа 1919 года²²⁶ находим количество населения Российской империи (на территории 101 губернии) в 1917 году: 179 389 209 человек. Предлагаемая цифра существенно расходится со всеми прежде имевшими место исчислениями: в сторону уменьшения сравнительно с официальной дореволюционной статистикой, в сторону большого увеличения сравнительно с расчётами дореволюционной прогрессивной научной общественности и советской официальной и полуофициальной статистики. Разбор ошибок дореволюционной статистики в определении общего ко-

личества населения России и анализ методологической несостоятельности исчислений прогрессивной общественности (то есть меньшевиков) и советской статистики (тех же самых меньшевиков, но уже на службе) были проведены в упомянутой третьей главе нашей книги, и здесь мы не будем на этом останавливаться. Подчеркнём лишь, что наши выводы базируются на первоисточниках — переписях населения, тогда как выводы досоветских и подсоветских социал-демократов от статистики содержат простое механическое уменьшение официальных дореволюционных прикидок, то есть базируются на предрассудках о работе «царских учреждений». Кроме того, советские (приготовленные социал-демократами-спецами) расчёты имеют целевую установку занижить дореволюционное количество населения, чтобы скрыть потери от революции. За деталями отсылаем читателя к нашей предыдущей главе.

179 389 209 человек в 1917 году — это гросс-население бывшей Российской империи, то есть найденное переписями постоянное население, включающее всех живых людей и всех состоящих на военной службе, о ком родственникам дополнительно неизвестно, что они уже мертвы, и кого родственники соответственно записали в переписных листах как временно отсутствующих по мобилизации. Тем самым, в переписи попали люди, которые в течение 1917 года убиты на фронте, умерли от ран и умерли на фронте и в войсках от болезней, все русские пленные, включая умерших в плену (известий о них у родственников ещё не было) и все пропавшие без вести за все годы войны 1914-1917. Все эти названные категории уже несуществующих на время социалистической революции людей мы находим по русским, советским и немецким статистическим источникам (умерших в плену и пропавших без вести — по немецким и австро-венгерским данным, найденным в архивах генералом Н. Н. Головиным).²²⁷ Общее число, включающее безвозвратные потери 1917 года и умерших в плену и пропавших без вести за 1914-1917 годы, определяется нами в процессе сложных исчислений по указанным источникам в 1 375 064 человека.

За вычетом этого числа из гросс-населения получаем нетто-население, то есть реально существовавшее население 1917 года в границах Российской империи — 178 014 145 человек.

Следующая стадия расчётов — перенос нетто-населения на территорию СССР в границах после 1917 года, то есть на территорию в границах 1924-1939 годов без Бухары и Хивы. Методом исчисления плотности населения на 1 квадратную версту на тер-

риториях отошедших от России и не вошедших в СССР губерний и уездов по специальному справочнику ЦСУ о территориальном распределении²²⁸ находим отошедшее от России население 1917 года: 31 477 972 человека. Это гросс-население, а оставшееся в пределах будущего СССР гросс-население исчисляется в 147 911 237 человек.

По равномерному распределению показанных выше потерь на всё население России без Финляндии (откуда не было призыва на войну), находим, что на попавшее в пределы СССР гросс-население России 1917 года приходится 1 155 717 человек потерь. Таким образом, нетто-население 1917 года в пределах будущего СССР — 146 755 520 человек. Такова исходная цифра населения, которое с октября 1917 года оказалось в зоне работы социалистической революции. На той же территории перепись 28 августа 1920 года по собранным нами самым максимальным итогам (и вместе с находящимися в армии) находит только 134 569 206 человек.²²⁹

Дефицит населения — 12 186 314 человек. Таким образом, за неполных 3 первых года социалистической революции на территории бывшей Российской империи (с осени 1917 по 28 августа 1920) население потеряло 8,3% своего исходного состава. Исследованию этого процесса будет посвящена следующая, пятая глава настоящей книги. Пока же представим ориентировочный баланс потерь.

Население в границах СССР 1924-1939 годов без Бухары и Хивы перед революцией 25 октября 1917 ..	146 755 520
Население СССР по переписи 28 августа 1920	134 569 206
Дефицит за 1917-1920	12 186 314
Эмиграция из России ²³⁰	860 000
Безвозвратные потери	11 326 314
Естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) ²³¹	873 623
Потери от революции и её войны без естественной убыли	10 452 691
Погибло на фронтах, при подавлениях и умерло от болезней со стороны Красной Армии, Продармии, ВЧК, ВОХР ²³²	900 000
Убито повстанцами и зелёными сторонников Советской власти и советских служащих (невоенных) ²³³	100 000
Убито на фронтах, умерло от ран и болезней участников белого движения ²³⁴	300 000
Убито в боях повстанцев и зелёных ²³⁵	1 000 000

Убито белыми при подавлениях, карательных экспедициях, расстреляно и умерло в тюрьмах у белых ²³⁶	200 000
Погибло мирного населения от межнациональных конфликтов на Украине, в Средней Азии, Закавказьи и при нападениях красных, зелёных, белых и иностранных формирований на мирное население (погромы, захваты городов и сёл и т. д.) ²³⁷	500 000
Умерло мирного населения от голода, эпидемий и отсутствия медицинской помощи ²³⁸	2 500 000
Расстреляно органами советской власти, умерло в тюрьмах, пало от красного террора и в результате массового уничтожения мирного населения в зонах подавления народного сопротивления ²³⁹	около 5 000 000
<hr/>	
Итого потери от революции за первые неполные 3 года без эмиграции и без естественной убыли	около 10 500 000
Из них мирного населения (без служащих)	8 200 000

На самом деле, из общего числа погибших за эти неполные три года, мирного населения уничтожено ещё больше, ибо: кто такие повстанцы, павшие на поле боя? — крестьяне, защищавшие свои сёла и семьи от продразвёрстки. Если к тому же учесть, что счёт, приходящийся на ответственность белых и зелёных нами взят по советским источникам по максимуму (см. соответствующие примечания к таблице), то реальные соотношения ещё более сдвигаются в сторону увеличения гибели мирного населения от красного террора и революционных подавлений. Наконец, и графа «естественная убыль» требует разумной интерпретации: почему убыль? уместен ли здесь принятый в науке термин «естественная»? ясно, что превышение смертности над рождаемостью без внешней войны есть явление противоестественное и тоже относится к демографическим итогам революции и социалистического эксперимента.

Полезно провести следующее сравнение: За три года подавления предыдущей революции, в 1906-1908 годах, власть того времени казнила, по подсчётам общественности (завышенным²⁴⁰), — 2 200 человек,²⁴¹ причём исключительно террористов и экспроприаторов.²⁴² За три неполных года революции, 1917-1920 до осени, уничтожено новой властью только путём террора и подавлений около 6 000 000 человек — участников народного сопротивления и просто мирных жителей сёл и городов России (и это — без жертв участников белого движения), из названного числа уничтожено новой властью путём террора — 5 000 000 мирного населения (и это не считая жертв разгрома городов и сёл, погромов национальных меньшинств и т. д., в чём форми-

вания Красной армии тоже отличались больше, чем белые, и не меньше, чем зелёные).

Таким образом, мирного населения от террора новой власти за неполные её три первые года уничтожено в 2 270 раз больше, чем прежняя власть за такой же срок и в такой же экспериментальный период уничтожила террористов в защиту порядка и мирного населения.

Такова количественная и — что особенно важно — качественная разница двух политических систем, существовавших на территории России — одна до, другая после 1917 года. Здесь начинает работать закон больших чисел, и должна прекратиться демагогия, до сих пор господствующая по этому вопросу в политической науке.

Всё это кажется на этих страницах элементарным, и на этом не стоило бы заострять внимание, если бы в многочисленной (разумеется, не официальной советской, но и не лучшего уровня) литературе научной и якобы научной этот простой вопрос не подвергался бы искажениям разного рода. Вообще-то искажения очень полезны в науке, как начало эвристическое. Но у искажённых толкований природы и происхождения описываемого террора существует иная, далёкая от научных интересов, причина: авторы соответствующих логических построений не могут не ощущать своего общего интеллектуального происхождения с авторами соответствующих акций и поэтому стараются списать эти акции на безответного старца Филофея.

На самом деле, количественным и прежде всего качественным анализом приведённых по ходу настоящей работы статистических выкладок — снимаются все аналогии двух политических систем, до и после 1917, все теории преемственности, реставрации и т. д. Здесь уместно воспользоваться гегелевской формулой: количество переходит в какое-то исторически (или даже метаисторически) новое качество. Это новое качество, определяющее социализм от его первых практических дней, и является, на наш взгляд, тем фактором, который послужил одной из основных причин победы социализма.

Нам представляется, что серьёзным исследователям следует изучать это вполне реальное новое качество, вместо того, чтобы искать квазинаучный флогистон-вековой деспотизм, вековое рабство населения и т. п. Во всяком случае, данные статистики опровергают все эти легенды.

Наличие тысяч восстаний, очевидное из приведённой таблицы, миллионные цифры их участников, стоящие за примерно

1 000 000 их жертв, — убедительно опровергают все концепции о русской революции, о незначительности сопротивления, об участии действительных народных масс в приходе социализма в эту страну. Наконец, вряд ли кто-либо из учёных теперь решится называть повстанческие миллионы — бандитами.

Следующий вывод, вытекающий из чтения сводной таблицы, и впервые появляющийся в научной литературе, — говорит о том, что военные действия между народным повстанчеством и организованной коммунистами армией охватывали количественно примерно в три раза больше участников, чем война между белым движением и той же Красной армией.

Тем не менее, социализму, воевавшему против двух сил — белого движения и численно в три раза большего повстанчества, — удалось временно победить национальные силы России. Мы хотим подчеркнуть, что важнейшей причиной победы является именно уничтожение гигантских масс в зонах сопротивления и всех мало-мальски потенциально активных элементов. Иначе говоря, побеждает фактор наличия в социалистической революции явления, которое уместно назвать демографической революцией. Покажем это на материале таблицы возрастных когорт и полового состава населения в Верхне-Донском округе Донской области в 1920 году, то есть после возвращения коммунистов в зону 100 000-ного восстания. Таблица взята из переписи 28 августа 1920.²⁴³

Возрастные группы	Количество мужчин	Количество женщин	На 100 женщин приходится мужчин (исчисление наше по формуле): $r = \frac{M}{Ж} \times 100$
0 — 9 лет	17165	17548	97,8
10 — 19	17388	20187	86,1
20 — 24	2079	6386	32,6
25 — 29	1713	6238	27,5
30 — 39	3414	9193	37,1
40 — 49	3394	7133	54,6
50 — 59	3063	5350	57,3
60 лет и старше	3472	4663	74,5

Аналогична, согласно тому же источнику, структура населения в результате революции по всему Дону.²⁴⁴

Возрастные группы	Количество мужчин	Количество женщин	Процент мужчин во всём населении	На 100 женщин приходится мужчин
0 — 9 лет	249656	250015	49,96	99,9
10 — 19	244792	271478	47,4	90,2
20 — 24	31676	86578	26,8	36,6
25 — 29	31160	81110	27,8	38,4
30 — 39	58617	115880	33,6	50,6
40 — 49	72391	93319	43,7	77,6
50 — 59	57158	72914	43,9	78,4
60 лет и старше	62411	73378	46,0	85,1

Как видно из таблиц, были выбиты целые возрастные когорты, и женские, и мужские особенно в возрасте 20-50 лет, основной удар пришёлся естественно на мужчин, причём такой, что из примерно 250 000-ной мужской когорты 20-30 лет по всему Дону уничтожалось около 190 000 человек.

Сопоставимые по масштабу отношения можно получить и по другим частям России. Они характеризуют и масштабы повстанчества и сопротивления, и механизм работы демографической революции, давшей победу социализму.

В терминах цитированного выше постановления Оргбюро ЦК РКП(б) это и было «поголовное истребление». Вместе с тем, это было и поголовное сопротивление, и видно, что речь идёт не о «третьей силе», а о — главной национальной силе противостоящей интернациональному социализму.

Видно из приведённой выше сводной таблицы, по которой на 1 000 000 потерь мобилизованной социализмом армии приходится свыше 10 000 000 погибшего населения России (да и армия воевала не за социализм, а под дулом террора), — что в 1917-1920 и также позже в России не было никакой гражданской войны. Это была война универсальной исторической силы, — интернационального социализма против России и её народов посредством механизма демографической революции.

Можно высказать предположение (как всякое предположение, оно очень условно и нам нужно только для полного анализа событий), что объединённые белое движение и народное повстанчество вместе с массовым сопротивлением могли общими усилиями победить силу социализма. Однако даже допустим, что не могли. Важно здесь, что факт разъединения белого движения и народного сопротивления облегчил победу социализма. Мы уже отмечали, что многие части народного повстанчества действовали

целиком или в отдельные периоды восстания — совместно с белым движением. Так было в Ярославле летом 1918, в Ижевске и Воткинске, в Донском восстании 1919 и в ряде других. Но существеннее то, что, как мы уже пытались показать, всё в целом народное сопротивление было в сущности своей — силой антисоциалистической, национальной, консервативной, за отдельными окраинными исключениями. Иными словами, по историческому стечению обстоятельств единая патриотическая антисоциалистическая сила сопротивлялась социализму исторически едино, но событийно раздвоенно. Не две силы противостояли социализму, а одна. Но — раздвоенная. Иногда, в самые критические моменты соединявшаяся, но в основном по ходу войны действовавшая разрозненно.

И это явилось второй главной причиной победы социализма. (Первая, как уже было сказано, особая историческая сила социализма и его метод демографической революции, а также предварительное разрушение многих устоев жизни его объективной союзницей — интеллигенцией).

Также было сказано о том, что важнейшая причина раздвоенности антисоциалистического сопротивления России на белое и рабоче-крестьянское повстанчество — особая позиция интеллигенции, выразившаяся в создании большевикам аппарата гражданского управления, в создании прежде всего против белых политической «третьей силы» и — это мы считаем важным подчеркнуть — в предательстве консервативного движения. Это предательство конкретно воплощалось в бездействии интеллигенции и политической общественности в деле создания необходимого белому движению аппарата гражданского управления. Мы уже говорили, что отсутствие такого аппарата привело к тому, что белые армии на территориях своей дислокации и военных действий вынуждены были прибегать к реквизициям, чрезвычайным мерам и т. п. методам чисто военного управления, без чего при наличии аппарата управления можно было обойтись. Методы военного управления приводили крестьянское население занятых белыми территорий к убеждению, что белые такие же насильники, как и красные, и что поэтому надо воевать против большевиков обособленно, не в единстве с белым движением. Сравнительно небольшая группа профессиональных военных не могла решить всего комплекса чисто политических проблем, стоявших перед белыми как перед представительной силой России. А общественность, которая уже по одной профессиональной принадлежности своей к политике, экономике и т. п. обязана была участвовать в

решении этого комплекса проблем, не дала белому движению необходимого количества кадров. В белом движении участвовало слишком небольшое число квалифицированных политиков и экономистов — М. В. Бернацкий, П. Б. Струве, Н. В. Чайковский и немногие другие. Основная масса интеллигенции служила большевикам или заняла позицию сторонних наблюдателей в самой главной войне своей страны против разрушительной мировой силы, каковой позицией также объективно служила победе социализма.

Это явилось третьей главной причиной поражения России.

Наконец, осталось сказать о четвёртой причине, имеющей не меньшее значение. Ясно, что полмиллиона, и менее того, активистов, рассеянных по стране, по 3 человека в каждой деревне, где они были, а они были, как показывает статистика, далеко не в каждой деревне,²⁴⁵ не могли парализовать массовое сопротивление без дополнительной военной силы. Такая сила — Красная армия — была создана коммунистами далеко не сразу. В первые месяцы революции военная сила коммунистов состояла из разрозненных отрядов, и только в августе-сентябре 1918 их удалось превратить в армию в собственном смысле слова.²⁴⁶ Но и эта армия, как указывалось выше, была не надёжна, и бывали острые моменты, когда только организаторская сила коммунистов удерживала от того, чтобы эта армия чуть не целиком не повернула бы против режима.²⁴⁷ Для управления страной и для управления такой ненадёжной многомиллионной армией нужен был такому не имевшему опоры в населении режиму, как социалистический, некий военный костяк, ударный кулак, мобильный, на всё готовый, нацеленный на террор против всех и вся. Нужны были, говоря языком политической аналогии, военные формирования типа СС в национал-социалистической Германии. Без таких формирований вся работа социализма в России не могла увенчаться успехом. Создание таких формирований стало задачей с первых дней революции и даже в процессе её подготовки. И они были созданы, что в конечном счёте обеспечило победу социализма против более опасной силы, чем белое движение вместе взятое, — против массового сопротивления народа.²⁴⁸ Эту ударную силу мы предложили бы называть — ландскнехты революции, с той существенной усиливающей разницей, что ландскнехты социализма воевали не за деньги, а движимые политической организацией и интернациональной социалистической идеологией. В литературе их называют — интернационалисты,²⁴⁹ и этот термин также работает.

Это была денационализированная и деклассированная чело-

веческая прослойка, собранная, спропагандированная и соорганизованная из находившихся в России ко времени революции военнопленных и из люмпен-пролетариата разных стран, находившегося в России на заработках.²⁵⁰ Значительная часть этой массы и была превращена в ландскнехтов мировой революции, часть из которых воевала против народа в России, а другая часть, приобретя опыт первой интернационально-социалистической революции, была разослана по миру в качестве подготовителей следующих ударов этой революции в других странах. Пропаганда и организация ландскнехтов-интернационалистов явилась делом основного ядра интернационального социализма — интернациональной социалистической интеллигенции, оказавшейся в России или съехавшейся туда сразу после революции.²⁵¹

Эта часть работы социализма, почти совершенно не замеченная в западной научной литературе, явилась на деле одним из самых успешных мероприятий и условием успеха в войне на территории России. Советские источники недвусмысленно говорят, что до осени 1918, когда мобилизованные формирования Красной армии были малочисленны, неорганизованны и необучены, ударные отряды интернационалистов и, в частности, полки и бригады Латышской стрелковой дивизии, были основной военной силой в основных операциях, а эти операции были — подавления народных восстаний.²⁵²

Положение в следующие годы войны представлено ниже в сводной таблице. Она составлена по советским источникам, в которых подчёркивается, что статистические данные об интернационалистах далеко не полны, значительно уменьшены, ибо включают бывших военнопленных Центральных держав в рядах Красной армии и внутренних войсках, но упускают поляков, финнов, китайцев, корейцев, персов, сербов и других.²⁵³ Но и в настоящем виде сводная таблица, по нашему мнению, достаточно показательна для анализа структуры вооружённых сил интернационального социализма.

Дата	Численность Красной армии ²⁵⁴	В том числе интернационалисты (без Латышской дивизии) ²⁵⁵	Латыш. дивизия ²⁵⁶	Всего интернационалистов	% всех интернационалистов в войсках
Осень 1918	387 500	50 000	24 000	74 000	19,1
Лето 1920	3 538 000	250 000	18 000	268 000	7,6

Чтение таблицы даёт основания для серии важных заключений. Во-первых, 8-19% интернационалистов — очень высокий процент для любой армии в любой войне, и уникален в истории. Для войны же, в которой основная, набранная по мобилизации, армия — ненадёжна, требует постоянного контроля и террористических прочисток, значение такого процента ударных войск чрезвычайно возрастает. Для войны, в которой основные операции — не стратегические фронтовые, а подавление повстанчества и сопротивления коренного населения,²⁵⁷ роль 8-19-процентного ударного костяка, именно на подавлениях сосредоточенного, — является, на наш взгляд, ключевой ролью в победе режима над населением. Особенно это важно для трудного коммунистам первого года революции — 1918, когда мобилизация только началась, регулярной армии почти не было, восстания не прекращались ни на день, — тогда не неуправляемые отряды красноармейцев, а 19% костяк интернационалистов спас мировую революцию от русского народа. Контролируя остальную армейскую массу, подавляя повстанчество в её рядах и являясь ударным кулаком в войне против населения, формирования ландскнехтов-интернационалистов стали главной, решающей силой социализма в 1917-1920. Следовательно, социалистический режим на территории России по существу оказался режимом оккупационным, а война 1917-1922 годов была интернационалистско-социалистической оккупацией России.

Во-вторых, при хорошо организованной постоянной переброске по территории страны,²⁵⁸ гигантский ударный кулак интернационалистов был способен подавить даже 100-тысячные восстания. Социализм проявил феноменальные способности и организовал мощную стратегическо-политическую систему, способную завоевать очень большую страну с очень непокорным народом.

Следовательно, всемирно-историческое значение народного сопротивления в России состоит в том, что оно отвлекло на себя вооружённую интернациональную силу, возглавляемую самым стратегически способным политическим аппаратом в истории, и защитило остальной мир от мировой революции.

На основании изложенного можно подвести итоги наших наблюдений над новейшей историографией народного сопротивления России коммунизму.

Апофеоз политического прогресса оказался крайним выражением экономического регресса, экономической реакции, серией

революционных преобразований произвёл экономическую контрреформу и разрушил хозяйство страны, прежде всего сельское хозяйство. В качестве экономической контрреформы политический прогресс явился переломом исторического развития России, затормозил её производительные ресурсы, разрушил все основания её жизни и создал систему, квазицивилизацию нового типа. Средством утверждения новой цивилизации явилась демографическая революция — были истреблены, выбиты целые когорты населения. Утвердился интернационалистический оккупационный режим, русская история осталась только в сопротивлении ему, в сопротивлении, оградившем остальной мир от сокрушительной ударной силы социализма.

Однако вся историография новейшей истории России основана именно на исходной концепции политического прогресса. Соответственно она глубоко отрицательна в отношении старой России за то, что она несколько десятилетий боролась против социализма в Европе и на российской территории; применяя только политические оценки, апеллирующая к прогрессу политическая наука игнорирует экономический прогресс старой России и глубоко деструктивную, регрессивную в этом отношении роль интеллигенции в её интеллектуальной и политической войне против России.

Когда в оборот политической науки попали факты о террористическом характере социалистического режима на территории бывшей Российской империи, в рамках исходных прогрессивных установок не оставалось ничего другого, как создать концепцию, что в СССР не социализм и не прогресс, а каким-то сложным генетическим путём произошедшая реставрация извечно-го русского деспотизма, возможная благодаря рабской природе населения.

Когда появились в научном обороте факты о массовом народном сопротивлении, разрушающие легенду о впитанном веками русском деспотизме, пошли трещины по всем предыдущим концепциям прогрессивного пути в истории, возникла ситуация, в которой научно честное мышление должно отказаться от интеллектуальных верований по меньше мере трёх веков. Сдерживающая попытка найти компромисс и объявить народное сопротивление коммунизму дополнительной антиконсервативной, революционно-демократической, социалистической силой, не выдержала проверки ни фактами, ни логикой, и вызвала скептическое отношение в среде самих политических учёных.

Создалось кризисное положение науки, основанной на концепции политического прогресса. Отрицать факты она не может, но признать их — значит отказаться от собственных исходных установок в отношении русской и европейской истории нескольких веков. В этом кризисном положении один из самых серьёзных представителей политической науки не нашёл иного выхода, кроме как обвинить сопротивлявшуюся насилию и замкнувшую на себя коммунизм нацию — в бандитизме.

Двести лет, с апелляцией к прогрессу, твердилось: нация рабов. Когда эта нация преградила своим телом путь основному результату прогресса, и к концу 1970-х годов такое положение прояснилось, только и осталось сказать: нация бандитов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rewriting of Russian History. NY, 1956. 2 ed. 1962.

² R. Conquest. The Great Terror. L., 1968. Русское издание: Рим, 1974.

³ Там же, стр. 663, 883-884, 16.

⁴ Н. С. Хрущев. О преодолении культа личности и его последствий. Доклад на XX съезде КПСС. М., 1956.

⁵ В. А. Максимов. Кулацкая контрреволюция и Ижевско-Воткинское восстание. Ижевск, 1933, стр. 65. Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. Т. I. М.-Л., 1925, стр. 96.

⁶ В стане контрреволюции. "Известия ВЦИК", 1918, № 156, 25 июля, стр. 2. "Шестнадцать дней". Ярославль, 1924, стр. 253. Д. Калинин. У белых под пятой. — "Шестнадцать дней", стр. 83.

⁷ Стратегический очерк наступательной операции Южного фронта за период январь-май 1919 года. М., 1919, стр. 45-47. Н. Е. Какурин. Ук. соч., стр. 96-98. М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. III. М., 1936, примечание к главе 57, стр. 364-366. В других изданиях эпопеи историческая справка отсутствует.

⁸ М. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте", 1926, № 1, 2. И. Н. Кольбин. Борьба за Волгу и Каму в 1918 году. Л.-М., 1931. Г. Семенов (Васильев). Военная боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 годы. М., 1922. Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, стр. 177-271. Н. Е. Какурин. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.-Л., 1928. Его же. Как сражалась революция. т. I, стр. 96-111. И. А. Кириллов. Очерки земле-

устройства за три года революции. 1917-1920. П., 1922. Антоновщина. Сборник статей. Тамбов, 1923. Н. А. Орлов. Система продовольственной заготовки. Тамбов, 1920. М. Н. Покровский. Контр-революция за 4 года. М., 1922. Ленинский сборник. XVIII. М., 1931, стр. 200-209. В. А. Максимов. Ук. соч., стр. 43 сл. Е. Б. Бош. Встречи и беседы с Владимиром Ильичом. — "Пролетарская революция", 1924, № 3, стр. 167-169. Внутренние войска Советской республики. 1917-1922. Документы и материалы. М., 1972, стр. 6, 66.

"Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской области", 1918, 3 апреля. Г. Д. Костомаров. Боевые годы. — "За власть Советов". Орел, 1957, стр. 125. Государственный Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОРСС МО), ф. 2188, оп. 1, ед. хр. 1854, л. 2. Там же, ф. 2184, оп. 1, ед. хр. 1857, л. 4. В. М. Фефелов. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии. — "Известия Воронежского педагогического института", т. 31. Воронеж, 1960, стр. 39-41. ГАОРСС МО, ф. 2185, оп. 1, ед. хр. 1076, л. 1. Р. Г. Цыпкина. Красная гвардия в сельской местности Центрального района. Апрель 1917-май 1918. — "Борьба за победу и укрепление Советской власти. 1917-1918". Сборник статей М., 1966, стр. 148. ГАОРСС МО, ф. 2184, оп. 1, ед. хр. 1582, л. 1-2, ед. хр. 1167, л. 1.

Центральный государственный Архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 7, 12, 30, 36, 44, 49, 54. Центральный Государственный Архив Удмуртской АССР, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 34, л. 4. А. В. Шестаков. Блок с левыми эсерами. — "Историк-марксист", 1927, № 6, стр. 102. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 152-153. ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 32-6, л. 1, оп. 4, ед. хр. 51, л. 7-54, оп. 3, ед. хр. 34, л. 148, 161-162. "Правда", 1918, 13 ноября. М. Я. Лацис-Судрабс. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, стр. 56. ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, ед. хр. 22, л. 15, оп. 2, ед. хр. 127, л. 45, оп. 1, ед. хр. 122, л. 23, 30, 42. ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2; ф. 2189, оп. 1, ед. хр. 91, л. 2; ф. 2191, оп. 1, ед. хр. 1561, л. 2; ф. 2187, оп. 1, ед. хр. 103, л. 3, 9; ф. 2165, оп. 1, ед. хр. 450, л. 6. И. Флеровский. Мятёж мобилизованных матросов в Петербурге 14 октября 1918 года. — "Пролетарская революция", 1926, № 8, стр. 218-238. Я. Яковлев. Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921. Гражданская война. Т. 1., 1923. Путь коммунизма. Кн. 8. Краснодар, 1922. М. Равич-Черкасский. История коммунистической партии Украины. Харьков, 1923. И. Н. Смирнов. Конец борьбы с колчаковщиной. — "Пролетарская революция", 1926, № 1. И. Строд. Из эпохи гражданской войны в Восточной Сибири. — Там же, 1926, № 5. Б. Леонидов. Эсеров-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним. — "Революция и война", 1922, № 14-15. М. Н. Тухачевский. Борьба с контрреволюционными восстаниями. — "Война и революция", 1926, № 8, стр. 5-11. Антоновщина. Сборник материалов и документов. Тамбов. 1921. М. А. Богданов. Разгром Ишимско-Петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 году. — "Ученые записки Ишимского Гос. Педагогического Института", т. 3. 1959. В. И. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. т. IV. М., 1933.

⁹ В. И. Ленин. Сочинения. 1-е издание. т. XVIII, часть II, стр. 93.

¹⁰ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17201. (Переписка Ф. С. Степного, Ф. Э. Дзержинского и В. И. Ленина) Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам от 26 марта 1921. — В. И. Ленин и ВЧК. М., 1975, стр. 435, пункты 2, 4, 5 и преамбула. В. И. Ленин. Полное собр. соч. т. 43, стр. 23-24. Там же, т. 50, стр. 306, 314, 319. Там же, стр. 290.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 34, л. 93.

¹² В. И. Ленин. Полное собр. соч. т. 43, стр. 23-24. Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам от 26 марта 1921 г. М. Н. Тухачевский. Ук. соч. — "Война и революция". 1926, №№ 7, 8, 9.

¹³ Постановление ЦК ВКП(б) от 3 мая 1928 "О состоянии и работе казакской парторганизации". — "Справочник партийного работника" (СПР), вып. VII, ч. 1. М., 1930, стр. 325-326. Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 "О положении в Якутской парторганизации". — СПР, вып. VII, ч. 1. стр. 349-350. Запись беседы Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменевым. — "Бюллетень оппозиции", 1929. Запись беседы М. С. Бернштама с сыном генерала А. И. Верховского. — Приводится в названной книге Бернштама. Постановление XVI съезда ВКП(б). — "КПСС в резолюциях...". т. 3. М., 1954, стр. 61. Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока. М., 1938, стр. 156. Резолюция Январского 1933 Пленума ЦК ВКП(б). — "КПСС в резолюциях". т. 3, стр. 187. Б. П. Шеболдаев. Речь на партийном активе в Ростове 12 ноября 1932 года. Цит. по: А. Радин, Л. Шаумян. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов, Партиздат, 1933, стр. 14 сл.

¹⁴ Пограничные войска СССР в 1945-1950 годах. Документы и материалы. М., 1975.

¹⁵ «Unita», Roma, 1949, 27 febbraio.

¹⁶ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. V-VI-VII. Париж, 1975, стр. 239-351.

¹⁷ K. Wittfogel. The Oriental Despotism. New-Haven, 1957.

¹⁸ И. Р. Шафаревич. Социализм. — "Из-под глыб". Париж, 1974. Его же. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.

¹⁹ Н. Б. Тер-Акопян. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и общину. — "Народы Азии и Африки". М., 1965, №№ 2, 3, 4.

²⁰ H. J. S. Maine. Popular Government. London, 1885, p. 154.

²¹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 585-593. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2. Том 42. М., 1974, стр. 114-120, 127.

²² Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому. 16 февраля 1884 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 372. Ф. Энгельс. Письмо П. Лафаргу. 11 августа 1884. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 издание. Том 36, стр. 166-167. Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому. 16 февраля 1884 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 96-97.

²³ К. Маркс. Второй Манифест Генерального Совета Интернационала. 9 сентября 1870. — "Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону с приложением некоторых мест из их писем к другим лицам." СПб., 1908, стр. 105-106: "Для Германии останутся открытыми в будущем только два пути. Ей придется или стать откровенным слугою усиления и возвеличения России, к чему бы это ни привело; или же изготвиться после кратковременного отдыха к новой "оборонительной" войне, и притом не к одной из новоиспечённых "локализованных" войн, а к настоящей расовой борьбе против соединённых славянских и романских рас".

Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. т. 22. М., 1962, стр. 11-52.

Сборник документов см.: K. Marx et F. Engels. La Russie. Paris, «Inedit», 1974. Сводку материалов см.: Д. Б. Рязанов. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. Историко-критический этюд. П., 1918.

В. М. Чернов. Марксизм и аграрный вопрос. Историко-критический очерк. Ч. 1. СПб., 1906. Его же. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. П., 1917.

²⁴ Paul Avrich. Kronstadt 1921. NY, 1974.

W. H. Chamberlin. The Russian Revolution, 1917-1921. vv. 1-2. NY, 1935.

A. Ciliga. The Kronstadt Revolt. L., 1942.

U. Fedeli. Dalla insurrezione dei contadini in Ucraina alla rivolta di Cronstadt. Milano, 1950.

I. Melt. The Kronstadt Commune. L., 1967.

E. Pollack. The Kronstadt Rebellion. NY, 1959.

S. Singleton. The Tambov Revolt (1920-1921). — «Slavic Review» XXV, Sept. 1966, p. 497-512.

Oliver H. Radkey. The Unknown civil war in Soviet Russia: A study of the Green movement in the Tambov region 1920-1921. Stanford, 1976.

²⁵ Moshe Lewin. Review on: O. Radkey 1976. In: «Slavic Review», v. 36, No. 4, Dec. 1977, p. 682-683. (below: M. Lewin 1977).

²⁶ O. Radkey. The election to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambr., Mass., 1950.

²⁷ O. Radkey. The Sickle under the Hummer: the Russian Socialist Revolutionaries in the early months of Soviet Rule. NY & L., 1963.

²⁸ O. Radkey. The agrarian foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries. February to October, 1917. NY & L., 1958.

²⁹ Leopold H. Haimson. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambr., Mass., 1955.

L. Haimson, ed. Inter-University Project on the Menshevik movement. v. 1-14. NY, 1960-1963 (below: IUPMM).

L. H. Haimson. Three Generations of the Soviet Intelligentsia. In: «Foreign Affairs», v. XXXVII, Jan. 1959.

L. Haimson. Preface. In: B. L. Dvinov. From Legality to the Underground. Stanford, Ca., 1968, p. 5-8.

L. Haimson, ed. and Preface. In: The Mensheviks: from the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago, 1974.

³⁰ IUPMM: Г. Я. Арнонсон. Движение Уполномоченных от рабочих и заводов в 1918 году. 1960.

М. Хинной. У истоков меньшевизма. 1960.

Г. Арнонсон. К истории правого течения среди меньшевиков. 1960.

М. Д. Шишкин. Из воспоминаний кооперативных и политических. 1960.

Б. Двинов. Московский Совет рабочих депутатов. 1917-1922. 1961.

П. А. Гарви. Революционные силуэты. 1962.

С. Волин. Большевизм в первые годы НЭП'а. 1961.

Л. Дан. Из встреч с Верой Николаевной Фигнер. 1961.

Статьи, посвященные Ю. О. Мартову, собранные из разных источников И. М. Геупером. 1961.

Е. А. Ананьин. Из воспоминаний революционера. 1905-1923. 1961.

Б. И. Николаевский. Большевики в дни Октябрьского переворота. 1962.

Ю. Гринфельд. Из воспоминаний о борьбе за свободу и народовластие в Одессе 1918-1920 гг. 1962. И т. д.

The Mensheviks. Chicago, 1974.

³¹ In: «The Mensheviks»: D. Dallin, L. Lande, J. Denike, S. Wolin, B. Sapir.

In: IUPMM: П. А. Гарви. Ук. соч. Е. А. Ананьин. Ук. соч.

Б. Л. Двинов. От легальности к подполью. 1921-1922. Приложение: Г. Кучин-Оранский. Записки. Стэнфорд, 1968.

³² Г. Я. Арнонсон. Движение Уполномоченных от рабочих фабрик и заводов в 1918 году. Нью-Йорк, 1960.

³³ Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов г. Петрограда. № 1-2. 18 марта 1918 г. — «Континент», кн. 2. Париж, 1975, стр. 385-419.

³⁴ А. Г. Ефимов. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 гг. Конкорд, Калифорния, 1975.

³⁵ А. Ган (А. Гутман). Россия и большевизм. Ч. 1. 1914-1920. Шанхай, 1921, глава «Ижевское восстание», стр. 262-271.

Г. Арнонсон. Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой. — «Против течения». вып. 1-2. Нью-Йорк, 1952, стр. 66-77.

Н. Сапожников. Ижевско-Воткинское восстание. Август-ноябрь 1918 г. — «Пролетарская революция», Москва, 1924, № 8-9 (31-32), стр. 5-41.

Владимирцев. Как рабочие и крестьяне восстали против большевиков. Омск, «Русское общество печатного дела», 1919.

Из недавнего прошлого. Ижевск, 1921.

Г. Струмило. Из записок рабочего. — «Заря», Берлин, 1922, № 3, стр. 76-81; № 4, стр. 112-116; № 5, стр. 143-148; № 6, стр. 171-175.

И. Уповалов. Как мы потеряли свободу. Из воспоминаний рабочего социал-демократа. — «Заря», 1922, № 7, стр. 202-206; № 8, стр. 244-248; 1923, № 2, стр. 51-56; № 3, стр. 78-82.

И. Уповалов. Рабочее восстание против советской власти. — «Заря», 1923, № 4, стр. 115-120; № 5, стр. 140-143; № 6-7, стр. 178-181.

³⁶ В. Сергеев. Ижевск в огне гражданской войны. 1917-18 годы. Ижевск, 1927, стр. 38-39, 41-44.

³⁷ В. И. Ленин. Телеграмма выксунским рабочим. 31 мая 1918. — В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, 5 издание (далее — ПСС), с. 50, стр. 86.

³⁸ В. М. Корнев. Инициатива выксунцев. — «Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917-1922 годах». М., 1972, стр. 63-65.

³⁹ «Собрание Уполномоченных...», стр. 417-419.

Листовка Организационного комитета по созыву Рабочего съезда. — Приводится по: «Известия ВЦИК», 1918, № 156 (420), 25 июля, стр. 3.

Тезисы Рабочего съезда. — Приводится по: «Дело рабочей конференции», — «Известия ВЦИК», 1918, № 158, 27 июля, стр. 3-4.

⁴⁰ Р. Г. Цыпкина. Сельская красная гвардия в Октябрьской революции. По материалам Центрального промышленного района. М., 1970.

⁴¹ Д. Калинин. У белых под пятой. — «Шестнадцать дней. Материалы по истории Ярославского белогвардейского мятежа. 6-21 июля 1918 г.». Ярославль, 1924, стр. 72-73.

Очерки истории Ярославской организации КПСС. Яр., 1967, стр. 189.

⁴² В. М. Чернов. Историк или истерик? — «Воля России», Прага, 1925, кн. 3, стр. 114.

- 43 П. Г. Софинов. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917-1922 годы. М., 1960, стр. 88. Многочисленные источники перечислены в примечаниях 6 и 8.
- 44 Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, стр. 236. Многочисленные источники представлены в примечаниях 7 и 8.
- 45 Источники перечислены в примечаниях 5, 34, 35, 36.
- 46 Н. Н. Воронович. Зелёная книга. История крестьянского движения в Черноморской губернии. Сборник материалов и документов. Прага, 1921.
Н. Н. Воронович. Меж двух огней. — "Архив русской революции". Берлин, 1922, том VII.
М. Василенко. Страницы прошлого. — "Военный вестник", 1921, № 4, стр. 9-12.
И. Шевцов. Как я взял Майкоп. — "Пролетарская революция", 1922, № 7.
М. Добраницкий. Зелёные партизаны. — "Пролетарская революция" 1924, № 8-9 (31-32), стр. 72-98.
П. А. Аршиннов. История махновского движения. 1918-1921 гг. Берлин, 1923.
Я. А. Яковлев. Русский анархизм в великой русской революции. Харьков, 1921.
М. И. Кубанин. Махновщина. М., 1927.
- 47 Стенограмма I партийной конференции военных коммунистов. Борисоглебск, июль 1921. — "К истории ликвидации антоновского мятежа. 1921 г." — "Исторический архив". М., 1962, № 4, стр. 203-208.
- 48 Там же, стр. 203.
- 49 К. Т. Вакулин. — "В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922 гг." М., 1975, стр. 584. Телеграмма председателя Астраханской ГубЧК Ф. С. Степного Председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому. 7 февраля 1921. — Там же, стр. 434. Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам. 26 марта 1921. — Там же, стр. 435.
- 50 М. Н. Тухачевский. Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение типичного бандитизма. — "Война и революция", № 8, стр. 7-8. Этот источник О. Радки, к сожалению, также не удалось использовать, так как сделанные им в Москве выписки у него украл советские коллеги, о чём автор сообщает на стр. 438 своего труда.
- 51 Стенограмма I партийной конференции военных коммунистов, стр. 204.
- 52 Там же, стр. 205, 207-208.
- 53 Там же, стр. 208.
- 54 В. И. Ленин. Отчёт о политической деятельности ЦК РКП(б) X съезду РКП(б). 8 марта 1921. — В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 24.
М. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте", 1926, № 2, стр. 43.
М. Н. Тухачевский. Ук. соч. "Война и революция", 1926, № 7, стр. 5.
Л. М. Спириин. Ук. соч., стр. 245.
Г. Лелевич. Стрекопытовщина. М.-Л., 1923.
В. А. Антонов-Овсенко. Записки о гражданской войне. том IV. М., 1933: об отряде И. С. Колесникова.
Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917-

- 1925 гг. М., 1975, стр. 276-290, 370-423, 450-473, 483-493, 584-609.
И. Горелов. Подтёлков и Кривошлыков. Ростов, 1937.
А. И. Панасюк. Документы январского восстания 1919 г. в Ташкенте. Ташк., 1925.
С. Болотов. Из истории Осиповского мятежа в Туркестане. — "Пролетарская революция", 1926, № 6.
Б. Леонидов. Эсеров-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним. — "Революция и война", 1922, № 14-15. Этот важный источник также упущен О. Радки, хотя входит в зону его исследования.
И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. 1921-1923 гг. Ч. 1. Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. Л., 1964, стр. 109-114, 259-265.
И. Т. Смилга. На повороте. Только для членов РКП(б). М., 1921.
И. Т. Смилга. Речь на X съезде РКП(б). — "Стенографический отчёт X съезда Российской коммунистической партии. 8-16 марта 1921 г." М., 1921, стр. 114-118.
К. Х. Данишевский. Речь на X съезде РКП(б). — "Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г." М., 1963, стр. 284-285.
Десятый съезд РКП(б), стр. 258, 787, 880: об отрядах Маслакова.
Там же, стр. 285, 881: о восстании 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии в Самарской губернии под руководством командира дивизии Сапожниковова.
- 55 Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. 1917-1918 годы. Сборник документов. Тамбов, 1957, стр. 124-125, 139, 142-143, 157, 162, 177, 181-182, 188, 190, 198, 202, 206-207, 208-211, 90, 223-229, 232, 240-245.
В. С. Александров. Предисловие. — Там же, стр. 3-20.
В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте. 27 июня 1918. IV конференция профсоюзов и фабзавкомов Москвы. — В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 444-445, 450-451.
Красная Книга ВЧК. т. 1. М., 1920, глава I.
- 56 С. Волин. Меньшевизм в первые годы НЭПа. Нью-Йорк, 1961, стр. 8. Передовая статья. — "Социалистический вестник", 1921, № 21.
- 57 А. Казаков. Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании 1920-1921 гг. М., 1922. Выражаем глубокую благодарность А. И. Солженицыну за предоставление копии этого важного источника.
- 58 М. А. Богданов. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.
- 59 И. Я. Трифонов. Ук. соч. "Десятый съезд РКП(б)", стр. 258, 284-285, 881.
- 60 В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 23-24.
- 61 М. С. Бернштам. Отмечая 5 сентября. Историческая справка. — "Вестник РХД", кн. 120. Париж, 1977.
- 62 Вопросы истории религии и атеизма. Том 9. Современное сектантство и его преодоление. По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 году. М., 1961.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области. По материалам экспедиции Института истории АН СССР в 1959 г. — "Вопросы истории религии и атеизма" (далее — ВИРА), том 8. М., 1960, стр. 59-100.
А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии религиозного течения истинно-православных христиан по материалам исследований

- в центральных областях РСФСР. — "Вопросы научного атеизма". Том 16. М., 1974, стр. 103-124.
- На всякий случай, во избежание кривотолков, подчеркнём, что мы, как все пишущие по этому вопросу, употребляем понятие "истинно-православные" как термин, не давая явлению никакой религиозной оценки и не противопоставляя его другим явлениям Православия и Христианства.
- ⁶³ В. Рожицын. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. М., 1926.
Ф. Путинцев. Политическая роль и тактика сект. М., 1935.
Ф. Путинцев. Политическая маскировка религиозных организаций. М., 1931.
М. В. Попов. Церковь в годы реакции и революции. Иваново, 1931.
М. В. Попов. Церковь в наши дни. Иваново, 1930.
М. В. Попов. Рясники и сектанты. Иваново, 1930.
По очагам сектантского мракобесия. М.-Л., 1931.
С. Навагинский. Церковное подполье. Воронеж, 1929.
А. Лунин. Фёдоровцы-крестоносцы. М., 1930.
А. Лунин. Фёдоровщина и тихоновщина. — "Безбожник", М., 1929, кн. 23.
А. Логинов. Сектантская контрреволюция перед пролетарским судом. М., 1933.
П. К. Зарин. Политическая маскировка религиозных организаций. М., 1934.
П. К. Зарин. Добъём классового врага, прикрывающегося религией. — "Безбожник". М., 1934, кн. 1.
П. К. Зарин. Работа сектантов в Воронежской губернии. — "Анти-религиозник". М., 1928, кн. 1.
А. Дологов. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930.
М. Дубровский. Чёрный отец и жёлтые братья. М., 1930.
Б. Кандидов. Церковь и гражданская война. М., 1931.
А. Юрин. Под маской религии. М., 1939.
М. В. Попов. Сектантство ИПО прежде и теперь. Иваново, 1931. и мн. др.
- ⁶⁴ Обзор см.: А. И. Демьянов. Истинно православное христианство. Критика идеологии и деятельности. Воронеж, 1977, стр. 8-22 и др.
- ⁶⁵ А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 91-97.
Л. Н. Митрохин. Реакционная идеология истинно-православной церкви на Тамбовщине. — "ВИРА", том 9, стр. 146-155.
З. А. Никольская. К характеристике течения так называемых истинно-православных христиан. — Там же, стр. 161-173.
А. И. Клибанов. Религиозное сектантство и современность. М., 1969, стр. 5 сл.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 13-40, 59-113.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 113-120.
- ⁶⁸ А. И. Клибанов. Там же. А. И. Демьянов. Там же.
- ⁶⁹ Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 147.
Запись воспоминаний священника Г-ма. — Там же, стр. 147-148.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 91.
- ⁷⁰ А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 92.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 149-153.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 15-27.
- ⁷¹ А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 14, 22-70, 103-119.
- ⁷² Там же, стр. 12-14, 18-22, 24-26, 27-28, 33-36, 41, 62-64, 67, 81, 86-88, 109-111.
- ⁷³ Ю. В. Крянев. Типология религиозных объединений и дифференциация атеистического воспитания. — "Вопросы научного атеизма". том 3. М., 1967, стр. 41 сл.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 61-67.
- ⁷⁴ Там же, стр. 17-21.
З. А. Никольская. Ук. соч., стр. 164.
А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии..., стр. 104, 107.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 61, 91.
- ⁷⁵ А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии..., стр. 107.
- ⁷⁶ Там же.
З. А. Никольская. Ук. соч., стр. 164.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 17.
- ⁷⁷ К. Криптон. К вопросу исторического прошлого Русской Православной Церкви. — "Вестник РХД", кн. 118. Париж, 1976, стр. 91.
К. Криптон. О тамбовском восстании 1921 г. Из записок очевидца. — Там же, кн. 121. Париж, 1977, стр. 361-362.
- ⁷⁸ А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 92.
- ⁷⁹ Там же, стр. 94-95.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 149-153.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 24-26.
- ⁸⁰ Там же, стр. 26-40.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 151-154.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 92-93.
- ⁸¹ А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии, стр. 106.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 95-97.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 155.
З. А. Никольская. Ук. соч., стр. 166-173.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 40-59, 68, 80-102, 107-111, 28-40.
- ⁸² Н. Н. Воронович. Ук. соч. М. Василенко. Ук. соч. М. Добраницкий. Ук. соч.
- ⁸³ М. Левин. Ук. соч., р. 683.
- ⁸⁴ M. Lewin. La paysannerie et le pouvoir sovietique, 1928-1930. Paris, 1966.
M. Lewin. Russian Peasants and Soviet power: a study of collectivisation. Evanston, Ill., 1968.
- ⁸⁵ M. Lewin. Review 1977, p. 683.
- ⁸⁶ Ibid.
- ⁸⁷ П. Г. Софинов. Ук. соч., стр. 88: только по 20 губерниям Центральной России только по данным ВЧК только крупных антикоммунистических восстаний — 245, только за 1918 год.

⁸⁶ В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 313.

⁸⁹ В. А. Максимов. Ук. соч., стр. 65.

⁹⁰ В. Сергеев. Ук. соч. А. Г. Ефимов. Ук. соч.

⁹¹ История гражданской войны в СССР. Том 4. М., 1959, стр. 71.

Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. 1. М.-Л., 1925, стр. 96-98.
Л. М. Спиринов. Ук. соч., стр. 324.
М. А. Шолохов. Ук. соч. М., 1936, примечание к главе 57, стр. 364-366.

⁹² Е. А. Щаденко. Григорьевщина. — "Гражданская война 1918-1921. Том 1. Боевая жизнь Красной армии." М., 1928, стр. 68-95.
М. Е. Раковский. Крах григорьевщины. — "История СССР", 1966, № 5, стр. 36-51.

История гражданской войны в СССР, том 4, стр. 176.

Телеграмма В. И. Ленина главному Вацетису и члену РВСР Аралову. 22 апреля 1919 года. — "Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трёх томах." т. 2. М., 1961, стр. 383.
Телеграмма Главного командования с резолюцией В. И. Ленина по поводу продвижения войск Украинского фронта в Галицию и Буковину. 21 апреля 1919. — Там же, стр. 382.

Из отчёта Полевого штаба Реввоенсовета Республики о боевых действиях на Южном фронте в первой половине 1919 г. — там же, стр. 381-382.

Телеграмма Главного командования во Всероглаштаб. 3 мая 1919. — Там же, стр. 385.

Телеграмма В. И. Ленина и И. В. Сталина Совнаркому Украины. 8 мая 1919. — Там же, стр. 385-386.

Телеграмма В. И. Ленина Совнаркому Украины. 26 мая 1919. — Там же, стр. 388-389.

Директива ЦК Председателю Совнаркома Украины. 28 мая 1919. — там же, стр. 389. Директива Главного Командования Командованию Южного фронта. 12 июня 1919. — Там же, стр. 391-392.

Из доклада Главного командования в Реввоенсовет Республики о положении на Южном фронте к 15 июня 1919. 24 июня 1919. — Там же, стр. 393-397.

Приказ войскам Южного фронта. 26 июня 1919. — Там же, стр. 399-401.

⁹³ В. И. Ленин. Соч. 1 издание. т. XVIII, ч. II, стр. 93.

⁹⁴ Стенограмма 1 партийной конференции военных коммунистов, стр. 204.

⁹⁵ Н. А. Данилов. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Лекции, читанные в Военно-Инженерной академии. Пг., 1922, стр. 43-44. Исчисления сделаны нами на основе цифр, заимствованных Н. А. Даниловым из статьи С. А. Первушина в "Трудах комиссии по изучению современной дороговизны".

⁹⁶ А. В. Голубев, С. Ф. Найда. Гражданская война и военная интервенция 1918-1920 в России. — "Большая советская энциклопедия", 3 издание, том 7. М., 1972, стр. 234.

⁹⁷ В. И. Ленин. Заключительное слово по отчёту ЦК РКП(б) X съезду. 9 марта 1921. — В. И. Ленин, ПСС, т. 43, стр. 42.

⁹⁸ С. Г. Струмилин. К хозяйственному плану на 1921-22 год. — "Народное хозяйство". 1921, № 5. — С. Г. Струмилин. Избранные произведения в 5 томах. Том 2. М., 1963, стр. 20-21.

Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять

лет работы ЦСУ. — "Труды ЦСУ". Том XVIII. М., 1924, стр. 380-383: Нормы потребления на душу городского населения (рабочие):

Дата	1919 III-IV	1919 VII	1919 XII	1920 V	1920 X	1921 IV	1921 IX	1922 II	1922 X	Миним. норма
Калорий в день	2268	2517	2845	2786	2783	2391	2621	2465	3193	3200

⁹⁹ В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — В. И. Ленин, ПСС, т. 43, стр. 132.

¹⁰⁰ Чрезвычайное Собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. № 1-2. 18 марта 1918 г., стр. 385, 390, 392, 393, 397, 399 и др.

¹⁰¹ Н. А. Орлов. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918.
Н. А. Орлов. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. Н. А. Орлов. Система продовольственной заготовки. Тамбов, 1920.

¹⁰² Н. А. Данилов. Ук. соч., стр. 44. Исчисления наши по данным С. А. Первушина.

¹⁰³ Там же, стр. 45.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, стр. 47.

¹⁰⁶ Рассчитано нами по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, относящимся к 38 губерниям России без оккупированных неприятелем и без трёх уездов Смоленской губернии. — "Труды ЦСУ", том V, вып. 1. "Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям." М., 1921, стр. 42-49.

В порядке научной объективности, не следует умалчивать о том, что данные переписи 1917 года, взятой нами за исходную основу, подвергаются сомнению большинством советских и американских исследователей как касательно населения, так и относительно структуры землевладения.

Академик И. И. Минц категорически заявляет, что перепись недоброкачественна, количество помещичьей земли уменьшено. (И. И. Минц. — Доклад. — "Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной сессии 9-12 июня 1969 года." М., 1971, стр. 355). Перепись показывает помещичьей земли 25 127 929,3 десятины, на лето 1917 года. Когда в 1918 году помещичья земля была примерно по той же территории конфискована, её оказалось 24 258 438 десятин. ("Аграрная политика Советской власти. 1917-1918 гг. Документы и материалы." М., 1954, стр. 498-506. В. Р. Герасимюк. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. — "История СССР", 1965, № 1, стр. 95). Данные переписи полностью подтвердились. Верны и данные переписи о населении в 1917 году а уменьшающие исчисления В. А. Зайцева, Б. Гухмана, А. Л. Вайнштейна и др. не содержат никаких обоснований, кроме далёкого от науки желания авторов опорочить сведения царского Центрального Статистического Комитета; перепись показывает, что количество населения в 1917 году ближе к цифрам царского ЦСК, чем к предположениям А. А. Чупрова, С. Н. Проколовича, А. Е. Лосицкого, В. А. Зайцева и др. Мы вернёмся к этому вопросу в примечании 151 и 182.

- ¹⁰⁷ А. А. Кауфман. Что говорят цифры о земельном вопросе. Пг., 1917.
- ¹⁰⁸ Б. К. Юркевич. Таблица "Баланс аграрной реформы. Распределение земель сельскохозяйственного назначения (без лесов) по СССР." — "Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917-1927." М., ЦСУ, 1927, стр. 118-119.
В. М. Молотов. Доклад о работе в деревне. — "Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Географический отчет. Том II, М., 1962, стр. 1177-1179.
В. В. Осинский, зав. ЦСУ. Речь на XV съезде. — Там же, стр. 1349-1351.
И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции СССР. М., 1936, стр. 30.
История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, стр. 200, 212.
Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957, стр. 24.
Страна Советов за 50 лет. М., 1967, стр. 115.
И. А. Чемерисский. Влияние аграрной революции 1917-1918 годов на сельскохозяйственное производство в СССР. — "Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9-12 июня 1969. М., 1969, стр. 67-68.
- ¹⁰⁹ И. И. Минц. Ук. соч., стр. 354-355.
- ¹¹⁰ В. П. Данилов. Заключительное слово по докладу. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 350.
- ¹¹¹ "Новый экономист", 1917, № 32, стр. 5.
Предисловие. — "Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть 3. Сельское хозяйство и крестьянство." Л., 1967, стр. 8.
- ¹¹² Труды ЦСУ, т. V. Вып. 1. Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., стр. 42-49.
- ¹¹³ Декрет о земле съезда советов рабочих и солдатских депутатов. — "Известия ВЦИК", 1917, № 209, 28 октября. "Собрание Узаконений РСФСР", 1917, № 1, статья 3. "Декреты Советской власти", т. I, М., 1957, стр. 17-20. В. И. Ленин. Доклад о земле 26 октября 1917. — В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 24-26.
- ¹¹⁴ И. А. Кириллов. Очерки землеустройства за три года революции. 1917-1920 гг. Пг., 1922, стр. 4-11, 146-200. И. Е. Зеленин. К вопросу о землепользовании советских хозяйств в период аграрной революции. 1917-1918 гг. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 24-28.
- ¹¹⁵ В. Н. Яковцевский. Доклад. — "История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии 18-21 апреля 1961." М., 1963, стр. 135.
- ¹¹⁶ В. И. Ленин. Доклад о земле 26 октября 1917. — В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 27.
В. И. Ленин. Речь о годовщине революции 6 ноября 1918. VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов. — В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 138, 141-144.
А. А. Воронович. Аграрная программа партии в трудах В. И. Ленина. М., 1971, стр. 153-154.
П. Н. Першин. В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 10.
Литература по этому вопросу бесчисленна.
- ¹¹⁷ П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. II. М., 1966, стр. 435.
- ¹¹⁸ В. М. Молотов. Ук. соч., стр. 1178-1179.
П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. II, стр. 435.
- ¹¹⁹ Аграрная политика Советской власти. 1917-1918 гг. Документы и материалы. М., 1954, стр. 498-506.
Все данные сводной таблицы баланса аграрной революции даны по сопоставимой территории РЕФСР без национальных окраин.
- ¹²⁰ Там же. Исчисление наше.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Труды ЦСУ, т. V. Вып. 1, стр. 42-49. Данные переписи 1917 относятся к 38 губерниям Центральной России.
- ¹²³ П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. 2, стр. 435. Пересчет наш.
- ¹²⁴ М. С. Симонова. Столыпинская аграрная реформа. — "Советская историческая энциклопедия", том 13. М., 1971, стлб. 845-846. Исчисление наше.
- ¹²⁵ Статистический справочник по аграрному вопросу. Вып. 1. М., 1917, стр. 14.
- ¹²⁶ М. С. Симонова. Ук. соч., стлб. 845-846. Исчисление наше. В баланс аграрной реформы П. А. Столыпина мы сочли необходимым включить также земли, распределенные до 1917 года через Крестьянский банк, независимо от состояния выкупных платежей.
- ¹²⁷ В. М. Молотов. Ук. соч., стр. 1178-1179.
- ¹²⁸ И. А. Кириллов. Ук. соч., стр. 146.
- ¹²⁹ М. С. Бернштам. Об основных социально-экономических структурах традиционных африканских обществ. К проблеме азиатского способа производства. Доклад на I Всесоюзной конференции африканистов. М., 1969.
- ¹³⁰ Г. В. Плеханов. К аграрному вопросу в России. — Г. В. Плеханов. Сочинения. том XV. М.-Л., 1926, стр. 25-27, 31-37. Характерно, что на стр. 37-40 Г. В. Плеханов в числе русских социалистов, объективно идущих к возрождению "китайского коммунизма XI века", отмечает В. Г. Громана — того самого будущего меньшевистского специалиста в коммунистическом Госплане, который был ведущим автором плана I пятилетки и который поныне пользуется на Западе безупречным авторитетом как якобы выдающийся экономист.
- ¹³¹ В. П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. — "История СССР", 1958, № 3, стр. 102, 122, 124, 127.
В. Е. Муравьев. Земельные отношения в уральской деревне накануне коллективизации. — "Вопросы истории Урала. Ученые Записки Пермского ГУ." т. 158. Пермь, 1966, стр. 331.
С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959, стр. 65-66:
"Октябрьская революция возродила земельную общину... Она подготовила её для перехода в высшую форму, превратив, таким образом, земельные общества в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства страны."
М. М. Широков. Работа коммунистической партии по овладению земельными обществами и переводу их на социалистический путь развития. 1927-1929. — "Вестник МГУ", серия IX. М., 1966, № 4, стр. 53-54, 37.
А. М. Анфимов. Доклад. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 77.
Н. Я. Гущин. Доклад. — Там же, стр. 331: где были общины, там легче

- получились колхозы; на хуторах и отрубях в ряде округов Сибири добровольно не возникло ни одного колхоза.
- В. П. Данилов. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. — Там же, стр. 233.
- В. И. Погудин. Советская историография о некоторых проблемах социально-экономических отношений в доколхозной деревне СССР. — "История СССР", 1973, № 3, стр. 161-163.
- В. П. Данилов. Советская доколхозная деревня: население, земледелие, хозяйство. М., 1977, стр. 95-138.
- ¹³² Постановление правительства о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле. Положение. — "Известия ВЦИК", 1917, 28 октября. "Собрание узаконений РСФСР", 1917-1918, № 1, статья 6, пункты 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9, 11.
- А. Г. Шлихтер. Воспоминания о хлебе. — "Хлеб и революция". М., 1972, стр. 25-27.
- А. Е. Бадаев. Продовольственная работа в Петрограде. — Там же, стр. 41-42.
- А. Г. Шлихтер. Предисловие. — Н. А. Орлов. Система продовольственной заготовки, стр. I-V. Н. А. Орлов. Там же.
- ¹³³ В. И. Ленин. Отчёт о политической деятельности ЦК РКП(б) X съезду. 8 марта 1921. — В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 13-14, 29.
- В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих. 27 марта 1921. — Там же, стр. 141.
- ¹³⁴ В. М. Чернов. Чёрный передел 1918 года. — "Записки Института изучения России". Том 2. Прага, 1925, стр. 82-159. 115-117 перенесены в примечания к таблице в тексте.
- ¹³⁵ А. А. Чернобаев. О численности сельских большевистских организаций в 1918 году. — "Вопросы истории КПСС", 1978, № 2, стр. 80.
- ¹³⁶ Там же, стр. 81-82, 88.
- ¹³⁷ Государственный Архив Исковской области, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 343, лл. 55-62.
- А. А. Чернобаев. Развитие социалистической революции в деревне. Октябрь 1917-1918. М., 1975, стр. 92. Исчисление наше.
- ¹³⁸ Там же, стр. 78-80.
- ¹³⁹ Б. Г. Верховень. К вопросу о численности комбедов в РСФСР. — "История СССР", 1958, № 4, стр. 125.
- ¹⁴⁰ А. А. Чернобаев. Развитие социалистической революции в деревне, стр. 78.
- ¹⁴¹ Подсчитано П. Н. Першиным по данным журнала "Власть Советов", 1919, № 11, стр. 11. П. Н. Першин. Аграрная революция в России. том II, стр. 406.
- ¹⁴² Б. Г. Верховень. Ук. соч. стр. 125.
- ¹⁴³ В. И. Ленин. ПСС, том 50, стр. 387.
- ¹⁴⁴ И. И. Минц. Ук. соч. стр. 355.
- ¹⁴⁵ Ю. К. Стрижков. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917-1921 гг. М., 1973, стр. 211.
- ¹⁴⁶ Там же, стр. 293.
- ¹⁴⁷ Доклад Главного Командования в Реввоенсовет Республики о стратегическом положении Республики к 1 декабря 1918 г. — "Директивы Главного Командования Красной армии. Сборник документов". М., 1969, стр. 131.

- ¹⁴⁸ В. Докужин. — "Антоновщина. Статьи, воспоминания и другие материалы. К истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии." Тамбов, 1923.
- ¹⁴⁹ М. И. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте", 1926, № 2, стр. 42.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ Там же, стр. 40-42.
- ¹⁵² В. А. Максимов. Ук. соч., стр. 65.
- ¹⁵³ В истории Ижевского восстания сопротивление рабочих — забастовки, демонстрации, массовые выступления — следует рассматривать с самого начала 1918 года. Непосредственные боевые действия с 8 августа по 16 ноября 1918, после чего повстанцы отступили с территории заводов. В. Н. Ладухин. Ижевско-Воткинская операция 1918. — "Советская историческая энциклопедия", том 5. М., 1964, стр. 759.
- ¹⁵⁴ С. Н. Семанов. "Тихий Дон": литература и история. — "Москва", 1973, № 5, стр. 210.
- И. Г. Лежнев. Путь Шолохова. М., 1958, стр. 234.
- ¹⁵⁵ Стратегический очерк наступательной операции Южного фронта за период январь-май 1919 года. М., 1919, стр. 45-47.
- Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. 1, М.-Л., 1925, стр. 96-98.
- Л. С. Дегтярёв. Политработа в Красной армии в военное время. М.-Л., 1930, стр. 104-105.
- М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 3. М., 1936, примечание к главе 57, стр. 364-366.
- ¹⁵⁶ Д. Малинин. У белых под пятой. — "Шестнадцать дней". Ярославль, 1924, стр. 63-65.
- ¹⁵⁷ Цит. по: М. И. Кубанин. Ук. соч., стр. 41.
- ¹⁵⁸ Бюллетень ЦК партии левых с.-р. № 1 Январь 1919. Цит. по: И. З. Штейнберг. Нравственный лик революции. Берлин, 1923, стр. 62.
- ¹⁵⁹ П. Г. Софинов. Ук. соч., стр. 88.
- Р. Г. Цыпкина. Ук. соч. См. многочисленные указания в литературе в примечаниях 6, 7, 8.
- ¹⁶⁰ Л. М. Спириин. Ук. соч., стр. 180.
- ¹⁶¹ И. Р. Шафаревич. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.
- ¹⁶² Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. II. М.-Л., 1926, стр. 137. Данные взяты из доклада Главкома № 849. Исчисление резерва и баланса наше.
- ¹⁶³ Исчисления Б. Ц. Урланиса, которые нам представляется возможным взять за основу. Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил. Историко-статистическое исследование. М., 1960 стр. 187-188.
- ¹⁶⁴ Там же, стр. 187.
- ¹⁶⁵ Десять лет Советской власти в цифрах. 1917-1927. М., ЦСУ, стр. 74. Ten years of Soviet Power in Figures. 1917-1927, p. 74. Moscow, TsSU, 1927.
- ¹⁶⁶ "Известия ЦК РКП(б)", 1920, № 15, 24 марта: 611 978.

¹⁶⁷ Н. Р. Андрухов. Партийное строительство после Октября. 1917-1924. М., 1973, стр. 75-77.

М. А. Китаев. Партийное строительство в годы гражданской войны. М., 1975, стр. 173-175.

¹⁶⁸ Л. М. Рейснер. Свяжские дни. Август-сентябрь 1918 г. — "Пролетарская революция", 1923, № 6-7 (18-19), стр. 185.

¹⁶⁹ А. И. Соколов. Борьба с большевиками в Туркестане. — "Русское обозрение", Харбин, 1921, кн. 3-4, стр. 117.

¹⁷⁰ М. Я. Лацис (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. ("Речи и беседы агитатора", № 9). М., 1920, стр. 74, 73.

¹⁷¹ Там же, стр. 73.

¹⁷² В. И. Ленин. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. — В. И. Ленин. ПСС, том 44, стр. 166.

¹⁷³ Здесь и в дальнейших исчислениях мы пользуемся единственным точным и адекватным источником по населению России в целом и по губерниям в 1917 году — материалами всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, распространенными на всё население всех городов и губерний России путём приведения предшествующих данных царского ЦСК в соответствие с переписью рядом поправочных коэффициентов. Последняя работа приведения в порядок баланса проделана летом 1917 совещанием наиболее выдающихся статистиков России, и в 1961-1962 году сводные таблицы переписи, переработанные совещанием статистиков, были опубликованы. Тем не менее, этот источник в названном виде ни разу не использован ни в советской, ни в западной науке для демографических и исторических анализов. Применение его для подведения балансов в настоящей работе следует считать первой попыткой такого рода.

Население Дона в 1917 году взято по итоговым таблицам:

Население России в 1917 г. — Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — "Исторический архив", М., 1962, кн. 5, стр. 70. Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — "История СССР", 1961, № 6, стр. 108, 114.

¹⁷⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ. — "Труды ЦСУ", т. XVIII. М., 1924, стр. 4.

¹⁷⁵ Б. Ц. Урланис. Ук. соч. стр. 187.

¹⁷⁶ Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) всем ответственным работникам в казачьих войсках. 24 января 1919 года. — Центр. Парт. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 17, опись 4, ед. хр. 7, л. 1.

¹⁷⁷ Доклад специальной комиссии казачьего отдела ВЦИК Совету народных комиссаров. Лето 1919. — ЦГАОР, ф. 1235, оп. 83, ед. хр. 8, л. 68. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 34, л. 104.

¹⁷⁸ Население России к 1 января 1917 года (без состоящих на военной службе и с учётом беженцев). — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 967.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Пг., 1916.

Статистическое совещание для обсуждения вопроса о методах определения количества населения избирательных округов, образуемых по проекту положения о выборах в Учредительное Собрание. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 967, лл. 24-27.

Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — "История СССР", 1961, кн. 6, стр. 97-115.

Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения России накануне Октября. — "Исторический архив". М., 1962, кн. 5, стр. 58-82.

¹⁷⁹ Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — "Труды ЦСУ", том V, вып. 2. М., 1923, стр. 26, 30.

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 877, л. 55 др.

¹⁸⁰ Ведомость "Вероятное население в 1917 году по данным, полученным до 1 августа 1917 года. ЦСУ РСФСР. В. Михайловский. Август 1919." — ЦГАОР, ф. 1562, оп. 197, д. 1, лл. 1-6. ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 197, д. 1, лл. 1-6.

¹⁸¹ В. Г. Михайловский, зав. отделом демографии ЦСУ. Введение. — "Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. — "Труды ЦСУ", том 1, вып. 3. М., 1921, стр. 4.

¹⁸² Сборник статистических сведений по Союзу СССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ. — "Труды ЦСУ", том XVIII. М., 1924, стр. 39.

¹⁸³ Статистический ежегодник 1918-1920 гг. вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 1. М., 1921, стр. 38, 46, 4, 13.

¹⁸⁴ Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 3. М., 1922, стр. 8.

¹⁸⁵ Статистический ежегодник 1924 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 7. М., 1926, стр. 40-41.

¹⁸⁶ А. И. Гозулов. Опыты изучения влияния мощности хозяйства на социально-гигиеническое состояние деревни. — "Вестник статистики". М., 1925, кн. XXIII, № 10-12, стр. 185, 196, 203.

¹⁸⁷ В. Харламов. Из жизни русской эмиграции. IV. Казаки в эмиграции. — "Свободная Россия". Берлин, 1924, кн. IV, октябрь, стр. 238, 242.

¹⁸⁸ Поуездные итоги... переписи 1917 года, стр. 30.

Статистический ежегодник 1921 года, стр. 8.

Б. Ц. Урланис. Ук. соч., стр. 187.

Доклад Главного Командования в Реввоенсовет Республики. 1 декабря 1918. — "Директивы Главного командования Красной армии. 1917-1920. Сборник документов". М., 1969, стр. 132.

И. Г. Лежнев. Путь Шолохова. М., 1958, стр. 234.

Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. II. М.-Л., 1926, стр. 137.

Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1925, стр. 110.

- 189 Гос. архив Ростовской области, ф. 98, оп. 1, д. 43, лл. 33-34, ф. 1824, оп. 1, д. 3, лл. 9-27.
Л. Берз, К. Хмелевский. Героические годы. Ростов, 1964, стр. 8.
В. И. Иванов, П. Г. Чернопицкий. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. Ростов, 1971, стр. 8.
Б. И. Степаненко. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. — "Вопросы истории". М., 1976, кн. 9, стр. 17.
- 190 Статистический ежегодник 1918-1920 гг. вып. 1, стр. 38, 46.
- 191 Статистический ежегодник 1924 года. Вып. 1, стр. 40-41.
- 192 А. И. Гозулов. Ук. соч., стр. 196, 203.
- 193 См. перечень архивных материалов в примечании 156.
Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1961 года, стр. 102, 108, 114.
Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1962 года, стр. 70, 72.
- 194 Поуездные итоги переписи 1917 года, стр. 26, 30.
- 195 См. примечание 1696.
- 196 В. Г. Михайловский. Введение, стр. 4.
- 197 Народное хозяйство СССР в 1962 году. Статистический ежегодник. М., 1963, стр. 7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. М., 1962, стр. 13.
- 198 Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923, стр. 39.
- 199 Ф. Акулов. Красный Верден. — "Сборник трудов Военно-научного общества". Кн. 3. М., 1922, сентябрь, стр. 58, 60-61, 64-65.
Достаточно сказать, что в течение нескольких месяцев Дон с северо-востока в 1918-1919 ограждало 15 круглосуточно маневрирующих бронепоездов. На северо-восточной границе Дона скопилось в 1918-1919 противостоящих друг другу 50 000 конных и пеших солдат. С обеих сторон шёл непрерывный огонь из около 300 орудий и свыше 1 000 пулемётов.
Остаётся добавить, что, кроме бронепоездов, красную часть границы охраняли Сталин и Ворошилов.
- 200 Поуездные итоги переписи 1917 года, стр. 26, 30.
- 201 Письмо коммуниста К. Краснушкина в Казачий отдел ВЦИК и ЦК РКП(б). — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 34, л. 93.
- 202 А. И. Гозулов. Ук. соч., стр. 183.
- 203 И. Г. Лежнев. Ук. соч., стр. 234.
- 204 Б. Ц. Урланис. Ук. соч., стр. 187.
Доклад Главного командования в РВС. 1 декабря 1918., стр. 132.
- 205 Статистический ежегодник 1921 года, стр. 8.
- 206 С. Н. Семанов. "Тихий Дон": литература и история. — "Москва", 1975, № 5, стр. 210.
С. Н. Семанов. Некоторые исторические реалии "Тихого Дона", "Вопросы истории", 1977, № 5, стр. 136.
- 207 М. А. Шолохов. Ук. соч., стр. 364-366.
- 208 Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Вып. 1, стр. 13.
Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1., остр. 8.
- 209 Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1, стр. 8.
- 210 В. Харламов. Ук. соч., стр. 238, 242. Подсчитано нами.
- 211 Л. Берз, К. Хмелевский. Ук. соч., стр. 8.
В. И. Иванов, П. Г. Чернопицкий. Ук. соч., стр. 8.
- 212 Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 года. Ростов-н-Д., 1928.
Е. Н. Осколков. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов, 1973, стр. 48.
- 213 Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 7, л. 1.
В. И. Ленин. ПСС, том 50, стр. 387, 480.
С. Н. Семанов. Некоторые исторические реалии..., стр. 135-136.
Л. М. Спириин. Ук. соч., стр. 322-324.
Ф. Г. Бирюков. "Тихий Дон" и его критики. — "Русская литература", 1968, кн. 2, стр. 100.
Ю. В. Трифонов. Отблеск костра. М., 1966, стр. 151-152, 160.
А. Ф. Бритиков. Старое и новое в трактовке Григория Мелехова. — "Русская литература", 1968, кн. 4, стр. 136.
И мн. мн. др.
- 214 «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844-1883.» Hgb. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Stuttgart, 1913, B. 111, S. 145-14».
- 215 Ibidem.
- 216 F. Engels. Der demokratische Panslavismus. — «Aus dem Literarischen Nachlass von K. Marks, F. Engels und F. Lassale.» Stuttgart, verlag Dietz, B. 111, S. 263-264.
- 217 K. Marx und F. Engels. Die Ungarische Revolution. — Ibid., S. 236.
- 218 K. Marx. — Ibid., S. 109-110.
- 219 F. Engels, — Ibid., S. 245.
- 220 F. Engels. Der demokratische Panslavismus. — Ibid., S. 264.
- 221 В. М. Чернов. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. Пг., 1917, стр. 10-12, 14.
- 222 Там же, стр. 13, 17.
- 223 А. И. Гозулов. Нижний Дон. Ростовская и Каменская области. Природа, население, хозяйство. Харьков, 1956, стр. 42.
- 224 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, ед. хр. 83, л. 1.
- 225 Ф. Лассаль. Сочинения, т. 2. СПб., 1908, стр. 129.
- 226 Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Тома I-II-III. Пг., 1916.
Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и Поzemельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — "Труды ЦСУ", том V, вып. 2. М., 1923, стр. 2-213, особенно для исчислений стр. 2-3, 6-7, 26-27, 30-31, 74-75, 78-79.
Статистический сборник за 1913-1917 годы. — "Труды ЦСУ", т. VII, вып. 1, М., 1921, стр. 184-207, 208-239.
Материалы Совещания статистиков 1917 года. — Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе насе-

- ния России накануне ВОСР. — "Исторический архив". М., 1962, кн. 4, стр. 61-69, 70-71, 72-75.
- Материалы Совещания статистиков 1917 года. — Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 гг. как источник определения численности населения накануне Октябрьской революции. — "История СССР", М., 1961, кн. 6, стр. 102-104, 108-110, 114.
- Ведомость ЦСУ 1919 "Вероятное население России в 1917 году". — Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1961 года, стр. 102-104. Их же. Публикация 1962 года, стр. 76-82.
- Материалы переписи 1917 года. — Центр. гос. историч. архив в Ленинграде, ф. 1290, оп. 2, л. 877, л. 55. Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1961 г., стр. 102-104.
- ²²⁷ В. Аврамов. Жертвы империалистической войны в России. — "Известия Народного комиссариата здравоохранения". М., 1920, кн. 1-2, стр. 40-41.
- Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). ЦСУ. М., 1925, стр. 30, 36, 42, 32, 38-39.
- Н. Н. Головин. Военные усилия России в мировой войне. том 1. Париж, 1939, стр. 142-150, 171-172, 140-142, 128-133.
- ²²⁸ ЦСУ СССР. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 года и на 1 июля 1926 года, в сопоставлении с довоенным делением России. Опыт установления связи между административно-территориальным составом довоенной России и современным составом СССР. М., 1926, стр. 49-58.
- ²²⁹ Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 3. М., 1922, стр. 8.
- Статистический ежегодник 1924 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 7. М., 1926, стр. 2. Исчисления везде наши.
- ²³⁰ М. Алёхин. Эмиграция белая. — "Большая советская энциклопедия". 1 изд. том 64. М., 1934, стлб. 163.
- ²³¹ Из 0.002 естественной убыли, перенесённых на 1918-1920 и исчисленных для нетто-населения 1917 в границах СССР за вычетом эмиграции. Источник: "Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ." — "Труды ЦСУ". том XVIII. М., 1924, стр. 42.
- ²³² Потери в личном составе Красной армии с 1918. По данным статистического отдела главного управления РККА. — "Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Статистический справочник. Год 2-й" М., 1925, стр. 110.
- ²³³ Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, стр. 185. Данные экстраполированы.
- И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. том 1. Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. Л., 1964, стр. 114-129. Исчисления с завышением, ибо основные жертвы совработников от повстанцев приходятся на время разгара восстаний во второй половине 1920-1921, а мы рассматриваем только 1918-1920 до осени, но принимаем цифры, близкие к итоговым.
- ²³⁴ Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, стр. 184-187, 305-308, 399-400. Исчисление наше.

²³⁵ Исходя из масштаба фактически двух войн со стороны Красной Армии внутри войны 1917-1922 (война против повстанцев), мы полагаем, что ориентировочно, при тотальной войне, повстанцев погибло никак не меньше, чем красных бойцов и советских работников вместе взятых. Кроме того зелёные армии Черноморья и Украины сражались против белых. В итоге ориентировочно определим гибель повстанцев и зелёных за 1917-1920 равной гибели красных и советских служащих за тот же период — около 1 000 000 человек.

²³⁶ Нами собраны все максимальные данные, приводящиеся в советских работах по данной теме и очевидно страдающие преувеличениями (например, происходит двойной счёт жертв населения от расстрелов белыми карательными экспедициями, потому что те же самые жертвы значатся под рубрикой потерь от подавлений и под рубрикой потерь от расстрелов и белого террора). В настоящее время не представляется возможным произвести точное научное распределение этой категории потерь, и мы вынуждены принять завышенные цифры. Источники см.:

О. Ф. Соловьёв. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в Советской России в годы гражданской войны. — "Исторический опыт Великого Октября. Сб. ст." М., 1975, стр. 420.

Ю. А. Поляков. Некоторые черты вооружённой борьбы в годы гражданской войны. — Там же, стр. 123-126.

П. Рассказов. Записки заключённого. Архангельск, 1935, стр. 7-8.

²³⁷ Исчисление наше. См.: Б. Савинков перед судом Военной Коллегии Верховного Суда СССР. М., 1924, стр. 195.

Ф. Костяев. Интервенция на Юге России, Кавказе и Туркестане 1918-1920 г. — "Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции." М., 1926, стр. 363. См. также: Там же, приложения, документы 37 и 38, стр. 422-428.

²³⁸ По данным санитарной статистики, обработанным С. А. Новосельским, смертность в Петрограде от специфических болезней, принесённых войной, голодом, эпидемиями, равна в 1920 году, за вычетом естественной смертности, 28,87%. ("Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии." вып. 5. Пг., 1921, стр. 26-28. "Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии." Пг., 1922, стр. 14 сл.). Использовать Петроград как выборку нет никакой возможности, — смертность в Петрограде была экстремальной. По данным заведующего статистикой народного здоровья ЦСУ доктора С. М. Богословского, за 1918-1920 годы в стране было 5 640 720 случаев заболевания сыпным тифом и холерой. (Сводка наша по: Л. И. Лубны-Герцык. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926, стр. 29-30.). Других данных нет. Вместе с тем, источники не позволяют говорить о массовой голодной смертности, каннибализме и т. п. в 1918-1920 годах в масштабах, сколь-нибудь сравнимых с этими явлениями в 1921-1922 годах. Если взять от всех случаев заболеваний по данным д-ра С. М. Богословского 33-40% летальности, и затем приравнять соответствующую ориентировку смертности от возвратного тифа и от голода, то максимальный результат смертности по всей категории потерь от эпидемий, болезней, голода будет 2 500 000 случаев за 1917-август 1920. Этот результат представляется несколько завышенным и за счёт него, как и за счёт завышения соседних показателей, получаются несколько преуменьшенные итоги потерь от красного террора.

²³⁹ Исчисление произведено путём нахождения разницы между исходными данными о населении в 1917 году и всеми предыдущими категориями потерь. Из-за превышения ряда категорий потерь, численность жертв красного террора и подавлений оказывается несколько заниженной.

²⁴⁰ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. том 4. М., 1962, стр. 105-107.

²⁴¹ Н. С. Таганцев. Смертная казнь. СПб., 1913. Приводится по: А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Ч. I-II. Париж, 1973, стр. 434.

²⁴² М. Н. Гернет. Ук. соч., том 4, стр. 98-99, 130-131, 105-107 и др.

²⁴³ Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", т. VIII, вып. 1, М., 1921, стр. 39, 47. Сводная поло-возрастная таблица составлена нами.

²⁴⁴ Там же. Составлено нами.

²⁴⁵ А. А. Чернобаев. О численности сельских большевистских организаций в 1918 году. — "Вопросы истории КПСС", 1978, № 2, стр. 88.

²⁴⁶ Л. М. Рейснер. Ук. соч., стр. 177. Автор, по существу, излагает взгляд на этот вопрос Л. Д. Троцкого.

²⁴⁷ Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам от 26 марта 1921. "В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922 гг." М., 1975, стр. 435.

²⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 24.

²⁴⁹ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967.

Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М., 1971. Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.

Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов тт. 1-2. М., 1968.

²⁵⁰ Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 7-53.

А. Манусевич. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917-1920 гг. — "Участие трудящихся зарубежных стран...", стр. 15: в России в годы социалистической революции находилось примерно 4 000 000 иностранцев: военнопленных, рабочих, сочувствующих интеллигентов и т. п.

Л. Яковлев. Об источниковедческой базе изучения истории интернациональной солидарности трудящихся. — Там же, стр. 55-56.

²⁵¹ А. Х. Клеванский. Развитие интернационалистского движения в феврале-октябре 1917 г. — "Интернационалисты", 1967, стр. 57-73. Б. Б. Медведев. Федерация иностранных групп РКП(б). — Там же, стр. 176-228.

А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты. — Там же, стр. 229-280.

Л. М. Зак и др. Французская, англо-американская и итальянская коммунистические группы. — Там же, стр. 516-572.

В. Копылов. Из истории интернациональных организаций военно-

пленных социал-демократов и местных иностранных групп РКП(б) в 1918 г. — "Участие трудящихся зарубежных стран...", стр. 80-94. В. Коновалов. Иностранная коллегия коммунистической пропаганды. — там же, стр. 163-168.

Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти. М., 1975, стр. 128-165.

²⁵² А. И. Спреслис. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917-1918. Рига, 1967, стр. 49-64, 108-124, 124-150.

История латышских стрелков, стр. 245-270, 302-317. Б. А. Томан. Ук. соч., стр. 166-197.

Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 59.

Н. Субаев. Иностранцы интернационалисты в Татарии. 1917-1920. — "Участие...", стр. 287-289.

"Интернационалисты", 1971, стр. 60-66, 192-207.

Именно интернационалисты применяли артиллерийский обстрел химическими снарядами при подавлении Ярославля и подавили рабочее восстание в Ижевске и Воткинске. ("Шестнадцать дней". Ярославль, 1924, стр. 253.)

"Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917-1920 годах. Воспоминания и документы." Рига, 1962, стр. 155-160.

²⁵³ Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 51. "Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах". М., 1918, № 20, стр. 8.

Л. Н. Жаров. Центральные органы формирования интернациональных частей Красной армии. Интернациональные части и соединения на фронтах гражданской войны. — "Интернационалисты". М., 1967, стр. 577.

Л. И. Жаров. Центральные органы формирования интернациональных частей Красной армии. Интернациональные части и соединения на фронтах гражданской войны. — "Интернационалисты". М., 1967, стр. 577.

²⁵⁴ Для 1918 исчислено нами по: Из доклада Главного командования в Реввоенсовет республики о стратегическом положении Республики 1 декабря 1918. — "Директивы Главного командования Красной армии". М., 1969, стр. 130-131.

Для 1920 приводится по: "Десять лет Советской власти в цифрах". М., 1927, стр. 74.

²⁵⁵ Для 1918: "Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах". М., 1918, № 20, стр. 8.

Л. И. Жаров. Центральные органы формирования..., стр. 577. Для 1920: Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 51.

²⁵⁶ Для 1918: "История латышских стрелков", стр. 194, 232, 302, 315 — исчисление наше.

Б. А. Томан. Ук. соч., стр. 120. Для 1920: "История латышских стрелков", стр. 552.

²⁵⁷ Это очевидно из представленных в предыдущих таблицах соотношений: с одной стороны, соотношение погибших красных и белых, с другой — красных и повстанцев.

²⁵⁸ "История латышских стрелков", стр. 268-170. Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 63-64, 145-147, 155-158.

П. М. Калениченко, И. М. Кулинич, П. Сохань. Интернационалисты на Украине. — "Интернационалисты". М., 1974, стр. 51-60.

См. также источники, указанные в примечаниях 200 и 202.

Проблема интернационалистов разработана также в исследовании: И. А. Курганов. Иностранцы участники коммунистической революции в России. — "Записки Русской Академической группы в США". Нью-Йорк, 1970, том IV, стр. 55-72.

О ГАРВАРДСКОЙ РЕЧИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Восьмого июня Солженицын выступил в Гарвардском университете с речью, которую можно назвать обращением к Западу. Поскольку писатель давно уже не выступал публично, эта речь привлекла внимание не только в Америке, но и повсюду, в том числе и в России. Реакция на нее в Соединенных Штатах, как и следовало ожидать, была мгновенной. Отклики на эту речь в России не могут быть столь быстрыми, так как официальная пресса для них закрыта. Но наша вынужденная медлительность в данном случае сослужила нам полезную службу: теперь мы можем высказать свое мнение сразу по столь обширному и важному вопросу, который включает в себя и призыв Солженицына и ответ на него американцев.

В заключительной части своего выступления, явившейся философским обобщением сказанного, Солженицын призвал американцев пересмотреть основные человеческие ценности и впредь развивать более духовный, чем материальный аспект жизни. Он назвал это «восхождением на новую антропологическую ступень». Достигнув в конце речи ее высочайшей патетической ноты, он заявил, что «ни у кого на земле не осталось другого выхода, как вверх».

Писатель было глубоко убежден в правоте своих слов и, несмотря на некоторое разочарование, которое он испытал, увидя Запад воочию, все-таки надеялся на какое-то понимание. Но эта надежда его должна теперь рассеяться. Отклики на его выступление в американской печати были либо критическими, либо ироническими, и никто не подхватил того мировоззрческого тона, который прозвучал в его речи. Главное возражение было такое: Солженицын не понимает сущности нашей демократии, поэтому считает нас бездуховными. На самом деле мы живем вовсе не единым хлебом, а и высокими идеалами, и его мрачные предвидения могут вызвать только улыбку. Один журналист сказал, что Солженицын показал себя таким же необоснованным пессимистом, каким был в начале века Освальд Шпенглер.

Итак, Солженицын напрасно бьет тревогу. Но ведь так можно было бы сказать только в том случае, если бы Запад имел перед собой хорошие перспективы. А все объективные данные единодушно свидетельствуют о страшной опасности, нависшей над всем

миром. Какими бы красивыми фразами ни прикрывались современные политики, в действительности все они являются прагматистами и руководствуются лишь сиюминутными интересами, а на такой базе истинная разрядка напряженности в принципе неосуществима. От войны нас спасает пока только относительное равновесие сил, а это значит, что чуть оно сдвинется в пользу СССР, США или Китая, или какого-то парного альянса, сразу же разразится ядерная бойня. Во весь рост поднимается угроза экологической катастрофы, и в прессе постоянно пишут об этом, приводя ужасающие факты и цифры. Не за горами исчерпание запасов нефти и газа, следовательно неизбежен и энергетический кризис, который нанесет удар, в первую очередь, по западному миру. Уже этих трех угроз достаточно, чтобы устрашить будущего и забить в колокола. Это как раз и делает Солженицын, но над ним смеются. А ведь если бы он говорил то же самое спокойно и академично, как на научных симпозиумах, никто и не подумал бы ему возразить. Создается впечатление, что американцы понимают угрозу, но не чувствуют ее. Почему?

Ответ совершенно ясен. Беспрецедентная в истории опасность, нависшая над человечеством, возникла не на индивидуальном, а на социальном уровне. Когда Солженицын говорит, что мир, возможно, подошел сейчас к своей гибели, он имеет в виду в основном гибель общества, а затем уже вытекающую отсюда гибель отдельных людей. Болезнь сидит не в наших телах, а в коллективном теле. И подобно тому, как приближение личной смерти предчувствуют не отдельные клетки, а целостная индивидуальная душа умирающего, так и приближение коллективной смерти способна почувствовать лишь та особая, не сводимая к сумме индивидуумов, данность, которую можно назвать коллективной или национальной душой. А ее-то у американцев и нет.

Я предвижу, какую обиду вызовет эта фраза и заранее сожалею об этом. Но ведь в серьезном разговоре нельзя руководствоваться тем, обидится ли на тебя кто-то или нет. У американцев есть государство, федеральные законы, вооруженные силы, политическая платформа, целостность территории, общность языка и истории, но у них нет подымающей их над простой суммой граждан м е т а ф и з и ч е с к о й и д е и, а значит и нет национальной души в строгом смысле этого слова. Мне ответят, что такая идея есть, и она заключается в святости индивидуальной свободы и личных прав. Это — рекламируемый на весь мир

идеал американцев, о котором только и говорят политические деятели. Но именно такой идеал менее всего годится для данной цели... В самом деле, как общество может образовать соединение высшего порядка на основе заведомо антиобщественной установки, какой является мысль о примате личных прав при туманном представлении о внутренних обязанностях? Эта индивидуалистическая идея способна образовать конгломерат, но никак не сверхорганизм, ибо в ней самой уже заложено противодействие его сформированию. Идея, порождающая нацию как сверхорганизм, т. е. как сообщество, обладающее собственной трансцендентной жизнью, собственными инстинктами и собственной мудростью, должна иметь порядок, отличный от порядка той идеи, которая дает жизнь частям. А американцы просто увеличили до масштабов государства бытовое представление о личном благополучии и утверждают, что это есть их национальная идея. Нет, для возникновения живой нации нужно нечто такое, что формулируется в языке в н е ш н е м по отношению к языку, оправдывающему частную жизнь. Это ясно и из философских и из логических соображений. Если этой внешней идеи нет, то собрание индивидуумов не превратится в некую дренажную систему, по которой в отдельные умы и души начнет проникать сверхчеловеческая интуиция. В этом мире за все приходится платить. Если человек желает приобщиться к социальному инстинкту высшего ранга, он должен поступиться какими-то эгоистическими началами или, по крайней мере, признать, что целое больше совокупности частей.

Солженицын и ответившая ему пресса говорили на разных языках. Беда не в том, что с ним не согласились, его просто никто не услышал. Вещи, которые его заботят, лежат в плоскости, недоступной американским журналистам и обозревателям. Он ставит вопросы мировоззренческого характера, затрагивает проблему смысла человеческого существования, а ему отвечают: садись на автобус, поезжай по штату Вермонт, и ты увидишь хороших и здоровых и телом и духом людей. Да ведь он и не отрицает индивидуального здоровья богатых американских обывателей. Он видит б о л е з н ь о б щ е с т в а. И видеть эту болезнь дает ему то, чего у американцев нет и быть не может.

В откликах на гарвардское выступление проскальзывали нотки: с чего вдруг этот русский присвоил себе право поучать нас жить? Гордящаяся своей объективностью пресса в данном случае почему-то забыла пословицу «со стороны виднее». Но дело

не только в этом. Именно русского американцам следовало бы выслушать с повышенным вниманием. Какие бы промахи мы ни находили в нашей истории, одного никто нас не лишит: национальная идея всегда существовала в России, коренилась в душах русских людей и помогла нам пережить невероятные испытания. Эта идея была насильственно разрушена в России совсем недавно, поэтому она до сих пор не погасла окончательно в душах особо чувствительных к своей истории людей, к которым, бесспорно, принадлежит Солженицын. Имея в себе частицу выработанного веками коллективного инстинкта, такие люди способны подниматься над личным сознанием, над тем, что философы называют «обыденной реальностью» и делаться проводниками общественного сознания, т. е. п р о р о к а м и. И американцы, у которых по молодости их истории и по отсутствию истинно метафизической национальной идеи, питающей национальный дух мудростью, таких пророков быть не может, должны были не только задуматься над словами Солженицына, но и благодарить судьбу за то, что из-за совпадения тысячи случайностей эти слова были произнесены в их стране.

Но похоже, что они даже просто не задумываются над ними, хотя некоторые журналисты вежливо приглашают сделать это. Национальное чувство в США есть простая сумма индивидуальных чувств биологически здоровых индивидуумов, поэтому оно совершенно спокойно и безмятежно. А Солженицын пытался выйти именно на уровень национального сознания. Провал его призыва был предопределен. Общество, руководимое только идеей личного благополучия, не имеет органа для восприятия того, что лежит за рамками индивидуальной жизни. Что ж, как сказал Вивекананда, истина не обязана преклоняться ни перед каким обществом — это общество должно преклониться перед истиной или погибнуть. Но сейчас произнести эту фразу куда труднее, чем сто лет назад. Гибель западного общества, составляющего неотъемлемую часть нашей современной цивилизации, может обернуться нашей всеобщей гибелью. Разве в этом смысле не оправдано наше острое внимание — иногда болезненное — ко всему, что делается в Соединенных Штатах?

ОТКЛИКИ НА ГАРВАРДСКУЮ РЕЧЬ СОЛЖЕНИЦЫНА В США

Отклик на речь, произнесенную А. И. Солженицыным в июне 1978 в Гарварде, был всеамериканским. Речь всколыхнула всю страну и вызвала в ней широкий спор, продолжающийся и поныне. Журналисты признали потом, что пресса ожидала злободневной речи. От глубокого духовного и нравственного уровня услышанного пресса в значительной мере растерялась и сумела сосредоточиться лишь на отдельных темах. Масса же слушателей и читателей оказалась более способной воспринять подлинное значение речи. Это, впрочем, естественно, поскольку религиозно мыслящих людей в Америке куда больше процентно, чем религиозно мыслящих журналистов. Спор о солженицынской речи разгорелся на страницах всех американских газет и журналов, и по мере того, как в него вступали те органы печати, которые в Америке принято называть газетами и журналами мнений (в отличие от чисто информационной прессы), начали раздаваться более глубокие суждения за и против. В спор включились и читатели, письмами в редакции, — часто с суровой критикой в адрес самих органов печати.

1. Отклик телевидения

Через несколько часов после выступления Солженицына Бостонская некоммерческая телевизионная станция устроила часовую передачу, в которую включила отрывки из речи и комментарии о ней. Выбор был характерен для первой реакции американских «медиа» — политическая часть была передана почти полностью, а историко-философская просто опущена. От оценки вьетнамского поражения прямым прыжком перешли к концу речи, к словам о повороте, к которому подошёл мир — и невнятно стало, почему же ни у кого не остаётся никакого пути, кроме как вверх. И хотя один из комментаторов, Харисон Солсбери, часть своих замечаний посвятил именно духовно-религиозному аспекту, это ни в коей мере не восполнило пробела передачи.

В комментариях особенно второго журналиста, Лидона, явно ощущалась растерянность. «Уже давно не слышали мы такого пуританина. Знаменитый пуританский проповедник Мадер, один из бывших президентов Гарвардского университета, показался бы

нравственно расслабленным в сравнении с требованиями Солженицына...» И дальше: «отдельные пункты речи звучат почти безрассудно, однако в общем это была поразительно мощная и глубоко духовная речь». А какие же отдельные пункты неприемлемы? и отказ от окостенелых формул Просвещения. Но ведь они — Вполне твёрдо: «неверие в свободу прессы и в ценность законов... столпы американской интеллектуальной, политической и юридической жизни».

«Солженицын видит мир в категориях добра и зла, он верит в первородный грех: он — прямой преемник проповеднической традиции Новой Англии. Место, где он выступал, было самым подходящим для такого выступления, потому что в Новой Англии призывы такого рода раздавались в течение трёхсот лет; правда в последнее время не так уж часто...»

«А какова может быть реакция политических кругов Америки на эту речь? ...Ведь Картер — первый президент, который вёл свою предвыборную кампанию, как христианин». Тем не менее оба журналиста убеждены, что американские политические круги и даже вообще американская интеллигенция в наши дни не могут принять этой речи (за исключением правых консерваторов, которые по их мнению используют её политически, а не духовно).

Первые два комментатора не во всем были согласны друг с другом. «Мне кажется, — говорит Лидон, — Солженицын несчастен вне своей тюрьмы и в этой речи он как бы объявляет себе другую, внутреннюю ссылку уже в этой стране. Может быть это просто его умственный склад?» Солсбери возражал: «Посмотрите на всю его жизнь, он всегда относился критически к своему пути... Даже в юности он критиковал свое общество — а теперь он критикует здешнее общество. Я не могу себе представить, чтобы этот человек, с его живым, активным, энергичным умом, с его сильными страстями, с его напором, когда-либо отдыхал или чувствовал себя вполне умиротворённым». Он считает, что мы становимся шаткими потому, что у нас не хватает напора. Посмотрите на него: ему 60 лет, а говорит он, как будто ему на 20 лет меньше, он полон жизни и силы. Лидон задал вопрос, который не раз потом повторялся: «Не слишком ли много мы ему спускаем? Ведь Вы бы не стали писать отчёт об американской жизни из Кавендиша в Вермонте... Ведь смешно судить об американской жизни, не выходя за свои ворота...» Солсбери ответил: «У нас было множество сельских философов, это — в

нашей традиции. Философ не обязательно вращается во всех тех кругах, о которых пишет. Он может ошибаться в частностях, но быть правым в основном».

Пресса реагировала на следующий же день.

2. Реакция «Нью-Йорк Таймс».

Самую чёткую позицию в духе «всё у нас построено на формулах Просвещения» занял «Нью-Йорк Таймс», который своей односторонней реакцией подтвердил суровое суждение Солженицына о прессе. «Нью-Йорк Таймс» напечатал лишь несколько коротких отрывков из речи, лишив читателей возможности составить себе о ней собственное мнение; в то же время он поместил резко отрицательные статьи, одну от редакции, другую, написанную известным политическим комментатором Джемсом Рестоном. Передовая в «Нью-Йорк Таймс» (от 13 июня) начинается с признания за Солженицыным полного права — больше, чем за кем бы то ни было — призывать Запад к нравственной ответственности и к самокритике. Некоторая доля самокритики допущена газетой: «да, законы используются богатыми и могущественными людьми для того, чтобы добывать себе ещё больше богатства и могущества»; «наша пресса часто безответственна, телевидение — болото глупости; порнография процветает, и нация боготворит материальные блага...» Тем не менее, по мнению Н.-Й.Т., мировоззрение Солженицына гораздо опаснее, чем все эти беды, вместе взятые. «Выдвинутый им спор не нов: он восходит к самому началу республики, и с тех пор никогда не прекращался. По сути дела это контраст между религиозными Энтузиастами (представителями религиозных сект и течений, в основном кальвинистского происхождения, которые играли большую роль в духовной и интеллектуальной жизни Америки, — прим. пер.), и людьми Просвещения». «Правда, Солженицын совсем иной традиции, но общее между ним и Энтузиастами — это убеждение в том, что они владеют истиной, а что вокруг них всё — сплошная ошибка». Джемса Рестона особенно задело слова о том, что на Востоке народы «прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт»; он понял их неверно — в том смысле, что советский строй, как таковой, выше западного, — и удивляется: «как же так, такое заявление от писателя, давшего миру потрясающее свидетельство о советских тюрьмах и лагерях». Гнев Рестона вызвали конечно и слова Солженицына о Вьетнаме: «Он (Солжени-

цын) справедливо напоминает нам, что полноценны только нравственные критерии, но противоречит сам себе, утверждая, что надо было продолжать бойню во Вьетнаме». В своей оценке современного мира «Солженицын перешёл все границы», в сравнении с ним «Закат Европы» Шпенглера звучит оптимистически». Хотя он и прав, что «поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века», его «жестокая критика прессы отчасти справедлива», он «высказал много верных и даже благородных мыслей... о моральной убогости западных наций, об эгоистическом злоупотреблении свободой», но тем не менее «слова его звучат иногда как высказывания расколотого разума», так как «духовное превосходство СССР не позволило бы ему произнести такой речи в Московском Университете».

Затем «Нью-Йорк Таймс» опубликовал несколько писем читателей (получено было множество). Вот несколько выдержек:

«В Гарвардской речи нас рассердила манера обращения и высокомерное снисхождение оратора...» «А какую альтернативу он нам предлагает? Дореволюционную аграрную Россию? Это реакционно...» «Солженицын — в духовном изгнании на всей планете...» Но: «Для нашего общества было неожиданно услышать разрушительную критику, с безжалостной логикой большого писателя...» «...Какое облегчение это услышать!» и т. д.

3. Реакция «Вашингтон Пост».

«Солженицын похож и на голубя из Книги Бытия, не находившего, куда опуститься отдохнуть, и на тех пророков, которые другим не позволяют отдыхать... Как и полагается пророку, своей Гарвардской речью он вызвал реакцию, которая разоблачает самодовольство нашего общества...», — так пишет в «Вашингтон Пост» крупный американский обозреватель Джордж Уилл. «...Нью-Йорк Таймс, широкий скептицизм которого распространяется на всё, кроме собственных взглядов и мнений, называет Солженицына опасным фанатиком потому, что он будто бы считает себя обладателем Истины, и высказывает при этом пожелание, чтобы Солженицын больше походил на основателей нашей страны. Однако Таймс забывает, что для того, чтобы наше государство основать, наши праотцы совершили предательство (т. е. нарушили присягу английскому королю) и вступили в восьмилетнюю войну в защиту Истины, для них очевидной и неоспоримой... Говорят, что взгляды Солженицына глубоко русские, что они вытекают

из особых политических и религиозных источников, далёких от современного западного мира. Да, взгляды Солженицына не современные, они даже идут против общего современного течения, но они отнюдь не исключительно русские. Его понимание природы человека и основной политической проблемы широко совпадают с идеями Цицерона и других древних мыслителей, с идеями Блаженного Августина, Фомы Аквината, Паскаля, Томаса Мора, Бурка, Гегеля и других. Его идеи уходят корнями в долгую и широкую интеллектуальную традицию, по сравнению с которой тонка и коротка традиция так называемого новейшего мышления...» Уилл резко критикует газеты, в которых сам печатается, как «Вашингтон Пост».

В редакционной статье этой газеты считают, что «враг Солженицына — не столько коммунизм, сколько природа современного человека».

«Вашингтон Пост» не только опубликовала пространные выдержки из речи, но дала возможность высказаться и многочисленным читателям. В одной из статей обозревателей мы читаем: «Тон (Солженицына) раздражает, его суждения высокомерны, как будто он говорит с высоты Олимпа, в них нет оттенков, и тем не менее... резкий и горький Солженицын оказал нам большую услугу. Он бросает нам вызов и заставляет нас внимательно присмотреться к самим себе. Можно бурно возражать против его взглядов, но нельзя игнорировать ни их, ни его».

Другой комментатор, несколько дней спустя: «Критика Солженицына... была резкой, вызывающей и интересной на всём протяжении его речи. Но поскольку моя профессия — журнализм, то я и ограничусь тем, что он сказал о прессе, — а это немало... В каждом его критическом высказывании о печати есть преувеличения и неправильные толкования фактов, однако в каждом из них есть и доля правды... Надо признать, что американская пресса страдает от потери разнообразия и значительной доли своей традиционной и благодетельной сварливости и придирчивости. Большая пресса, т. е. самые влиятельные газеты и журналы, преподносят нам однородную пищу, замалчивая крайние идеи и мнения...»

Даже самые отрицательные и раздражённые отзывы на речь содержат признание Солженицына великим писателем. Это находим мы и в одной из самых полемических статей по поводу Гарвардской речи, опубликованной тоже «Вашингтон Пост» под заглавием «Солженицын в Гарварде»: **Гнев, направленный не туда,**

куда надо. Статья отражает взгляды той радикальной американской интеллигенции, которая критикует Америку за недостаточность свободы, социальную несправедливость и т. п., и видит выход из этого положения — в неопределённом социализме с человеческим лицом. «Нам говорят, что Солженицын имеет право так говорить, потому что он пророк и мистик... Пророки, жившие 30 веков тому назад, были резкими, устрашающими, но их мощь заключалась в том, что они изобличали одни только специфические злоупотребления. Исайя всё время думал о том, что деньги, предназначенные на войну, должны вместо этого быть отданы бедным. Амос непрерывно нападал на священнослужителей, которые выбрасывали деньги на роскошные храмы, в то время как люди были голодными и бездомными. Об ином они мало думали и говорили, и потому были так действительны... Солженицын как будто только старается втоптать нас в землю, но не указывает, как нам снова подняться...» Однако: «Никто в наши дни не писал с большей силой об ужасах, которым подвергались бесчисленные русские в советских лагерях; это было действительно дело пророка», и дальше: «публика должна сделать усилие, чтобы продолжать любить храброго, независимого писателя, принадлежащего к эпической традиции: гигантов нужно беречь и хранить.»

Наконец та же «Вашингтон Пост» опубликовала длинейший (по газетным масштабам) очерк Артура Шлезингера-младшего, профессора Нью-Йоркского Городского Университета, историка, пользующегося в наши дни большой известностью в кругах либеральной американской интеллигенции. Очерк его озаглавлен «Солженицын, каким мы оказываемся его видеть» и представляет собой попытку объяснить, из чего родилась и что собственно означает Гарвардская речь. Основную мысль Шлезингера вкратце можно изложить так: мы, американцы, видим в Солженицыне великого писателя, защитника свободы и прав человека, вступившего в единоборство с мощной безжалостной властью и вышедшего из этой смертельной схватки победителем; но мы не хотим видеть в нём мыслителя, философа, идеолога, который «отвергает либерально-демократический строй и стремится к христианскому авторитаризму». Шлезингер убеждён, что американцы не могут принять этого мировоззрения: «зная, сколько преступлений совершено было во имя той или иной **единой Истины**, американцы предпочитают быть открытыми для соревнующихся между собой многочисленных истин с маленькой буквы... Солженицын выступает в духе забытой традиции апокалиптического пророка, как библейский пророк призывая всех поклониться перед Всевышним.

Мало кто из ныне живущих заслужил себе право говорить с авторитетом пророка. Он — человек примерного благородства и крайнего мужества. Мощный беллетрист, историк, художник и моралист, взявший на себя страдания соотечественников, и великолепно изобличавший низкий и подлый строй. Когда Солженицын говорит, мир должен слушать. Но он должен слушать внимательно, понимая, что пророчество несёт в себе свой собственный догмат и что пророки не непогрешимы... Консервативные его поклонники отвергнув его критику капитализма, а либералы — его критику демократии... Его Гарвардская речь — не новое его открытие о Западе, он всегда так о нём думал... Его толкование природы и судьбы человека было бы вполне сродни пуританам, проповедовавшим в Гарвардском дворе три века тому назад... Его мощное и проицательное мировоззрение, величие и глубина его понимания зла, присущего человеческой природе, всё это выявляет плоскость новообретенной религиозности Белого Дома, который противореча Св. Августину и всему кальвинистскому миропониманию, провозглашает доктрину присущей человеку добродетели... Солженицын бросил вызов американскому самодовольству, гедонизму, посредственности массовой культуры, упадку самодисциплины и гражданского духа... Тут он стоит на одной почве с нашими пуританскими предками. К тому же его вера пронизана мистицизмом загробной жизни. С точки зрения русской религиозности земное счастье — ничто по сравнению с Божьим судом... Пуританская традиция была более эмпирична, более способна на уступки демократии, свободному обществу, в котором человек сам себе прокладывает путь трудом... В 18 веке кальвинизм впитал в себя традицию Джона Локка и положил философскую основу американскому опыту демократии. И тут традиции разошлись. Поэтому видение Солженицына с его равнодушием к человеческому счастью, с его презрением к демократии, с его верой в авторитарное государство, так чуждо великой традиции Запада... Солженицын приехал к нам с уже предвзятым мнением об американском упадке и трусости... Мы приветствуем его, радуемся его присутствию среди нас и преклоняемся перед его свидетельством, но он должен понять несостоятельность его грандиозного видения с точки зрения демократического свободомыслящего общества...»

Слова Шлезингера о «плоской религиозности» в известной мере были откликом на выступление жены Президента Картера, которая в пресс-конференции вскоре после Гарвардской речи

сочла нужным возражать на неё и как бы встать на защиту американского народа. «Я не слишком оптимистически отношусь к настроениям в нашей стране, но... я могу заверить вас, что люди здесь не слабы, не трусы и не истощены духовно... Александр Солженицын говорит, что он чувствует давление зла во всей нашей стране. Ну, а я совсем не чувствую этого давления». В доказательство правильности своего суждения Розалин Картер привела такие черты, как щедрость американцев, их всегдашнюю готовность отозваться на чужую беду и их участие во всевозможных благотворительных акциях. Выступление г-жи Картер вызвало немедленную и в общем скорее отрицательную реакцию американских граждан, писавших или звонивших в Белый Дом. Часто жене президента задавали вопрос: «а вы читали или слышали полный текст речи Солженицына?»

4. «Вашингтон Стар»

Вторая по важности газета столицы, «Вашингтон Стар» в редакционной статье задает вопрос: что же собственно нам говорит Солженицын? И отвечает: «одна из его тем это, что приверженность Запада к либеральному плюрализму не позволяет ему видеть беспощадность и зло тоталитарных амбиций. Он говорит, что мы дурачим сами себя, приписывая наши собственные благожелательные цели тем, у кого цели совсем иные. И в этом есть тревожащая истина. Мы вынуждены жить с этой постоянной тревогой. Однако лекарство не очевидно; ведь к самым смертельным из многих тоталитарных искушений принадлежит то, что свободные общества в самозащите могли бы превратиться в то самое, от чего они защищаются». И дальше: «Но политика и стратегия — отнюдь не центральная тема обращения Солженицына. Его пророчество не политическое в узком смысле этого слова, а, в некоторых отношениях, оно просто анти-политическое. Оно принадлежит к другим областям: исторической, эстетической, религиозной...» «...Периодические обвинения, которые Солженицын предъявляет западным гуманистическим ценностям, вызывают резкое желание опровергать и защищаться, что по всей вероятности доказывает тревожную точность самих обвинений...» «...однако великий русский пророк, живущий среди нас, по всей вероятности преувеличивает упадок Запада и во всяком случае недооценивает сложные преимущества свободных политических и экономических систем. По своей природе они не могут направлять вкусы или моральные цели, которым они предоставляют свободное поле

действия. Регламентация, — хорошо это или худо, — не цель наших государственных систем, государство не может быть учителем людей... Эту роль мы предоставляем церкви, школе и семье. Сила или слабость этих институтов отражается в том разложении и беспорядке, о которых жалеет Солженицын; свободные народы ждут духовного возрождения от усиления и укрепления этих институтов».

5. «Крисчен Сайенс Монитор».

Этот крупный информационный орган считается газетой интеллектуальной элиты Новой Англии, несмотря на прилагательное «христианский». В редакционной статье газета писала: «А. Солженицын — слишком мужественный и пронизательный критик своей страны, чтобы можно было не слушать его, когда он говорит о Западе... Его обличение культа материального благополучия и его громовой призыв к духовному пробуждению вполне заслуживает внимания. Но на них бросает тень его неуравновешенная оценка западных наций и его непонимание механизма демократии... Его право, конечно, отвергать западное общество как модель для изменения Советского Союза. Во многих отношениях и мы разделяем его мнение... Вот в чём мы не согласны с Солженицыным: он как будто ставит знак равенства между невероятным материальным прогрессом Запада и потерей моральной и духовной жизнеспособности. Мы же склонны утверждать обратное. Именно духовная концепция христианства, вместе с политическими и социальными идеями Просвещения, освободили человека и развязали его способности к развитию... Тем не менее не надо игнорировать предупреждения Солженицына. Нельзя отрицать, что Запад в опасной мере забыл библейские наставления. Он насыщен материализмом и... стал привержен букве закона больше, чем внутреннему самоограничению, которое одно и создаёт порядок и стабильность в обществе. Возможно, Запад действительно стал терять мужество перед лицом растущего вызова мирового коммунизма. Человечество действительно подошло к решающему историческому повороту... и каждый гражданин Запада должен задуматься над вопросами, которые задаёт Солженицын...»

Газета опубликовала статью известного публициста Нормана Кёзинса. «Солженицын уже не раз высказывал жёсткие вещи о западной цивилизации вообще, и об Америке в частности. Не новость, что знаменитый русский писатель, изгнанный советским

правительством, считает наше общество развращённым, алчным, злым, испорченным и страдающим от недостатка духовных ценностей. Важно понять, что при всём своем блеске Солженицын никогда не был страстным защитником демократии и политической свободы. Для него демократия слишком недисциплинирована, слишком неорганизована, слишком криклива и далека от тех целенаправленных ценностей, которые может дать только религия...»

Но «...основатели нашей державы обладали глубоким чувством истории, они изучили все виды государственного устройства и решили, что свободная политическая система, со всем её беспорядком, неряшеством и даже хаосом, все же предпочтительна аккуратному авторитаризму, в котором церковь обладает политическим влиянием. Я рад, что Солженицын чувствует себя свободным высказывать своё мнение в США. Нельзя ждать от него молчания на том основании, что он — гость. Но можно и удивиться: если жизнь в США столь скверна и продажна, зачем он поселился именно в этой стране?»

Известный обозреватель Р. Дреммонд в статье «Неправильный вопрос Солженицына» возражает всем тем, кто обиделся на Солженицына за критику их страны, где он — гость: «Я не вижу, почему надо обвинять его в неблагодарности. Наше гостеприимство ни на кого не накладывает никаких обязательств. Мы можем только гордиться тем, что человек, осмелившийся поднять голос против советских репрессий, теперь обладает свободой высказывать свое мнение о жизни в стране, где он живёт...» Неправильный же вопрос Солженицына заключается в том, что он ищет хорошего общества, которого нет — ни советское коммунистическое общество, ни американское демократическое — не хороши. Но спросить надо было бы — какая система более способна к улучшению? «...Мне нравится определение Уистона Чёрчилля: демократия самая худшая из систем, за исключением всех остальных». И автор приходит к выводу, что отрицательная и временами болезненная реакция на речь в большой мере вызвана была словами Солженицына, что он не рекомендовал бы западное общество как образец для преобразования советского.

Письма читателей по поводу статьи Кёзинса: «Что это за постыдное судилище, где журналист судит одного из величайших художников XX века? Парафразируя Солженицына, я спрашиваю: кто избрал Кёзинса на публикацию таких упрощенных мнений, не печатая при этом речи подсудимого или хотя бы выдержек из неё? Разве читатели «Монитора» не имеют права на полную

свободу прессы, т. е. на то, чтобы ознакомиться с обеими сторонами вопроса? Гарвардская речь не была проявлением отсутствия энтузиазма к свободе, она — творческий элемент в демократических прениях о нашей проблеме: как сохранить мир, не дав себя проглотить антагонистической силе СССР? Речь даёт нам возможность взглянуть изнутри на слабости нашего общества. Она даёт пищу для размышления всем тем американцам, которые не удовлетворяются стереотипным «приговором» Кёзинса».

Другой читатель: «...В Письме вождам Солженицын представляет себе Россию будущего, такую Россию, в которой законы не будут клочками бумаги, и не будут использоваться в защиту произвола и тирании. В том же очерке Солженицын сильно высказывается за разделение власти и особенно защищает новое рождение культурных свобод».

Письмо от группы жителей Кавендиша, где живёт Солженицын: «По нашему мнению Солженицын добился того, чего хотел: он потряс страну с силой землетрясения. Он говорит, как друг, а правда, которую он говорит, не только горькая, она в большей мере действительно правда... Многие из нас плачут о потере старомодных добродетелей той частью нашего общества, которая у всех на виду... Кто докажет ему, что мы способны выбраться из болота?.. Пресса особенно набросилась на слова о «праве не знать», усматривая в них атаку на свободу слова. Но это не так! Эти слова увещевают избавить нас от вздора, от пустяков — в мире, который уже перенасыщен ничего не значащими пустыми словами... Приговор — это что наша страна, Соединённые Штаты Америки, нуждается в серьёзных изменениях сейчас же. Весь вопрос в том, что мы сумеем сделать для этого?»

«6. «Журналы мнений».

Так называемые журналы мнений, среди которых многие христианского толка, подошли к Гарвардскому выступлению более вдумчиво. Вот некоторые отзывы:

«Он не прав во многих частностях, но прав в основной мысли: Запад духовно болен и страдает от глубокой потери воли... Центральная его тема — есть нечто более высокое, чем ценности нашей системы... Запад менее всего чувствует различие между добром и злом. Наши либералы обычно краснеют при слове «зло» и предпочитают говорить «ошибка, эксцесс»... Мы должны были бы понимать Солженицына так же, как мы понимаем жертв на-

цизма: он видел другую сторону того же ада, и она не менее сатанинская оттого, что на ней висит более модный ярлык... Либеральная демократия в последнее время проявляет терпимость ко всему, что не оставляет крови на стенах. Когда демократия становится самодовлеющей, она превращается в карточный дом... Когда терпимость ко множеству соревнующихся идей сама по себе становится идеологией, когда мы начинаем говорить, что все идеи равны, это нечто новое и чрезвычайно опасное... Как-то во время лекции, одна из студенток спросила: неужели я считаю, что есть лучшие и худшие идеи? — и когда я ответил утвердительно, она была искренне поражена. Один из преподавателей поддержал её: по-вашему не все идеи одинаковы? Это как раз тот образ мышления, который повёл к крестовым походам и к инквизиции. Я привлёк его внимание к различию между предпочтением данной идеи и насильственным навязыванием её, но он как будто не мог этого понять. Я предположил, что идеи Сократа всё же лучше, чем идеи Гитлера, — он отказался это признать... Повидимому, некоторое короткое замыкание такого рода произошло и в умах людей, которые не могут понять, что когда Солженицын говорит о неразумной свободе прессы — это не значит, что он призывает к цензуре, а когда он говорит, что свобода не есть наивысшая человеческая ценность — это не значит, что он призывает к авторитаризму. Его стремление к духовности отнюдь не есть стремление к теократии... Он просто подсказывает нам, с тем авторитетом, который даёт всё им выстраданное, что человеческая воля имеет пределы... То, что Солженицын говорит о Западе, не есть особый вид русского недовольства. Анна Арендт, например, писала, что западное образование уничтожает убеждения...» («Джон Гарвей в журнале «Коммонуил»).

«Знаменитый русский изгнанник сказал нам, что США — не моральный Прометей, что мы вложили слишком много надежды в социальное и технологическое развитие, которое нисколько не искупает нашей духовной бедности... Солженицын не мог не заметить духовного нигилизма нашего искусства и нашей литературы... Перечитав его речь несколько раз, я нахожу в ней глубокое духовное проникновение в жизнь нашей нации. Медиа нашей либеральной интеллигенции попыталась отмахнуться от него, как от «православного мистика» или «отшельника из Вермонта»... Я надеюсь всё же, что есть люди, готовые слушать его и среди тех, кто создаёт западные ценности и кто ответствен за их тол-

кование и распространение...» (Харольд Кьюн, профессор филологии религии, в журнале «Christianity today»).

А вот несколько крайняя реакция «секулярного комментатора» в журнале «Нью Лидер». «Величие Солженицына как писателя и как человека бесспорно, но уже в прошлом, а в Гарвардской речи ещё раз он заставил нас усомниться в своей компетентности как политического философа... Он проявляет себя типичным политическим романтиком, который пытается уйти от нерешённых проблем настоящего в никогда не существовавший Золотой Век прошлого...» На самом же деле самая страшная угроза нашего времени — это «ядерная война, которая делает устарелым различие между понятиями нападения и защиты, победы и поражения...» Любопытно раздражённое заключение автора: «Аплодисменты гарвардской публики, от которой можно было ожидать высокого уровня образования, действительно можно считать эмпирическим доказательством уладка Запада...»

7. Провинциальная пресса

Реакция провинциальной прессы часто менее стандартна, чем в центральных газетах.

Американская пресса — явление своеобразное в силу необычайного множества местных публикаций, обслуживающих сравнительно небольшие области. Средний житель Соединённых Штатов читает именно свою местную газету, а не столичные. Тираж «Вашингтон Пост» не достигает миллиона экземпляров даже по воскресеньям (когда гораздо большее число людей покупает газету, чем в будние дни). «Нью-Йорк Таймс» при всём своем могуществе продает всего лишь полтора миллиона экземпляров по воскресеньям (когда он превращается чуть ли не в альманах) и меньше миллиона по будням. И тем не менее есть укоренившаяся — у иностранцев, и как ни странно у самих американцев — привычка принимать суждения этих двух газет как отражение общественного мнения Америки. «Вашингтон Пост» — это столичная газета, «Нью-Йорк Таймс» — наиболее ориентированная (хотя и поверхностно) на внешний мир американская газета, — всё же большая ошибка судить только по ним о мнениях и настроениях этой огромной страны с её разнородным населением, у которого прочно укоренились привычка самостоятельно мыслить и сильный дух противоречия.

Вот статья гарвардской выпускницы этого года, опубликованная газетой города Портланд в штате Мэн: «Он перевернул многие наши представления о нас и о мире, которые Гарвард так тщательно выращивал... Он сделал из нашего выпуска ту вежу, какой и должна быть такая церемония. Он бросил нам вызов, он растормошил нас — и он останется с нами».

«Прежде чем присоединиться к хору критики, не будем забывать, что Россия всегда была глубоко духовной страной... Нельзя понять её великих писателей, не зная, что означало христианство для её народных масс... Солженицын в Гарварде говорил так, как он пишет: из сердца христианской России. Диоген может потушить свой фонарь: к нам пришёл честный человек. Постараемся прислушаться к его словам, пока он с нами. У пророков есть такая привычка — внезапно уходить». («Вермонт Католик Трибюн»). «Точка зрения Солженицына становится понятной в контексте славянофильского мышления... Для него наше общество — обречённое, а Россия восстанет, чтобы стать спасением мира... Но надо рассмотреть специфические вопросы, которые он поднял, а не спорить с ним. Настоящий вызов — внутри нас самих... Мы должны преодолеть слабости западного образа жизни... Его волнение о недостатке у нас духовности звучит глубоко правдиво...» («Балтимор Сан»). «Удивительна... ошибка журналистов в толковании его слов о превосходстве восточных характеров над западными: как бы некий павловский рефлекс заставляет их... высмеивать неблагодарного иностранца. Но ведь Солженицын совсем не хотел сказать, что надо аплодировать коммунизму в России за то, что он культивирует духовное развитие; наоборот, он говорил о духовном росте людей, гонимых и притесняемых большевиками и их аппаратом... Солженицын в Гарварде сказал многое, что просто выходит за пределы общепринятых рассуждений... Так как многие из тех идеалов, которыми мы оправдываем наш американский образ жизни, уходят корнями в Просвещение, — мы не должны удивляться критике, исходящей из более древней, более суровой и более пессимистической духовной традиции. И недостаточно отмахнуться от этой традиции под предлогом, что её в данном случае представляет русский. Правда, литературная родословная Солженицына связывает его с Толстым и Достоевским... Но в его гарвардских словах вновь обращались к нам Паскаль, Бл. Августин и Апостол Павел... Убеждение в том, что есть неискоренимое зло, исходящее не от Природы и не из социальных структур, а из сердца человека — это центральная тема христианского Запада...

Как потомок людей, смотревших на русских христиан из-под копыт их коней, я не слишком почитаю наследие христианских веков с его запасами то милосердия, то жертвы... И тем не менее... нельзя не принять призыв этого православного русского к моральному росту» (Алан Бергер в Бостонской газете «Рил Пэйпер»).

«Ретланд Дейли Херальд»: «Последствия гуманизма, автономность человека дали много хорошего, но они породили и эгоизм, и пустоту, — и редко кто сумел сказать это ярче, чем Солженицын... Те критические высказывания, которых мы не принимаем от наших политических деятелей и от наших военных, подозревая за нами эгоистические групповые интересы, мы принимаем от Солженицына, потому что он незаинтересован и искренен, и слова его звучат правдой...» «Атланта Джёрнал»: «Центральная тема речи Солженицына — тревога и печаль о судьбе всех людей на нашей планете...» «Рекорд», Нью Джерси: «Те категории, к которым привыкло большинство американцев, либералы и консерваторы, ястребы и голуби — расплываются и исчезают в присутствии ясновидящего. У Солженицына есть чем привлечь и оттолкнуть любую часть американского политического спектра... Если спросить себя: какими были библейские пророки, или Данте, Мильтон, Ницше — то Солженицын наверное очень близок к ним. Человечество может вынести лишь очень немного таких людей в одну эпоху. Но где было бы человечество, если бы их не было?» «Лос Анджелес Таймс»: «А. Солженицын в Гарварде был прямым продолжателем великих пуританских проповедников, как бы их перевоплощением, и в этом было много прелести... но мало прелести было в его осуждении нашей свободной прессы, нашего подчинения законам и нашей озабоченности правами человека. Для тех из нас, кто помнит трупы вьетнамских женщин и детей, изуродованных и сожжённых нашим напалмом, мало прелести было в его осуждении студентов, протестовавших против нашего долгого и трагического вмешательства во Вьетнаме... Его речь была реакционна...» Ответ читателя, тоже бывшего ученика Гарварда, напечатанный в той же газете: «Автор комментария о речи... чувствует себя «прогрессивным либералом» и поэтому смотрит на Солженицына с презрением... Это вполне естественно, поскольку автор вырос в ложной системе образования, которая лет на 50 отстала от всего новейшего научного развития. Она основана была на материализме Ньютона и на скептицизме Давида Хьюма, а религиозное мировоззрение полностью удалено было из нашей системы образования. Результаты этого: вандализм, невежество, неуважение к авторитету, безнравствен-

ность и преступность. Все цивилизованные нации находили в Боге мудрость и нравственный закон... Но даже не в этом дело, а дело в том, что новая физика Эйнштейна, Нильс Бор, Де Бройль, Гайзенберг и Шредингер полностью отбросили наивный материализм Ньютона и обратились к религиозному мышлению и даже к мистицизму... Таким образом получается, что реакционер — это автор статьи, который упорно цепляется за устаревшее антирелигиозное мировоззрение... Солженицын может ошибаться по частным пунктам, но в главном он прав».

«Пайлот» (газета католической епархии в Бостоне): «...Пресса набросилась на отдельные, вырванные из контекста отрывки гарвардской речи... Присутствовали ли её надменные оракулы в Гарварде или нет — в общем не важно, ибо им всё равно всегда трудно слушать кого бы то ни было, кроме самих себя и своих поклонников... Солженицын сказал, что путь от Средних Веков до нашего времени обогатил наш человеческий опыт, но ослабил, если не устранил полностью, ощущение Божественного в нашей жизни... В секулярной обстановке нашего времени понятно, что эти слова воспринимаются, как нечто жёсткое и неприемлемое: как можно говорить о Боге и о Его правах, когда современные умы одержимы человеком и его неограниченными возможностями?..»

Статья журналистки Мэри Мак Грори была напечатана в ряде провинциальных газет под разными заглавиями (заглавия обычно даёт не автор, а редактор данной газеты); одно из самых характерных — «Трудно смириться с тем, что гигант нас не любит». Центральный тезис статьи, промелькнувший, как уже упоминалось, во множестве других комментариев, в той или иной форме — что американская публика обиделась на Солженицына за то, что он «отказался от приятных клише и общих мест»; кроме того, он «инакомыслящий, который не любит нашего инакомыслия» и он «не любит нашу прессу за разглашение ею оборонных секретов», а «этого американцы не могут понять» (последние тезисы — типичная критика лево-радикальных кругов). Дальше идёт объяснение, которое тоже в той или иной форме давалось многими комментаторами: «надо помнить, что Солженицын — не эмигрант, а изгнанник...» «...в Соединённых Штатах он не находит того культа страдания, который так характерен для русских... ему не хватает тех безумно храбрых товарищей, которые были с ним в неравной битве против чудовищного государства...» И тут не преминули ответить читатели. Вот одно из постоянно повторяющихся возражений: «...Солженицын говорит нам о про-

пасти между тем, чем Америка должна была бы быть и что она есть в данный момент... Очевидно, Солженицына достаточно интересуется эта страна, чтобы дарить ей не комплименты, нам совершенно не нужные, а конструктивную критику, нужную нам до зареза...»

«Сиэтл Таймс», статья редактора (негра) Били Расселя: «...Солженицын не слишком высокого мнения о том, как ведутся дела в СССР и в США... Есть люди, разочарованные тем, что он считает бессмысленным попытаться заменить коммунизм демократией, поскольку ни та, ни другая система не несёт в себе ничего глубинно и фундаментально ценного... Он — поэт, и как таковой он умеет оглядываться в прошлое, в те времена, когда человек должен был тяжело трудиться, чтобы постепенно добиваться свободы и поэтому радовался плодам своих усилий... Он не думает, что русский народ может выдержать свободное общество; отчасти эта проблема стоит и для нас. Когда мы видим злоупотребления некоторыми свободами, возникает склонность их отобрать, но ведь если это произойдет, то закроются и пути высказывания для таких людей, как Солженицын. А стоит терпеть сотни тысяч безответственных писателей, чтобы прочесть хотя бы одну главу Солженицына...»

«Филадельфия Инквайрер»: «Это была длинная, замкнуто-связанная речь. Это была работа романиста, принимающего вызов, как делают лучшие из этой породы... Искусство и художники несут обязанность относительно всех остальных: постигать и выдвигать свои постижения без компромисса». «Его критикуют за то, что он живёт в уединении и не почувствовал пульса подлинной Америки. Но ведь в Вашингтоне живут в гораздо более опасном одиночестве...»

Патрик Бьюкенен в ряде газет: «...Вздорная критика, выплывающая на поверхность прессы, только подтверждает: то, что он сказал в основе, — правда...» Стентон Ивенс, тоже во множестве газет: «...Читая обличительные статьи против Солженицына в «Нью-Йорк Таймс» или то, что написал о гарвардской речи Артур Шлезингер, можно подумать, что он напал на саму идею личной свободы и потребовал установления деспотического строя... Но текст его речи ни в коей мере не оправдывает всех этих упреков... Он точно определяет ту концепцию свободы, которой верны были основатели нашей страны: мы за права человека потому, что человек — дитя Божье... Речь была защитой традицион-

ного понимания свободы против её современных извращений... Это — мощная речь». Как видно, реакция провинциальной прессы Америки широка и разнообразна. Она склоняется скорее в положительную сторону и чётко выявляет контраст между реакцией тех, «кто лепит общественное мнение», и откликом большей части остальной Америки.

8. Письма в газеты

Вот еще несколько отрывков из огромного числа писем, опубликованных прессой: «Солженицын смертельно ошибается, если думает, что ограничения нашей свободы нас укрепят...» «...Солженицын не понимает, что в нашей слабости — большая сила: в несходстве, в индивидуализме, в двойственности, в том, что мы совершаем ошибки, в наивности и в немонолитности правительства. Это всё происходит из свободы и м. б. непостижимо для традиционного русского...» «...Слава Богу, таков путь нашего закона: сила в слабости. Солженицын хочет повидимому чего-то другого, нежели демократической республики...» «...Он защищает дисциплину Востока, которая чуть не уничтожила его самого...» «В свободе есть жизненная сила, которую не могут понять ни тираны, ни их жертвы...» «...Америка спасла его родину от гитлеровских орд...» «...Не переносу, когда гость читает нам лекцию о наших недостатках... КГБ выбросил его из его страны, а он осуждает нас за чрезмерную свободу и за трусость...» «...Скажи он всё это в Гарварде в конце 1930-х годов — тоже было бы всё правда. А потом — как едины и сильны мы оказались в войне...» «...Табу у нас — священная, неприкосновенная пресса. Кто выступит против неё, тот консервативный радикал, подлежащий психоанализу. Это случилось и с Солженицыным...» «...Как обжигающе было прочитать, что мы потеряли мужество, что мы в состоянии истощения... и возмутило высказывание про близорукого деятеля, подписавшего вьетнамскую капитуляцию... Но больше всего возмутило меня то, что по всем этим пунктам Солженицын абсолютно прав...» «...Речь — прекрасна, а реакция прессы — злобная. Статьи против Солженицына — извращение драгоценной привилегии свободы прессы. Они не только исказили саму речь, но и добавляют свои слова и понятия... Они показали нам технику, как сооружают окаменелый панцырь вокруг голов...» «Замечания Солженицына сильно взволновали многих либералов. Их возражения — прекрасный

пример либеральной склонности из-за деревьев не видеть леса...» «Надо учиться у него, а не сердиться. Руководители Запада ведут себя, как слабые люди...» «...Если восхищаться его откровенностью в одном географическом пункте (СССР), то надо уважать её и в другом (в США)...»

9. Письма Солженицыну

На следующий же день после произнесения речи начали поступать со всей Америки (в Гарвард, в издательства, в редакции газет и просто на адрес «Солженицын — Вермонт» прямые обращения к Солженицыну с откликами на его речь. Таких писем больше тысячи: 90% из них выражают согласие, благодарность и похвалу, 1% грубо ругательны, в уже знакомом нам стиле: «если вам тут не нравится, то уходите восвояси», причем интересно, что многие из них — от совсем свежих испеченных американцев, людей, которые сами эмигрировали в эту страну всего несколько лет тому назад и, в основном, из стран Восточной Европы — Чехословакии, Югославии и т. п. Остальные письма содержат возражения на «несправедливую критику Америки» или (реже) какие-либо рассуждения более общего характера.

Начнем с кратких посланий, которые посыпались в самые первые дни и были целиком положительными: «Спасибо за Гарвардскую речь. Америка нуждается в Вас и приветствует Вас». — «Гарвардская речь была мудрой и правдивой. Я надеюсь, что мы сумеем откликнуться. Я читал Архипелаг ГУЛаг и в меру своих сил смиренно страдал с Вами и с Вашим народом.» — «Пожалуйста, продолжайте говорить правду нашей стране. Она стоит того, чтобы её спасти. Мы благодарим Бога, что он дал Вам такой великий дар, чтобы Вы могли служить Ему особым образом.» — «Ваша речь должна была бы стать обязательным чтением во всех учебных заведениях Америки» (от судьи из Массачусетса). — «Вы взываете к фундаментальным американским концепциям, которые похоронены под чрезмерным богатством и материализмом. Какую задачу Вы на себя взяли! Честь Вам и слава, сэр!» — «Только что прослушали Вашу замечательную речь. Мы молим Бога, чтобы мир прислушался к Вам. Ваши пророческие слова — источник надежды для многих. Будьте счастливы в нашей стране». — «Пишите дальше и, если можно, говорите чаще. Ваши слова могут оздоровить мир, погрязающий в упадке». — «Про-

должайте говорить! Свобода требует ответственности и дисциплины. Если бы Вы вошли в нашу политическую и государственную жизнь, огромное число людей голосовало бы за Вас и за Ваши идеалы.» — «Спасибо Вам за Ваши книги и за то, что Вы сказали в Гарварде. Дай Бог Вам, и всем изгнанникам, вернуться к себе на родину. Я молюсь за Вас ежедневно.» — «Ваше предупреждение Западу и особенно моей чудесной родине Америке великолепно. Да благословит Вас Бог.» — «Вы оказали нам огромную услугу, сказав нам правду. Мы молимся за то, чтобы Вас поняли. Спасибо за Ваше мужество!» — «Слушал Вашу речь и плакал. Вы — совесть Америки. Пожалуйста, говорите чаще.» — «Извне Вам виднее, чем нам. А газетам всё равно никто не верит.» — «Спасибо за прекрасную речь. Если человек обретет вновь свой образ, как дитя и творение Божье, тогда можно будет найти единение и понимание между людьми.» — «Я был в СССР в 1930 годах и я видел все ужасы, которые там совершались. Мой отец был из тех американцев, которые участвовали в строительстве Днепростали. Но я видел в России и много, много икон Богородицы с Младенцем Иисусом и множество церквей — закрытых, конечно. У Вашей страны огромные запасы Божьего милосердия, добытые, накопленные молитвой, страданием и жертвой... Мы с Вами — одного возраста. Я вероятно увижу гибель своей страны, а Вы — возрождение Вашей.»

Посмотрим на письма «против» — прежде всего на «ругательные». От американки русского происхождения: «Если Вы не любите США, оставьте их тем из нас, кто их любит...» От военного на пенсии: «В Советском Союзе Вас расстреляли бы за такие высказывания... Все иностранцы стремятся сюда, потому что нигде нет таких возможностей...» — «Я и многие американцы готовы умереть за свою родину, и в случае нужды мы это сделаем. Если Вам здесь не нравится, уезжайте!»

А вот возражения другого рода и стиля. «Я далеко не со всем согласен, что Вы сказали; но я ценю искренность и серьезность Вашей речи. Ваша оценка нашей ситуации во многом точна, но Вы нас недооцениваете. Мы слишком многогранны, чтобы можно было давать о нас общее суждение. Я думаю, что мы сильнее и лучше, чем Вы о нас думаете — хотя мы слабее и хуже, чем сами хотим себя видеть.» — «Вы правы почти во всём, но я думаю, что Вы недооцениваете внутреннюю духовную силу американской нации. Приезжайте к нам на Средний Запад и на Запад. Большие города на восточном побережье в очень плохом состоянии, это

правда, но ведь это не Америка...» (от врача из штата Вашингтон). — «По газетным отчётам у меня создалось впечатление, что Вы опасаетесь за будущее Америки. Я думаю, Вы ошибаетесь. Мы вообще склонны стесняться нашего патриотизма. Я не слишком восхищаюсь некоторыми нашими лидерами, но наша сила не в наших политических деятелях. Сила Америки в любви к свободе. А также в нашей ненависти к войне. Если нам придется сражаться за свободу, мы это сделаем.» — «Грусть, которую я испытывала, слушая Вашу речь, вызвана была тем, что Вы не знаете ещё той Америки, которую мы все любим. Во всех нас глубоко живет воспоминание о наших предках, создавших нашу страну, и гордость ими... Вы говорили о том, что произошло в Нью-Йорке, когда город остался без электричества. Но в прошлом году Бостон оставался без электричества (и без отопления, без транспорта и т. д.) неделю и не только никто никого не грабил — наоборот, все объединились и помогали друг другу, делились друг с другом. В Америке миллионы церквей и тысячи школ, где глубока сила молитвы, традиции, нравственность и искренность. Там есть настоящая доброта.» — «Известно, что американский народ в момент испытания умеет подняться до больших высот мужества и решимости. Мне очень жаль, что сегодня Вы так мало у нас находите. Но течение меняется. Среди нашей молодежи — духовное пробуждение, они не довольствуются материализмом. Рядовые граждане всё лучше понимают, что мы должны быть сильными перед натиском тоталитаризма...» — «Многое плохо на Западе, но мы не сдаемся: христианство у нас сильно и распространяется всё шире, настоящее христианство, не то, которое проповедует Всемирный Совет Церквей.» — «Я участвовала в протестах против Вьетнамской войны; затем я с тяжким чувством следила за событиями в Камбодже, и наконец, я впала в глубокую депрессию; и вот теперь я пишу Вам... Тогда нам казалось, что война — это грех, зло, всякая война, и что если мы ту войну остановим, мир станет лучше. Теперь мысль о том, что и мои руки покрыты кровью жертв геноцида в Камбодже леденит меня.» — «Я сражался пять лет во Вьетнаме. Когда я вернулся домой, мой родной младший брат, студент, обвинял меня в том, что я садист и кровопийца... Когда пал Сайгон, я плакал так, как никогда в жизни. Пусть Бог простит моей стране то, что она сделала: я простить не могу.» — «Я — американец, но стараюсь жить не материализмом, а духовными интересами. Я сам ненавижу всё то в нашей цивилизации, что Вы осуждаете, но мне удается жить иначе. Вы должны узнать нас

шире и глубже. Я работаю в общине, созданной для помощи душевно больным. Играю на виолончели, читаю, пишу и стараюсь помочь людям найти в жизни хорошее. Приезжайте к нам! Много лет уже я восхищаюсь Вашими произведениями.» — «Америка так же разнообразна и многогранна, как Ваша страна, и её так же трудно подвести под какую-либо единую категорию. Нельзя судить о ней по прессе. Приезжайте к нам. Вы убедитесь в том, что у Америки есть душа — как есть она у России. Спасибо Вам за то, что Вам не всё равно, что происходит в мире, и за мужество.»

* * *

Гарварская речь затронула, всколыхнула всё американское общество, от либеральной интеллигенции до простого народа, который держится за религиозные основы общественной жизни. Прошел год, но речь все еще обсуждается в газетах, журналах, письмах, в пастырских проповедях, изучается в кружках молодежи.

Обзор составлен Ириной Иловайской

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

...Все время растущий интерес к «Вестнику» в России обусловлен прежде всего горячей жаждой познания и одушевленным вниманием, с которым относится молодое поколение к темам русского религиозного и культурного возрождения начала века и его творцам, возрождения, трагически прерванного в 1917 году. 60 с лишним лет непрерывного духовного и физического истребления, систематическое угашение духа смогли задержать, но не остановить неизбежный процесс религиозного, национального и культурного преобразования России, ставший заметным фактором нашего времени. Вобравший все лучшее, что находим в предреволюционных журналах «Новый путь», сборниках «Вопросы религии», книгах издательства «Путь», а также в выходящих в эмиграции журналах «Путь» и «Новый град», «Вестник» является их законным наследником и продолжателем в современных условиях.

Приобщая все новые души к духовному наследию вечной России, восстанавливая фрагменты утраченной исторической памяти, Вы выполняете провиденциальную миссию — создаете условия для оригинального религиозного творчества и подготавливаете облик грядущей России, обновленный Светом Христовой Истины.

В последнее время читаю № 126, чрезвычайно удачно составленный. В богословском отделе привлекает внимание глава из курса Н. Афанасьева «Вступление в церковь». Все материалы по истории первохристианства вызывают обостренный интерес: при всех различиях есть и разительное сходство переживаемого нами времени с первыми веками по Р.Х. Как тогда, так и теперь за имя Христа люди принимают поношение, гонения, мучения и смерть. И само существование христианства и Церкви, как и тогда, сейчас снова под вопросом, хотя и непреложным остается обетование Спасителя о Церкви — «Врата адовы не одолеют ю». И потому духовный опыт первохристиан становится духовным опытом наших дней.

Иеромонах Хризостом высказывает ряд существенных доводов в защиту православия, не ученных апологетом старообрядчества Н.Н. (№ 125).

Отметим, что замечательный русский мыслитель предреволюционной эпохи М. О. Меньшиков, расстрелянный большевиками в 1918 г., сближал старообрядчество с особого рода маниакальной страстью мизонеизмом, который характеризуется безответным страхом и боязнью перед новизной. «Мизонеизм, — писал Меньшиков, — принимал у нас в истории иногда уродливые формы, например, в религиозном расколе. В то время как на Западе диссиденты боролись против устаревших форм, сковывающих дух веры, наши протестанты протестовали против всяких попыток освежить устаревшие формы. Наперекор разуму и достоинству веры у нас отстаивали орфографические ошибки, придавали трагическое значение двуперстию, бороде и т. д. Тут мы встречаемся с мизонеизмом, дозревшим до маниакальной страсти». (М. О. Меньшиков. «Письма к ближним», Петроград, 1916). Обратной стороной мизонеизма, страха перед новизной является идолопоклонство перед новизной, отчасти исказившее дух петровских преобразований. Староверчество, характеризуемое как своего рода «китайский застой, самомнение народа, замкнувшегося в своей племенной исключительности и гордящегося перед всеми национальной обособленностью своею» и ксеномания (чужебесие) — две болезни, порожденные одной почвой, не укрылись и от взора внимательного наблюдателя русской жизни XVII века Крижанича. Вопрос: смогла ли бы Россия старообрядческая противостоять ленинской революции — неправильно поставлен. Но на неправильно поставленный вопрос нельзя дать ответ, ибо если бы не было Петра, то Россия, раздираемая хаосом анархии и религиозной смуты, явилась бы добычей усилившихся соседей и ее постигла бы судьба Индии или Китая. Хуже ли подобный исход большевистского погрома — об этом можно только гадать. Ясно одно: если бы Петр не воссоединил вновь (вторично после Св. Владимира) Россию с Европой, не вернул бы Россию в семью европейских народов (проникновенные страницы на эту тему находим в книгах В. В. Вейдле «Задача России» и «Безымянная страна») — не было бы чуда великой русской культуры XIX в., христианской по существу, не было бы Пушкина и Достоевского, одно явление которого оправдает русский народ на Страшном Суде народов (Н. Бердяев).

О том, что старообрядцы не так безобидны и не являются только религиозными мечтателями, лишний раз напоминает иранская рознь, вызванная необузданным фанатизмом шиитов (чем-то схожих с нашими старообрядцами). Ужас вызывают святые пра-

ведники, не уходящие от мира страстей, а рвущиеся к власти. Достигнув желаемого, получив власть, они еще могут расчистить путь красному молоху.

О. Д. Дудко в беседах о пагубном вреде пьянства и курения кажется потухшим, усталым..., а сами беседы страдают некоторой прямолинейностью, упрощенным морализированием, вызывая в памяти соответствующие филиппики Л. Н. Толстого, не принесшие особой славы великому писателю. Но нельзя не верить в благодатную силу молитвы о. Дмитрия за всех сбившихся с пути, в том числе и за пьяниц. Рассказ же о. Дмитрия о пьянице Валерке (стр. 16-17) неожиданно напоминает по стилю... Зоценко. Будем же надеяться, что это только случайный спад, и о. Дмитрий снова окажется на высоте духовного созерцания и обретет вдохновение, присущее его лучшим проповедям.

В исторической главе из подготовленного к печати романа А. И. Солженицын с присущей ему глубиной и основательностью разворачивает перед читателями панораму русской жизни, отмечая характерные особенности последних двух лет исторического бытия императорской России. Самоотверженной борьбе армии с превосходящими силами противника явно не соответствовали усилия, предпринимаемые в тылу, по оздоровлению экономики и снабжению фронта и городского населения продовольствием, хотя наличные запасы хлеба и фуража во много раз превосходили запасы союзников и противников России.

Солженицын отмечает и другой решающий фактор: в то время как во всех главных воюющих странах правительства и военные руководители были наделены диктаторскими полномочиями, необходимыми для успешного ведения войны, — в России Государственная Дума становится центром преступной агитации и командным пунктом революции.

Солженицын приводит стенографическую запись заседаний руководящих деятелей прогрессивного блока, решивших судьбу России. Герои февраля и марта предстают в неприглядном облике закоренелых интриганов, ломящихся к власти (и проломившихся к ней), но реально не представляющих связанной с этой властью ответственности. Какое доверие мог оказать Государь законченным изменникам (Милюков, Гучков, Некрасов) и глупцу (Родзянко), какие слова могли бы затронуть эти принципиально преступные души? В том и величие В. В. Розанова, что он понимал (в числе немногих) тупость и бессодержательность русского предреволюционного общества, весь кошмар безумия, охватив-

ший «лучших людей», неспособных умом постигнуть и сердцем почувствовать, что действуя против Государя, в России ничего нельзя достигнуть, но все можно погубить. Духовная и художественная интуиция, никогда не оставлявшая Розанова, приоткрыла перед ним на мгновение завесу, скрывающую темное будущее, и он отшатнулся, увидав в торжестве социализма только смерть, уничтожение культуры, оледенение душ и сердец. Отрывки из «Опавших листьев» несомненно принадлежат к лучшим страницам Розанова.

Основательный разбор книги проф. Р. Пайпса и критику его концепции происхождения тоталитаризма в России, концепции явно поверхностной и непродуманной во многих аспектах, представила И. Иловайская. Нравится особенно тон ее статьи — спокойный, уверенный, но лишенный полемической запальчивости и сведения личных счетов, чем грешат, к сожалению, некоторые авторы в предыдущем номере «Вестника».

Взглядам П. Струве на русскую революцию посвящена глава из книги Р. Пайпса. И она побуждает еще раз продумать вопрос об истоках русского коммунизма, коренится ли он в скифской бездне и можно ли возлагать ответственность за страшную идеологию уничтожения на всю нацию, или эта идеология была занесена извне, и только узкий интеллигентский слой привел великий народ в состояние подобного безумия? Или прав проф. Ф. А. Степун, видевший трагедию России в том, что именно она явилась местом «непонятной» встречи будто бы чуждых друг другу, а на самом деле весьма родственных начал: коммунистической фразы и мужицкого бунтарства?

Нам важно чаще слышать мнение и голос редактора в спорах о путях и судьбах России. К заметкам по поводу Гарвардской речи А. И. Солженицына, вполне справедливым и устанавливающим особую пророческую традицию, присущую русской литературе, традицию, которую продолжает А. И. Солженицын, можно только добавить, что и старая русская эмиграция в лице своих лучших представителей следовала этой традиции, неустанно предупреждая Запад, все время скользящий по краю бездны. Но древняя поговорка говорит: мир хочет быть обманутым. И десятилетиями Запад предавался преступному самообману, доверяя лжи и распространяя ложь о проводимом в России социальном эксперименте, оказывая преступному режиму материальную и моральную помощь. В наши дни начинает рассеиваться мираж социального рая, ибо Запад нашел в себе силы прислушаться к предостерегающему

голосу А. И. Солженицына. Не случайно и то, что А. И. Солженицын говорит о вине Запада перед Россией. Об этой вине Запада задолго до Солженицына писал Д. С. Мережковский: «Русские знают: если бы чья-то протянутая из Европы, невидимая рука не спасала советскую власть, каждый раз, на краю гибели, то Россия уже была бы свободна». (Д. С. Мережковский. «Атлантида-Европа», Белград, 1930, стр. 8). Но его не слышали, не хотели слышать. Видя всю неискренность и преступную слепоту Запада, Мережковский все же утверждал, что даже плохой рай демократии лучше межпланетного холода коммунизма.

И может быть, эти слова русского мыслителя-художника разрешают сомнения Солженицына в жизнеспособности западной демократии, столь характерно отразившиеся в Гарвардской речи?

Живые черты облика о. Н. Афанасьева и проф. А. В. Карташева запечатлены в весьма ценной статье о. К. Фотиева «Национальное и вечное».

Отметим еще замечательные воспоминания Н. Ю. Фиолетовой — скромные, почти скупые и вместе с тем такие выразительные. Их тема — непрекращающиеся гонения на христиан в СССР в 20-40 гг. Как много почерпнет в них будущий историк России для понимания трагической судьбы русской Церкви в XX веке.

Беглый обзор не позволяет отразить все богатое содержание «Вестника РХД» № 126. Заметим, что особого рассмотрения заслуживает статья Безансона «Россия и Советский Союз».

В заключение выскажем некоторые пожелания: хотелось бы, чтобы редакция помещала больше материалов о духовной жизни современного Запада, о новых явлениях в католической церкви. Нужны обстоятельные статьи о Фатиме, об явлениях Божьей Матери в Зейтуне, о чудесных исцелениях в Лурде, о праведниках XX столетия, например, о Терезе Баварской.

Мы также хотели бы знать, в чем заключается дело мятежного архиепископа Лефевра и правда ли, что католическая церковь деканонизировала ряд святых, в том числе Св. Николая, Св. Варвару, Св. Георгия? Ведь до нас доходят только слухи и мы лишены сколь-нибудь достоверной информации.

В разделе поэзии следовало бы представить читателям лучших поэтов эмиграции: Н. Оцуа, Б. Поплавского, А. Штейгера, Ю. Терапиано, И. Чиннова, Ю. Иваска, В. Перелешина и Н. Моршена. О них еще недостаточно знают в России, но интерес к их творчеству очень велик.

А. Н.

YMCA-PRESS приступает к изданию научной серии

Исследования Новейшей Русской Истории

Серия будет составлена из томов с оригинальными монографиями и сборниками документов. В центре внимания — история, новейшая, с 1917 года, но будут и работы, освещающие XIX век и более глубокую предысторию. Серия ставит себе задачу восстановить многие утерянные или намеренно скрытые или искажённые факты, явления, движения нашей недавней истории, без которых невозможно полное осознание нашего настоящего и предположения на будущее.

Издание повторяется на главных иностранных языках.

Серия выходит под общей редакцией

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Том I - Народное сопротивление России коммунизму в его первые месяцы. 1917-1918. — Документы и материалы.

Том II - Демографическая и биосоциальная революция в СССР. 1917-1922. — М. С. Бернштам.

Том III - История либерализма в России. (1762-1914) — В. В. Леонтович.

Том IV - Россия и социализм в XX веке. — Сборник статей разных авторов (И. Г. Дядькин, А. Епифанов, И. А. Курганов, С. Н. Лотков, С. Г. Пушкарёв, Дмитро Соловей, Ю. С. Сречинский и др.)

Редакция приглашает авторов из СССР принять участие в последующих томах этой серии. Манускрипты и материалы можно присылать по адресу Всероссийской Мемуарной Библиотеки:

В.М.Б. «для ИНРИ».

Post Office Box 1446. Boston, Mass. 02101
USA

Edition YMCA-PRESS «для ИНРИ»

11, rue de la Montagne S-te Geneviève. 75005 - Paris
FRANCE

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

Стр. 3

Вотисловие...
 На духовных бесед...
 Всплеск...

Православные на Западе
 Проф. А. Шеметов (США)
 Культурного центра в Монреале
 100
 104

СОДЕРЖАНИЕ SOMMAIRE

Литература VII
 140
 142
 147
 156
 157
 202

LES DESTINEES DE LA RUSSIE
 202
 218
 224
 228
 232
 235
 284

РОССИЯ

А. Н. Шеметов (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции: К преодолению кризиса (Письмо членам Движения) — прот. А. Шмеман (США)	3
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Из духовных бесед — Преп. Макарий Египетский	5
Софиология смерти (окончание) — о. Сергей Булгаков	13
Размышления о Ниле Сорском — А. В. Первущин (Канада)	33
Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви — Николай Герасимов (Москва)	41
■ Православие на Западе	
Радость — прот. А. Шмеман (США)	97
О создании духовного и культурного центра в Монжероне — Н. Струве (Париж)	100
Памяти архимандрита Иустина Поповича — Иоанн Бесс (Франция)	104
■ Христианство на Западе	
Новые семена созерцания — Томас Мертон	108
Письмо москвичам (В защиту христианского гуманизма) — Ю. Иваск (США)	127
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — Ю. Кублановский (Москва)	140
Стихи — Ю. Вознесенская (Ленинград)	145
Глава из узла 2. "Октябрь шестнадцатого" — А. Солженицын	147
Из неизданных писем Марины Цветаевой	166
Память и "Память" — М. Геллер (Париж)	192
"История либерализма в России" В. Леонтовича — И. Иловайская (Рим)	205
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Пути духовного возрождения	
Защита канонов православия. 1922-1925 — К. Криптон (США)	218
Единственная встреча — Н. Шеметов (Москва)	244
■ Вопросы общественности	
Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. — М. Бернштам (США)	252
О Гарвардской речи А. Солженицына — В. Тростников (Москва) ..	358
Отклики на Гарвардскую речь А. Солженицына в США	362
■ "Вестник" читают в России	
Письмо из Москвы — А. Н. (Москва)	384

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs : Pour surmonter la crise (lettre aux membres de l'A.C.E.R.) — P. Alexandre Schmemann (U.S.A.)	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
Homélie spirituelle — Saint Macaire d'Egypte	5
La sophiologie de la mort (fin) — P. Serge Boulgakov	13
Quelques réflexions sur Nil de la Sora — A. V. Pervouchine (Canada)	33
Entrer dans l'Eglise et confesser l'Eglise dans l'église — N. Guerassimov (Moscou)	41
● Orthodoxie en Occident	
Joie — P. Alexandre Schmemann (U.S.A.)	97
Création d'un centre spirituel et culturel à Montgeron — N. Struve (Paris)	100
In memoriam archimandrite Justin Popovitch — Jean Besse (France)	104
● Christianisme en Occident	
Nouvelles semences de contemplation — Thomas Merton	108
Lettre aux Moscovites (Pour la défense d'un humanisme chrétien) — Iu Ivask (U.S.A.)	127
LITTERATURE ET VIE	
Vers — Iu. Koublanovski (Moscou)	140
Vers — Iu. Vosnessensky (Leningrad)	145
Un chapitre d'Octobre 16 — A. Seljénitsyne	147
Lettres inédites de Marina Tsvetaieva	166
Mémoire et « Mémoire » — M. Heller (Paris)	192
« Histoire du libéralisme en Russie » de V. Leontovitch — I. Ilovasky (Rome)	205
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
● Vers une renaissance spirituelle	
Défense des canons orthodoxes. 1922-1925 — K. Kripton (U.S.A.) ..	218
Une rencontre unique — N. Chemetov (Moscou)	244
● Problèmes sociaux	
Les parties dans la guerre civile de 1917-1922 — M. Bernstam (U.S.A.)	252
Le discours de Harvard d'Alexandre Soljénitsyne — V. Trostnikov (Moscou)	358
Réaction au discours de Harvard d'A. Soljénitsyne aux U.S.A.	362
● Le « Messenger » lu en Russie	
Lettre de Moscou — A. N. (Moscou)	384

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

Свидетельства:

Л. ЧУКОВСКАЯ. Процесс исключения

Картина литературной жизни послехрущевского периода. Описывая свое исключение из Союза писателей, а затем из всех издательств и как бы из самого общества, писательница расширяет рамки повествования, рассказывая о судьбах других исключенных и о самом процессе, приобретающем ныне обратный характер, когда уже не Союз расправляется со своими членами, но сами писатели исключают его из собственной жизни.

230 стр., 45 фр.

М. ПОПОВСКИЙ. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого Архиепископа и хирурга

Книга об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) — миссионере и хирурге, стойком исповеднике веры и верности Русской Православной Церкви в годы самых жестоких гонений на нее при советской власти. Жизнь Владыки Луки показывается на фоне бурных событий русской истории двадцатого века и широкой картины жизни России и Православной Церкви под режимом большевиков.

525 стр., 87 фр.

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 033-74-46

ПРОЗА

В. КОРМЕР. Крот истории

Повесть о советском эксперте по внешней политике, отдыхающем в санатории, где раньше жил Сталин. Мечта о карьере, бесконечные интриги, попытки найти нового вождя народа, преследующие воображение героя, постепенно приводят его к безумию.

Единодушным решением жюри повести присуждена первая премия на конкурсе Даля за 1978 год.

230 стр., 45 фр.

В. ВОЙНОВИЧ. Претендент на престол. (Новые приключения солдата Чонкина).

Продолжение смешных и горестных приключений Чонкина, волею всевидящих органов, ставшего в ходе следствия руководителем страшного заговора против советской власти. Все действие происходит на фоне неразберихи и паники первых месяцев войны.

350 стр., 54 фр.

ПОЭЗИЯ

Д. БОБЫШЕВ. Зияния. Стихи

Сборник стихов известного ленинградского поэта, принадлежащего к «ахматовской группе».

240 стр., 36 фр.

ПЕРЕИЗДАНИЯ РЕДКИХ КНИГ

В. РОЗАНОВ. Религия и культура

Переиздание редкого сборника статей В. В. Розанова, посвященного взаимосвязанности религии и культуры и влиянию христианства на культурные процессы. (с изд. 1899 г.)

272 стр., 48 фр.

Заказы просим направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS,

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris — France.

МАГАЗИН
Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 033 74 46 et 033 43 81

переиздания

В ПРОДАЖЕ:

Домострой по Коншинскому и подобным спискам.

На церковно-славянском языке. Подготовил к изданию
А. Орлов. С изд. Москва, 1908. Репринт 1967, стр. 170 +
139 (2 части). В переплете.

ОРЛОВ А. Домострой. Исследование. С изд. Москва, 1917.
Стр. 212. Репринт 1967. В переплете.

Обе книги 165

Русская былина старой и новой записи.

Под редакцией акад. Н. Тихонравова и проф. В. Мил-
лера. С изд. Москва, 1894. Стр. 304. Репринт 1970.
В переплете 224

История русской литературы XIX в. В 5-ти томах.

Под ред. Д. Овсяннико-Куликовского, С изд. Москва, 1910.
Репринт 1969. В переплете 760

Памятники отреченной русской литературы. В 2-х томах.

Собраны и изданы Николаем Тихонравовым. С изд. СПб,
1863. стр. 313 + 457. Репринт 1970. В переплете 400

ПЛАТОНОВ С. Ф. Лекции по русской истории.

С изд. Петроград, 1917. Стр. 743. Репринт 1967. В переп-
лете с золотым тиснением 242

РУССКОЙ КНИГИ

Магазин открыт все дни с 9,30 до 18,30
кроме понедельника и воскресения

редких книг:

Россия в конце XIX века. Ф. фр.
Под общей редакцией В. И. Ковалевского. С изд. СПб,
1900. Стр. 968. Репринт 1968. В переплете 422

ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Восточные отцы IV века.
С изд. Париж, 1931. Стр. 240. Репринт 1978. В переплете 168

ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Византийские отцы V-VIII веков.
С изд. Париж, 1933. Стр. 260. Репринт 1978. В переплете 168

ПОСЕЛЯНИН Е. Русские подвижники XVIII века.
С изд. СПб, 1905. Стр. 355. Репринт 1978. В переплете .. 198

Монашеская жизнь по изречениям о ней Святых отцов под-
вижников. С изд. Киев, 1909, стр. 225. Репринт 1978. В
переплете с золотым тиснением 165

ФЛОРЕНСКИЙ Павел. Столп и утверждение истины.
Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. С
изд. Москва, 1914. Стр. 812. Репринт 1978. В переплете с
золотым тиснением 285

ГОЛУБИНСКИЙ Е. История русской церкви. В 4-х томах. С
изд. Москва, 1901. Репринт 1979 г. Переплет с золотым
тиснением 925

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ОБЩЕСТВО

- поддерживает людей, борющихся в тоталитарных странах за осуществление принципов Всеобщей декларации прав человека,
- оказывает материальную и правовую помощь людям, лишенным свободы за их религиозные, общественные или политические убеждения,
- посредством различных публикаций информирует общественность Федеративной Республики Германии, Австрии и Швейцарии о борьбе за гражданские права в тоталитарных странах. Периодически публикует материалы САМИЗДАТА.

Председатель Общества защиты прав человека

Проф. Хельмут Ницше

Заместитель председателя

И. Агрузов

Наш адрес: Gesellschaft für Menschenrechte e. V.
Kaiser Str. 40
Postfach 2965
6000 Frankfurt/M 1
Telefon: (0611) 23 69 71
Bundesrepublik Deutschland

КОНТИНЕНТ

№ 20

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

Главный редактор: Владимир МАКСИМОВ

Кубинские поэты - политзаключенные. В переводах Василия Бетаки
Феликс Кандель. Зона отдыха, или 15 суток на размышление
Алексей Цветков. Новые стихи
Вячеслав Сорокин. Маленькие истории из цикла "Любимый человек"

Стихи: Александр Верник, Константин Кузьминский, Даниил Надеждин

РОССИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Игорь Ефимов-Московит. Политические выгоды нищеты

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Эдуард Оганесян. Философия национализма

ЗАПАД — ВОСТОК. Родольфо Квадрелли. Двойная утония

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

О положении заключенных в лагерях СССР

РЕЛИГИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Доминик Моравский. Под знаком перелома

ФИЛОСОФИЯ. Александр Зиновьев. Заметки об идеологии

ИСТОРИЯ

Борис Парамонов. Парадоксы и комплексы Александра Янова

ИСТОКИ. Измаил Ахмедов. Война

ИСКУССТВО. Дора Ромадинова. За порогом серебряного юбилея.
Алексис Раннит. Генрих Элинсон — художник сверхреальностей

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ: Памяти ушедших. Арман Малумян. И даже наши слезы... Герман Файн. Памяти Толи Якобсона

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: А. Гимейн. Нулевой час • Н. Горбаневская. Поговорим о зверюшках, милые детки... • Л. Алексеева. Путеводитель по аду психиатрических тюрем • Сергей Юрьенен. Охота жить • В. Карлинский. Наука вступает в партию • В. Рыбаков. Костер для "новых философов" • Василий Бетаки. "Проба подняться из гроба" • В. Иверни. В конце века, в начале века...

КОРОТКО О КНИГАХ • ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

НАША АНКЕТА: Мстислав Ростропович о Галине Вишневской

Цена отдельного номера: 32 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" < LA PENSÉE RUSSE >

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

67-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 40 амер. долларов

6 месяцев — 22 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представ. газеты, с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

54-ый год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:

M. Solovey, «Our word», P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011
Sydney, Australie.

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

«Parish News», 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

В Израиле:

Michel Agoursky, ROB 7344, Jérusalem.

В Швеции:

Bishop S. Timtchenko. Box 19027, Stockholm, 19, Suède.

Directeur responsable: Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.